

№9

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

ГИДАЯТ. <i>Горящая в Ирване лампа. Пьеса</i>	3
Натиг РАСУЛЗАДЕ. <i>Игра в покер. Повесть</i>	39
Андрей МАНСУРОВ. <i>Грозный дракон.</i> (Глава из романа «Подкладка изнанки Ада!..»)	105
Севда АГАЛАРОВА. <i>Хитрый план. Юмореска</i>	131

ПОЭЗИЯ

Сергей ЖАДАН. <i>Стихи</i>	104
Игорь ЕРОФЕЕВ. <i>Стихи</i>	118

ПУБЛИЦИСТИКА

Гусейн БАЙКАРА. <i>Культура Азербайджана период ханств</i>	30
Александр ХАКИМОВ. <i>Красная рука российского кино</i>	121

2024

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474 https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Тофик МЕЛИКЛИ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 27.8. 2024г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

© «Литературный Азербайджан», 2024г.

ГИДАЯТ

ГОРЯЩАЯ ЛАМПА В ИРЕВАНЕ

Перевод Али САИДОВА

*Эпическо-лирическая мистическая драма в двух актах
и семи картинах с прологом и эпилогом*

Действующие лица:

СУЛТАН ОГУЗ – писатель.

ШАХ ИСМАИЛ ХАТАИ – правитель Сефевидского государства

РЕВАНГУЛУ-ХАН – правитель Иревана

ИСТОРИК

ФИРАНГИЗ – научный сотрудник

ЭМИЛЬ САРДАРОВ – заместитель прокурора

УСУБ – сторож в доме отдыха

САЛТАНАТ – супруга Султана Огуза

НАИРА – сотрудница КГБ Армянской ССР

КАРИНЭ ШАХНАЗАРОВНА – председатель суда Абовянского района

ПОКРОВИТЕЛЬ – высокопоставленный сотрудник Союза писателей СССР

СУСАН – работница почты

АЙКАЗ – начальник отделения милиции

АШОТ – милиционер

СУРЕН – лжесвидетель

ВАРТАЗАР – директор дома отдыха

ПЕРВЫЙ ТЕМНЫЙ СИЛУЭТ

ВТОРОЙ ТЕМНЫЙ СИЛУЭТ

ГОЛОС ИЗ РАДИО

ГОЛОС СЕКРЕТАРШИ

ГОЛОС ИЗ ТЕЛЕФОНА

МУЗЫКАНТЫ (ЗУРНА, БУБЕН), ЛЮДИ С ФАКЕЛАМИ, ЛЮДИ В ЧЕРНОМ

МЕСТО – ЗАПАДНЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН. ВРЕМЯ – 1980-е ГОДЫ

Пролог

*Вокруг темно. Издалека доносится голос шаха Исмаила Хатаи,
правителя Сефевидского государства.*

Шах Исмаил Хатаи.

Горсть родной земли считал я дороже горсти золота;

Одно коротенькое слово на нашем языке – выше меры драгоценностей.

Историк (*его голос доносится издалека*). Внимание!.. Внимание!.. Слушайте!..
Слушайте и никогда не забывайте: в начале XX века из Западного Азербайджана были
изгнаны тысячи наших соотечественников. В 1948-1953 годах 150 тысяч наших

братьев и сестер были выселены со своей родины. Депортация 1988 года, последующая трагедия 20 января, Ходжалинский геноцид 26 февраля способствовали «расцвету» армянского шовинизма. За один ли миг постигло это нас?! Конечно же, нет! Забывчивость – вот наша трагедия! Мы должны изучить все произошедшее! Мы должны всегда помнить эти ужасы и трагедии, доносить правду будущим поколениям и никогда не быть забывчивыми.

*Постепенно свет луны начинает распространяться по небу.
Медленно проявляется полутемный силуэт дворца Иреванского хана.
В лунном свете, проникающем в окно, в полутьме оживает интерьер дворца.
Во дворце появляется душа Ревангулу-хана в виде силуэта.
Ревангулу-хан зажигает большую лампу, висящую высоко, и движется к трону.
Когда до трона остается совсем чуть-чуть, неожиданно поднимается сильный ветер. Он гасит лампу, которая только что осветила дворец, и уносит ее в своем вихре.
Душа Ревангулу-хана движется по внутреннему пространству дворца.
Издалека голос шаха Исмаила Хатаи начинает звенеть и эхом разноситься в ушах Ревангулу-хана.*

Шах Исмаил Хатаи (*выглядит призрачно*). Эй, Ревангулу-хан! Когда я, правитель Сефевидов шах Исмаил Хатаи, назначил тебя правителем Иреванской крепости, я подарил тебе лампу. Я повелел, чтобы ты зажег ее в крепости, и чтобы эта лампа стала вечным огнем! Где же свет этой лампы?..

От голоса шаха Исмаила Хатаи, разносящегося эхом, Ревангулу-хана начинает трясти. При слабом лунном свете он падает на колени и, воздев руки к небу, молится.

Ревангулу-хан. О, владыка Неба и Земли, мой всевышний Аллах!.. Снова поднялся черный ветер, и погасла моя лампа, реликвия шаха Исмаила Хатаи, которую я только что зажег!.. Вы сами свидетели: черные ветра, дующие над нашими головами, веками не оставляют нас в покое. Ты сам защити нас от черных ветров, мой великий Аллах!.. Иреванская крепость – это память о наших дедах! Это наша корона, свет наших очей!.. Это место надежды нашего народа, нашей нации! Не лишай нас надежды, о, владыка Неба и Земли!.. Пошли нам огонь из того, что зажжен нашими героями в Карабахе!.. Не допусти, чтобы погасла наша лампа! Помоги нам, великий Аллах!..

Лунный свет постепенно меркнет. Вокруг все темнеет.

Первый акт

Первая картина

*Историк, всегда записывающий происходящие события при тусклом свете в одном углу дворца, ходит по дворцу, освещая себе путь.
Со всех сторон перед его глазами оживают силуэты замерших людей.
Это словно силуэты наших предков и врагов, оставшихся по ту сторону истории.
Историк поочередно подходит к силуэтам, освещая их, и начинает разговор с лампой.*

Историк (лампе). Кто я?! (От имени лампы сам себе отвечает.) Человек!.. (Лампе.) Кто ты?! (От имени лампы сам себе отвечает.) Свидетель событий... (Лампе.) Кто они?! (От имени лампы сам себе отвечает.) Люди, которые создали историю... (Лампе) Люди!.. Человек, откуда ты идешь?.. (От имени лампы сам себе отвечает.) Из колыбели... (Лампе.) Куда ты идешь?.. (От имени лампы сам себе отвечает.) В вечность... (Общий разговор.) И вопросы вечны, и ответы тоже... Я не помню своего прошлого, даже своей колыбели... Но мне всегда казалось, что моя колыбель – это мой отец, моя мать, наш дом, оставшийся от моего деда, земля, на которой я живу... Я знаю одно: моя мама у изголовья колыбели пела мне ласковые колыбельные, которые всегда погружали меня в сладкий сон. Она очаровала мою душу этими колыбельными... В это же время наши соседи-армяне с черными мыслями и черными душами шептали в уши своим новорожденным детям...

*На мгновение появляется несколько человеческих силуэтов, одетых в черное, у одного в руках запеленатый младенец. Их голоса слышатся издалека, и разносятся по окрестностям, отдаваясь эхом:
«Турок – твой враг! Турок – твой враг! Турок – твой враг!»*

Историк. Поглядите на разницу!.. С одной стороны, ласковая колыбельная турецкой матери, колыбельная, доставляющая радость, а с другой, – гнев коварных людей, переполненных чувством мести!.. Я – из Западного Азербайджана. Я из Иревана... Хорошо зная свой народ, я в то же время знаю армян, которые на протяжении всей истории раз за разом приходили к нам, лестью и хитростью пытались завоевать наши сердца, таким образом завоевав себе якобы родину на наших землях. Я боролся с ними всю свою жизнь. Их коварная политика никогда не сбивала меня с пути... Смерть ужасна – у кого может быть другое слово?

Но еще страшнее, когда вместе с человеком умирают и его воспоминания. Хвала создателю, мои воспоминания еще не умерли. Поэтому я говорю, пишу... Я наблюдатель, я пишу то, что вижу, я говорю то, что думаю. В своих наблюдениях я высказываю свое отношение к каждому тонкому моменту. Теперь я буду вспоминать событие, которое постоянно беспокоило меня в уголке моей памяти... Обратите внимание!..

*Историк медленно уходит в свой угол. Ставит лампу на стол и начинает писать.
По мере того, как он пишет, раздается телефонный звонок.
Под трель телефонного звонка дворец хана превращается в дом Наиры.
Наира поднимает телефонную трубку. В трубке слышен грозный голос.*

Наира. Алло, слушаю...

Голос из телефона. Султан Огуз переходит всякие границы! Сначала он написал роман «Юрд». Это прямое позиционирование против нас... А теперь «Горящая в Ирване лампа». Здесь он пошел еще дальше. Доказывает, что на этих землях не было даже наших пыльных следов. Что значит лампа, которую шах Исмаил подарил Ревангулу-хану? Мы знаем, что такая лампа существует, о чем свидетельствуют и раскопки. Но мы докажем, что эта лампа была привезена нами из Римской империи. Для этого мы прилагаем серьезные усилия... Ты срочно берешь Султана Огуза под строгий контроль. Старайтесь, чтобы он за это время он не мог ни с кем контактировать. Пусть будет один. Вы же получите дополнительные указания!..

Наира. А его супруга?..

Голос из телефона. На какое-то время разлучите их.

Наира. Простите, но... (сама себе) Но как?!

*Телефонный разговор прекращается.
Наира задумчиво ходит из угла в угол, затем быстро выходит из кабинета.
Сцена меняется, квартира Султана Огуза.
Наира и Салтанат сидят друг против друга.*

Наира. Салтанат-джан, матах, ты очень хороший человек, хорошая домохозяйка, заботливая, вьешься над головой Султана, как мотылек, очень уважаешь и любишь его. И он тебя очень любит. Но меня очень беспокоит то, что у вас нет детей. Не стыдно тебе, что такая идеальная семья – и без детей?

Салтанат. Большое спасибо, Наира. Я благодарна тебе за беспокойство, но как мне быть? Я ничего не могу сделать. Годами мы ходим по врачам, но ничего не получается. Не везет нам, и все...

Наира. Матах, послушай меня. У нас есть одна знакомая, у нее та же самая проблема. Она в Гейче нашла одного подпольного знахаря, который все умеет. Это на самом деле ваш метод лечения. Мы его у вас переняли... Но... хорошо делаем...

Салтанат. Наира, у вас и так своего ничего нет, все у нас берете. Например, рецепт долмы...

Наира (*хихикает*). Хорошо делаем...

Салтанат. Потом говорите «армянская долма».

Наира (*хохочет*). Ха-ха-ха...

Салтанат. Я уже не говорю об армянском кофе... Воруете нашу музыку, песни... Но... никогда не можете петь, как мы...

Наира. Салтанат-джан, я вижу, у тебя душа переполнена...(хохочет) Ха-ха-ха...

Салтанат (*не обращая внимания на хохот Наире*). Я говорю неправду?

Наира (*запнувшись*). Ты права, матах, но мы сейчас говорим о ребенке. Да... Знакомая пошла к этому знахарю, тайно неделю лечилась, теперь она беременна. Услышав об этом, я сразу вспомнила тебя. Ты ведь знаешь, что я тебя очень люблю. Поэтому подумала, что ты обязательно должна пойти к этому врачу.

Салтанат. Я не знаю, что скажет по этому поводу Султан, надо с ним поговорить...

Наира. Ты что, в такие дела мужчин не посвящают!

Салтанат. Но ведь я без Султана никуда не ездила...

Наира. А разве в Гейче у тебя нет родственников?

Салтанат. Есть.

Наира. Ну и хорошо, скажи Султану, что на неделю едешь с ними повидаться, отдохнуть. Пусть разрешит. Он тебя очень любит, не откажет... Понимаешь, мужчинам не нравятся такие дела, поэтому ты должна поехать одна...

Салтанат. Хорошо, Наира, спасибо. Но это немного смахивает на предательство...

Наира. Ахчи, какое предательство? Напротив, ты ему приготовишь такой сюрприз, которому цены не будет.

Салтанат. Хорошо, давай посмотрим, смогу ли я уговорить Султана.

*Наира уходит.
Салтанат переходит в другую комнату.
В сумрачном свете появляется задумчивый Султан Огуз.
Из радио доносится голос.*

Голос из радио. Правление Союза писателей СССР по предложению Союза писателей Армянской ССР выдвинуло на Государственную премию СССР романы армянских писателей Жоржа Бабаяна «Земля» и Султана Огуза «Горящая в Иреване лампа».

Султан Огуз (*возмущен новостями, которые он слышит по радио*). Что?.. Что это значит?.. Что это за бесстыдство?! Какой такой армянский писатель?! Что значит «по предложению Союза писателей Армении?» Я азербайджанский писатель!.. Армяне даже не напечатали мою работу. Я напечатал этот роман в Азербайджане! А при рассмотрении вопроса на соискание премии Союз писателей Армении всячески выступал против моей кандидатуры. Я лично от своего имени направил роман в Союз писателей СССР на соискание премии. Что же теперь такое случилось, что армяне хотят присвоить мое произведение? Что происходит?!. Здесь что-то не так!.. Определенно у армян какая-то цель! Нет!.. Я не могу это так оставить! Сейчас же пойду, отправлю телеграмму в Москву и выражу свой протест!.. Мне не нужна награда с таким названием!.. Они хотят превратить меня в ничто в глазах моего народа! Этого не произойдет!

У Султана Огуза внезапно кружится голова.

Он садится на стул, обхватив голову руками, все вокруг погружается во тьму.

Сцена меняется: в слабом свете, проникающем в окно, дом Наира кажется призрачным. Наира сидит на диване.

Перед ее глазами, как кинолента, оживает разговор с покровителем в Москве.

Покровитель. Наира-джан, матах, это невозможно...

Наира. Ничего невозможного не бывает, цаватанем...

Покровитель. Матах, этот роман доказывает, что мы пришлая нация в Ереване. Представление его на Государственную премию СССР для армян смерти подобно!

Наира. Не бойся, мы не такая нация, которая погибнет из-за какого-то паршивого романа...

Покровитель: Да, наверное, представление будет, но премию получит Бабаян.

Наира. Премию должен получить только Султан Огуз.

Покровитель: Ты о чем говоришь, Наира? Мы предаем сами себя!

Наира. Мы эту премию используем в свою пользу, друг мой. Она станет толчком для идеи Великой Армении. Это тебе задание, твое дело исполнить. И точка.

Покровитель. Как я это решу?!

Наира. Это твои проблемы!

Покровитель. Наира, не надо меня втягивать в такие трудные, скандальные дела...

Наира. Послушай, ты раньше таким не был...Ты, кажется, с катушек съехал. Каждый раз действуешь мне на нервы. Мы для чего тебя продвинули на такую должность?!

Покровитель. Наира-джан, ты меня не так поняла...

Наира. Не придуривайся. Я все это не с потолка взяла. Мне что поручают, то я и делаю. Будь добр исполнить.

Покровитель. Как скажешь, Наира-джан, все сделаю.

Наира. Так-то вот!

Покровитель. Хорошо, Наирочка. Но скажи, а как мы вылезем из такой авантюры? Как мы это повернем в свою пользу?

Наира. Этот план уже готов. Мы подкупим пару влиятельных личностей СССР других национальностей, они на роман напишут рецензии, в которых разгромят его в пух и прах, представив при этом роман как попытку внести межнациональную рознь. В результате будут опозорены те, кто присудил премию, и тот, кто ее получил. Одновременно мы подготовим артефакты, доказывающие, что мы являемся аборигенами этой земли. Вот так...Таким образом роман Султана пойдет в мусорную корзину, а мы достигнем своей цели.

Покровитель. Отлично! Если честно, я бы до этого не додумался...

Наира. Когда будет готовиться постановление, обязательно укажите в тексте «писатель Армении». И еще, постарайся, чтобы Султан Огуз был представлен в списке, предложенном Союзом писателей Армении.

Покровитель. Почему?

Наира. Ты знаешь, что подпись Султана Огуза как автора очень уважаема. Одним своим словом он может поднять на ноги всех турок в Армении. Однако если он получит премию по нашему плану, все турки в Армении от него отвернутся. А это нам на пользу.

Покровитель. Да, я тебя понял. Но, Наира-джан, включить Султана Огуза в список Союза писателей Армении будет очень сложно. Нужно согласие правления Союза. Иначе в Союзе писателей будет крупный скандал.

Наира. На это уже времени нет. Оно ограничено.

Покровитель. Нет, это невозможно. Меня армянские писатели повесят.

Наира. Ты опять начинаешь?! Кажется, не можешь вылезти из своего амплуа. Ты вынуждаешь меня написать рапорт на тебя куда надо.

Покровитель. Я понял тебя, Наира-джан! Я все сделаю...

Наира. Вот так! Наконец-то... Не забывай, что там, где главенствует национальная стратегия, остальное отходит на задний план. Нерешенных вопросов не должно быть... Мы должны так запудрить мозги туркам, чтобы они считали нас своими закадычными друзьями. Да, кстати, завтра первым рейсом тебе доставят ящик пятизвездочного коньяка «Эрибуни». Поделишься с друзьями.

Покровитель. Обязательно...

Наира. Да, и еще... Сумму за ту премию получишь ты. Ну, а мы, как старые друзья, поделим ее на двоих (*Хихикает.*) Ну, как, нравится тебе такое?

Покровитель (*от неожиданности заикается*). К-к-акие деньги? 3-за п-премию?

Наира. Да, за премию. Мы же не можем отдать такую сумму какому-то турку.

Покровитель. Конечно, денежный вопрос интересен. Но как это будет сделано?

Наира. Мы все просчитали. В тот момент Султан будет в больнице. За деньгами придет супруга. А деньги случайно будут украдены. Вот так (*Хихикает.*) Ну, как тебе?

Покровитель. Ну, не знаю, Наира-джан. Я в шоке... Разве такое возможно? А Султан не заподозрит?

Наира (*ухмыляясь*). Ты посмотри на него! Его, кроме судьбы своей нации, ничего не интересует... Как турки говорят: «И поедем, и поедим». То есть дружба дружбой, а табачок врозь. Это бесплатные советские деньги. Получи и кайфуй...

Покровитель. Ты уникальная женщина, Наира!

Наира (*говорит мягко, спокойно, с сожалением*). Я же не напрасно большую часть жизни потратила, соседствуя с этим бессмысленным турком!.. Поручения выполняла! И продолжаю выполнять свою работу. А ты выполняй свою, матах...

Покровитель. А что будет с нашим Жоржем Бабаяном? Он с вожделием верит в то, что получит премию. От этого известия он инфаркт получит.

Наира. Во имя Великой Армении твой Жорж может немного подождать. А инфаркт заработает не Жорж, а Султан Огуз.

Покровитель. А это еще почему? Из Армении мы выдвигаем на премию не армянина, а его. Что ему еще надо?

Наира. Для Султана важны не премии, квартиры, богатство, имя, а будущее его народа...

Покровитель (*взволнованно*). Ну, хорошо, посмотрим, как мы провернем это дело. Но я понимаю, что это будет началом моего конца, Наира. Молись, чтобы сами армяне тебя не покарали.

Тусклый свет из окна гаснет. Чувствуется, что Султан Огуз потихоньку приходит в себя, и все вокруг начинает светиться. Султан Огуз убирает ладони от головы. Он смотрит вокруг и пытается понять, что происходит. Ему страшно. Он слышит голоса издалека.

Наира. Султан... Султан... Поздравляю тебя, дорогой сосед...

Султан Огуз (*ему все еще страшно*). При наличии Бабаяна Союз писателей Армении никогда не представит на премию мой роман. Здесь точно какая-то игра. Наверняка меня хотят подставить для своих целей.

Наира. Не надо негатива, товарищ Султан Огуз, будь позитивнее, мой дорогой сосед... Правительство Армении хочет взять на себя ответственность за вашу работу, оно вас понимает, а вы ведете себя неблагодарно.

Султан Огуз. Наира, вы, армяне, никогда ничего не делаете просто так. Вы ведь даже соседство с нами недаром завели... Из этого точно что-то должно вылезти. Похоже, они идут на этот шаг, чтобы появиться в наряде ангела, а потом подготовить очередную депортацию. Мое сердце давно чуяло, что они хотят создать Армению без турок.

Наира (*с иронией*). Вай, вай, вай... А я даже не знала, что мой дорогой сосед Султанчик – астролог.... (*Кричит.*) Откуда у тебя такие пустые мысли?!

Султан Огуз. Из книги Жоржа Бабаяна «Земля». В ней он четвертую депортацию расписал как программный документ. Разве это неясно?

Наира. А что за лампа в твоём романе?

Султан Огуз. Моя лампа – это действительность! Правда!

Наира: Ой-ой-ой, правда... действительность... Пустые слова, Султан Огуз! Ты – писатель, зачем тебе политика? Будет лучше, если ты оценишь армянский гуманизм. Союз писателей Армении, несмотря на то, что ты написал про какую-то лампу, наряду с произведением своего писателя выдвинул на престижную премию и твой роман. Глядишь, а вдруг ее тебе дадут? Ты лучше об этом думай.

Султан Огуз (*злится*). Я под таким соусом эту премию не хочу! Писатель из Армении! Это еще что такое? Вы еще напишите «армянский писатель».

Наира. Эх, неблагодарный турок с черной душой!

Султан Огуз словно в наваждении слышит Наиру, говорящую голосом Салтанат.

Наира – голосом Салтанат. Султанчик, давай лучше поговорим о том, какова сумма Государственной премии! Когда мы поедем в Москву? (*Она потирает ладони и широко улыбается.*) Чтобы получить наши законные деньги? Сколько? Сто тысяч? Миллион? Да буду я твоей жертвой, от такого душа человека озаряется радостью! Отныне мы являемся лауреатами Государственной премии СССР. Ой... у меня аж сердце забилось. (*Подходит к Султану Огузу, хватая его за руку и хочет приложить к своей груди.*) Смотри, смотри, как оно трепещет... (*Султан убирает руку.*) Тук-тук-тук... Стучит... Наши места на мероприятиях будут самыми лучшими. Скажут, смотрите, жена лауреата Государственной премии СССР идет (*Смеется.*) Ха-ха-ха!.. Интересно, какие у них привилегии?..

Султан Огуз. Наира! Ты почему разговариваешь голосом Салтанат?

Наира – голосом Салтанат. Я и есть Салтанат. Человек с черной душой.

Султан Огуз. Ты, армянка, никогда не можешь быть Салтанат! Салтанат – святая тюркская женщина! Ты по сей день так и не поняла этой разницы?! Мою Салтанат никогда не изменят ни деньги, ни слава, ни привилегии. Это невозможно! Уйди с глаз моих долой! Ты травмишь мне душу.

Наира – голосом Салтанат. Сегодня все решают деньги, мой полуголодный сосед, Султанчик... (*Хохочет.*)

Султан Огуз. Это ты так думаешь, а я нет!

Наира – голосом Салтанат. А ты забыл времена, когда мучился, что не мог купить подарки на праздники? Когда в карманах не было даже копейки? В этом мире все продается и покупается, товарищ Султан Огуз!

Султан Огуз. Не смей очернять голос моей Салтанат своей противной рожей! Я тысячу раз сожалею, что мы с тобой соседи.

Наира – голосом Салтанат. Почему? Я очень довольна!

Султан Огуз. Заткнись, я сказал!

Наира (своим голосом). Молчи! Не говори. И так ничего хорошего не скажешь. Ты – не что иное, как писателишко-слепец.

Султан Огуз пытается разобраться в своем состоянии. Он отстраняется в сторону. В этот момент исчезает и Наира. Чувствуется, что Султан Огуз пришел в себя.

Султан Огуз. Это было наваждение?.. Мне кажется, я схожу с ума... Эта награда точно сведет меня с ума... Я пойду на почту. Я pošлю телеграмму и откажусь от награды... В противном случае эта ситуация сработает на армян! Они хотят убить двух зайцев. С одной стороны, они опустят меня в глазах моего народа, а с другой стороны, они натравят армян на наших... *(Выходит из двери.)*

Вторая картина

Дом Наира. Наира злая ходит из угла в угол. Продумывает следующие шаги. Подходит к телефону, набирает номер.

Сусан. Почта, Сусан вас слушает.

Наира. Сусанночка, это я, Наира.

Сусан. О, Наирик, давно не слышала твой голос. Как ты?

Наира. Не очень хорошо.

Сусан. Почему? Что-то случилось?

Наира. У моего соседа Султана Огуза крыша поехала...

Сусан. Конечно, поедет, и даже у меня, если я буду на его месте. Только что по радио слышала...

Наира. Послушай, Сусан-джан, жена этого пустоголового человека умоляла меня помочь ей. Ты же знаешь, я не жалею ни для кого своей помощи. Султан сейчас придет на почту, pošлет телеграмму в Москву, чтобы отказаться от награды. Ты пишешь текст телеграммы, берешь деньги, говоришь «отправлено», но не отправляешь.

Сусан. Вай аствац, почему он так делает? С утра каждый проходящий на почту армянин ругает Союз писателей Армении. Дескать, почему наряду с таким прекрасным произведением Бабаяна он представляет пасквиль турка, написанный против армян?

Наира. Понимаешь, Сусанчик, наши пока не понимают истинной цели этого. Результат будет потом. Но Султан это понимает и поэтому хочет отказаться от награды. Чтобы мы не смогли усыпить бдительность турок. Поняла?

Сусан. Нет, не поняла.

Наира. Ладно, ты сделай то, что я говорю, об остальном не думай. Это национальный вопрос, Сусанчик.

Сусан. Ладно, как ты скажешь, так и сделаю.

Наира. «Красный мак» с меня.

Сусан. Ой, я люблю тебя!

Наира кладет трубку, потом снова набирает номер.

Наира. Соедините меня с правлением Союза писателей СССР.

Через мгновение перед глазами Наиры силуэт покровителя.

Покровитель. Алло...

Наира. Привет, красавчик.

Покровитель. Ооо, Наирик, ты, кажется, никак не насладишься моим голосом!

Наира. Нет! Он почуял, что мы, армяне, затеваем игру.

Покровитель. Умный... Это естественно, что автор такого романа догадался.

Наира. Пепел ему на голову! С утра у себя дома сам с собой разговаривает. Пошел на почту отправлять телеграмму. Отказывается от премии. Будьте бдительны: если телеграмма придет – уничтожьте.

Покровитель. Наира, ты что, за ним из своего дома следишь? Как тебе это удается?

Наира. Ты не в свои дела не лезь! Занимайся своими.

Покровитель. Не беспокойся, Наира-джан! Все равно обратной дороги нет.

Наира. Пока. До встречи. *(Кладет трубку.)*

Третья картина

Парк перед почтой. Султан выходит из почтового отделения, складывает вчетверо квитанцию, кладет в карман и направляется к скамейке. Садится.

Невдалеке милиционер, озираясь, заговорщически о чем-то говорит с Суреном, мужчиной в гражданской одежде.

Рукой показывает на Султана Огуза и дает указания мужчине.

В этот момент перед глазами Султана слово появляется Салтанат, и он мысленно с ней разговаривает.

Султан Огуз. Салтанат.. Ты моя жизнь, душа моя, моя королева!

Салтанат. Султан, ты султан моей жизни, моя корона!

Султан Огуз. Ты очень хороший человек, Салтанат! Ласковая... Ты и в молодости была такой. Ты была единственной девушкой, которая очаровала мое сердце своим сладким языком, живым темпераментом, добрым сердцем, без устали снова и снова выражала свою любовь ко мне. Ты так очаровала меня тогда, никого не подпускала ко мне...

Салтанат. Потому что я любила тебя больше всех! Я не могла отдать тебя никому. Если бы они забрали тебя у меня, я бы умерла... Я не могла жить без тебя. Мы женаты много лет, и мы никогда не расставались. Мы всегда были вместе. Куда бы мы ни пошли, всегда вместе!.. И только один раз я уехала на три дня в Гейче, и здесь я скучаю без тебя.

Султан Огуз. И я скучаю без тебя!.. Особенно сегодня!

Салтанат. Почему, мой любимый? Только потому, что я оставила тебя одного в Иреване и уехала в Гейче?.. Что делать, я сказала, поедем вместе, но ты не смог. Потерпи, через пару дней я вернусь.

Султан Огуз. Сегодня на меня нашло страшное наваждение, Салтанат... Наира, как дьявол, стояла передо мной и твоим голосом наговорила много гадостей...

Салтанат. О чем ты говоришь, свет моих очей, почему тебя постигло наваждение? Я тут же выезжаю! С этого дня я ни на миг тебя не оставлю одного. Ты весь смысл моей жизни!

Султан Огуз. Нет, нет, не спеши, отдыхай. Все уже прошло... Беда велика... Когда приедешь, поговорим. Береги себя. Гуляй по берегу озера... Когда будешь выезжать, сообщи, я встречу.

Сурен, что-то напевая себе под нос, идет в сторону Султана.

Сурен. Эй, садовник, садовник... (Султану.) Хаес?

Султан Огуз. Нет, турок! (Обращает внимание, что тот внимательно его рассматривает). Вы хотите присесть?

Сурен (ухмыляясь). Нет, хочу прилечь. Это мое место.

Султан Огуз. В такой холод? Заболеете. У вас нет дома? (Сурен молчит). Присаживайтесь. (Сурен садится рядом с ним.) Вы не ответили на мой вопрос.

Сурен. Я приехал из Ставрополя. В вагоне у меня украли деньги, документы. Два-три дня ночую здесь. Послал телеграмму, жду денежного перевода.

Султан Огуз. Зовут вас как?

Сурен. Сурен...

Султан Огуз. Где вы так научились говорить по-азербайджански? Чисто говорите.

Сурен. Я из Ведибасара. Там у меня все соседи были турками.

Султан Огуз (протягивает ему деньги). Идите в гостиницу. А то простудитесь.

Сурен (смотрит на деньги). У меня нет документов. Нигде не принимают.

Султан Огуз. Вы деньги возьмите, а там как-нибудь уговорите их.

Сурен (берет деньги). Это много. Как я вам смогу вернуть их?

Султан Огуз. Не беспокойтесь. Можете не возвращать.

Сурен. Нет... Как говорится, гора с горой не встречается, а человек с человеком... Найду, верну.

Милиционер Ашот незаметно походит и останавливается за спиной Сурена.

Султан Огуз (Ашоту). Что вам нужно? (Сурен, повернувшись, видит Ашота и пытается уйти. Но Ашот резко хватается за руку.)

Ашот. Сукин сын! Я же тебя предупреждал здесь не появляться! Как только ты появляешься рядом с вокзалом, у пяти-шести человек пропадают чемоданы и деньги!

Сурен. Слушай, брат, ты почему на меня клеветешь? Я же сказал, что я приезжий... Жду деньги...

Ашот. Не называй меня братом, лисий хвост! Я милиционер. Жулик (передразнивает) «Ты почему на меня клеветешь. Деньги жду». Это я на тебя клеветчу?!

Сурен. Клянусь богом, я не тот, за кого вы меня принимаете. Деньги получу, уеду.

Ашот. Я тебя предупреждал? Теперь посажу в кутузку. (Султану) На днях мне друг сказал, что больше всех воруют турки. Если бы он был турок, я бы этого негодяя не забрал, но он армянин, но ворует. Я не могу его простить.

Султан Огуз злится, но сдерживает себя.

Сурен (плачет). Да буду я жертвой твоих детей, отпусти меня (встает, хочет уйти).

Ашот (грубо хватается за шею). Куда?

Сурен (сопротивляется). По своим делам. Клянусь, что здесь больше не появлюсь!

Ашот (дает пощечину). Чтобы ты сдох!...

Султан Огуз. Не бей его! Отпусти!

Ашот. Что?

Султан Огуз: Я сказал, отпусти его! На каком основании ты бьешь простого советского гражданина?

Ашот. Я вижу, ты турок. Турок?

Султан Огуз. Турок!

Ашот. Скажи спасибо, что мы позволяем вам дышать на этих землях.

Султан Огуз. Это еще не известно, кто на чьей земле дышит.

Ашот. Ара, ты особо не выступай... Почему ты ему дал деньги? Таких алкашей и воров портят такие, как вы. С одной стороны, ворует, подлец, с другой – побирается. Мало того, он еще юлит хвостом, как лиса. Ты в курсе, что на днях в поезде из Баку пропали пять чемоданов? По приезде сюда обокрали еще одну вашу женщину. Вот такие, как он... Сколько ты ему дал денег?

Султан Огуз. Сколько дал – дал. Отпустите его, пусть уходит.

Ашот. Ты какое имеешь право приказывать мне, участковому инспектору парка Давида Сасунского? Говоришь, отпусти мошенника? А, может, и ты с ним заодно?

Султан Огуз: А вы на каком основании поднимаете на человека руку?

Ашот. Ара, тебе, кажется, голова телу мешает. Пока я тебя не забрал, уходи подобру-поздорову.

Султан Огуз: Давайте отойдем на секунду.

Ашот. Что, бить меня будешь?

Султан Огуз: Я никого не бью, просто скажу пару слов на ушко.

Ашот. Что, откусишь мне ухо? *(Поворачивается к Сурену.)* Ара, ты слышал? Он говорит, что откусит мне ухо.

Султан Огуз: Не клеветчи, я такого не говорил.

Ашот резким движением срывает со своего кителя погон.

Ашот. Ара, турок, ты сорвал мой погон! Ара, ты поднял руку на советского милиционера!

Султан Огуз: Слушай, армянский советский милиционер, постыдился бы, когда я на тебя руку поднял?

Ашот. Ара, ты еще и грубишь мне? *(Сурену.)* Слышишь, цаватанем? Мало того, что он хотел откусить мне ухо, оскорбил, сорвал погон, он еще и грубит мне!

Сурен *(Султану Огузу).* Ара, ты что сделал, ай, аствац? Ты ударил и обругал его? Клянусь, мы пропали. Три статьи сразу. Если бы была одна, я бы тебя поддержал. Но три я не потяну. Ты пропал со всеми потрохами!

Султан Огуз: О чем ты говоришь, двуличный армянин? Что я такого сделал? Я тут бьюсь из-за тебя, а ты...

Ашот. Значит, ты ничего не признаешь? Но не сможешь отпираться. Где погон? На земле. Сейчас я заберу тебя в отделение.

Султан Огуз. Пойдем, куда хочешь. Я ничего тебе плохого не сделал. Ты же сам ударил этого человека.

Ашот. Я ударил?

Султан Огуз. Разве нет?

Ашот *(Сурену).* Я тебя ударил?

Сурен. Ударил?

Султан Огуз. Не ударил?

Сурен. Ударил?

Султан Огуз. Что мне сказать? У меня слов нет.

Ашот. А вот ты хотел откусить мое ухо. Это раз! Сорвал погон, оскорбил советского милиционера. Это два! Обругал советского милиционера. Это три! И, кроме этого, ты оказываешь сопротивление милиции. Это четыре!

Султан Огуз. Не кричите, говорите спокойно. Все, что вы перечислили, надо еще доказать.

Ашот. Доказательства? *(Хватает за шкурку Сурена.)* Вот тебе доказательство. Ты что, такого армянина не видишь? Мой свидетель, тебе этого недостаточно?

Султан Огуз. А как он будет свидетельствовать о том, чего не было?

Ашот *(Сурену).* Не будешь?

Сурен. Клянусь...

Ашот *(кричит на Сурена).* Не тяни, видел или нет?

Сурен. Кажется, видел.

Ашот. Вот и все! Это и есть доказательство. Дай, что у тебя в кармане.

Сурен. Что?

Ашот. Деньги

Сурен. Почему? Он же их мне дал.

Ашот *(растерянно, не знает, что сказать).* Деньги, деньги... вещественные доказательства *(Зло кричит.)* Не задавай лишних вопросов. Давай деньги! Мошенник!.. *(Сурен вынимает из кармана деньги и отдает.)* Так, давай иди. Свидетель. *(Султану Огузу.)* Ты тоже...

Султан Огуз. Я никуда не пойду.

Ашот. Не пойдешь? *(Вынимает из кармана свисток и показывает Султану Огузу.)* Сейчас я соберу сюда всех милиционеров всего Давида Сасунского. Силой поведем.

Сурен. Ара, аствац, не обостряй ситуацию, иди добровольно, может, облегчишь судьбу. Видишь, я иду добровольно *(делает несколько шагов).*

Султан Огуз *(Сурену).* Какой же ты негодяй...

Ашот свистит, в ответ раздаются другие свистки.

Султан Огуз, понимая, что ситуация осложняется, вынужден идти.

Ашот *(кричит).* Давай, вперед!

Султан Огуз *(Ашоту).* Идем, куда нужно. Я ничего и никого не боюсь.

Султан Огуз идет вслед за Суреном.

Ашот, довольный собой, следует за ними, и они пропадают.

Историк смотрит вслед ушедшим, потом с сожалением разговаривает сам с собой.

Историк: Армяне в одном из красивейших мест Иревана установили памятник Давиду Сасунскому на лошади и с мечом в руке. А на въезде в город, на месте бывшего памятника Сталину, воздвигли памятник женщине. И тоже с мечом в руке. И сами армяне утверждают, что это единственная армянская женщина, взявшая в руку меч. Сколько памятников с мечами в руках может быть в одном городе? Эти мечи, наверное, служат символом устрашения для гостей, приезжающих в город? Армяне, сами того не осознавая, смеются над собой! Но в то же время продолжают свои гнусные дела. Какими бы жестокими ни были потомки этих армян с мечами, они никогда не смогут нас поразить! На самом деле повсюду в этом городе должны быть установлены памятники всадникам – нашим предкам ханам – с факелами в руках. Потому что это мой город. Город, который нам оставили наши предки. И этот город, а также Зангезур, Дерелейез, Гейча, Хамамлы, Агбаба, Ведибасар, Зенгибасар, Улуханлы, Барана, Джалалоглы, Деречичек, Гарагойунлу... Кроме того, некогда временно отнятый у нас Карабах – это все наша трагедия, результат нашего безразличия к своему национальному самосознанию, земле, одним словом, к самим себе... Всем жителям этих земель нет покоя, они изгнаны! Многие из них уже преданы земле, но даже душам

их нет покоя. Я имею в виду мусульманское кладбище «Тогмагангел» в Иреване. Не упокоенные души наших предков, могилы которых разрушены во всех регионах Западного Азербайджана, не видя нас, мучаются там. Они бродят по этим местам, ищут могилы своих известных предков, следы копыт их коней... Хорошо, что сегодня благодаря мужеству «железного кулака» нашего Главы государства, Верховного Главнокомандующего, его политической воле, героизму наших воинов Карабах возвращен. Я верю, что в целом Западный Азербайджан, и этот древний Иреван, и другие города и села вернуться в лоно своей родины – Большого Азербайджана! Вернутся! Обязательно!

Историк направляется в сторону своей лампы.

Четвертая картина

Кабинет председателя суда. Председатель Каринэ Шахназаровна сидит в кресле и знакомится с документами. Раздается звонок внутреннего телефона. Каринэ Шахназаровна нажимает кнопку селектора. Слышен голос секретарши.

Голос секретарши. Каринэ Шахназаровна, приехал Сардаров.

Каринэ Шахназаровна. Кто?

Голос секретарши. Эмиль Сардаров.

Каринэ Шахназаровна (*задумывается, пытается вспомнить*). Эмиль Сардаров?

Голос секретарши. Да, приехал из Азербайджана.

Каринэ Шахназаровна (*взволнованно*). Чего же ты ждешь? Приглашай в кабинет. (*Встает, подходит к зеркалу, поправляет прическу.*) Ну и дела... Эмиль? Какими судьбами?

Эмиль Сардаров (*входит в кабинет и прямо у двери начинает декламировать стихотворение*).

Ты и я, и наша любовь,
вместе бились наши сердца.
Но я ушел, и ты ушла, и кончилась любовь.
Я молчу, и ты молчишь, кончилась любовь.

Каринэ Шахназаровна (*растерянно смотрит на Эмиля, потом вдруг бросается ему на шею, обнимает его. Потом отходит и опять рассматривает Эмиля*). Эмиль... Эмиль... (*Складывает ладони в виде классного журнала и начинает якобы переключку.*) Каринэ? (*Говорит как бы отвечая учителю.*) Здесь... Эмиль Сардаров? Эмиля нет? (*Копирует Эмиля, который словно первый раз услышал свою фамилию.*) Здесь, здесь, я здесь... (*Каринэ хохочет.*) Каждый раз одно и то же. Урок еще не начинался, а ты уже спал, Эмильчик...

Эмиль Сардаров. Каринэ Шахназар кызы... Не забыла...

Каринэ Шахназаровна. Так же, как ты не забыл стихотворение Султана Огуза. «Ты и я, и наша любовь, вместе бились наши сердца». Словно специально для нас написал. Оно всегда было у тебя на устах. Каждый раз, когда ты его читал, у меня все внутри трепетало.

Эмиль Сардаров. Почему? Тебе было меня жаль?

Каринэ Шахназаровна. Нет, от твоих чувств трепетало.

Эмиль Сардаров. Но ты же Султана Огуза любила, как мои чувства могли заставить тебя волноваться?

Каринэ Шахназаровна (*посмеивается. Смотрит на Эмиля влюбленным взглядом и где-то с сожалением, потом меняет тему разговора*). Женился?

*Эмиль молчит. Опустил голову. Каринэ подходит к нему.
Указательным пальцем разглаживает его волосы.*

Эмиль Сардаров. Тот же жест, тот же палец, то же поглаживание. Все как раньше, словно перед тобой младенец...

Каринэ Шахназаровна. Ты не ответил на мой вопрос. *(Эмиль по-прежнему молчит, но не отрывая от нее взгляда.)* Понятно... Не женился.

Эмиль Сардаров. А ты почему не завела семью?

Каринэ Шахназаровна. А ты откуда знаешь?

Эмиль Сардаров. Я же прокурор, знать все – моя обязанность...

Каринэ Шахназаровна. Так почему не женился?

Эмиль Сардаров. А ты как думаешь?

Каринэ Шахназаровна. Не может быть! Неужели ты меня так любил?..

Эмиль Сардаров. Во всяком случае, настолько же, насколько ты любила Султана.

Каринэ Шахназаровна. Эх, Султан, Султан... Своим спокойным характером всех очаровал... Впрочем, судьба такая... Не будем ностальгировать...

Эмиль Сардаров. Кстати, Султана видишь?

Каринэ Шахназаровна. Нет. А где я его должна видеть?

Эмиль Сардаров. В одном городе живете, я подумал, может...

Каринэ Шахназаровна. Нет, не видимся. Просто сегодня по радио услышала, что Союз писателей Армении представил его роман «Горящая в Иреване лампа» к Государственной премии СССР. По правде, я обрадовалась, однако говорят, что это очень «опасный» роман. Написан против нас. Я не читала, но говорят, что в нем он пишет о какой-то вымышленной лампе, которую шах Исмаил когда-то подарил Ревангулу-хану. Ладно, оставим это. Добро пожаловать в наш Ереван.

Эмиль Сардаров. Ты опять говоришь «Наш Ереван»?

Каринэ Шахназаровна. Эмиль, ты же не ругаться со мной приехал?

Эмиль Сардаров. Нет. Но не ваш Ереван, а наш Иреван...

Каринэ Шахназаровна. Вай, аствац, опять начал... Каким был, таким и остался. Как бы я хотела тебя тогда понять... Впрочем... Проходите, садитесь товарищ прокурор... *(Хватает его за руку и сажает на стул, сама садится напротив.)* Не могу верить глазам своим. Чем занимаешься?

Эмиль Сардаров. Зампрокурора в Физулинском районе.

Каринэ Шахназаровна *(иронично)*. Ты давно уже мог бы стать заместителем генпрокурора.

Эмиль Сардаров. Для моего возраста и это немало. Дальше будет лучше, иншалла!

Каринэ Шахназаровна. Ладно, рассказывай, с чем приехал? Я так понимаю, не за тем, чтобы меня увидеть?

Эмиль Сардаров. Почему нет? И то, и другое. Приехал увидеть тебя, и... *(Встает, принимает официальный вид.)* Каринэ Шахназаровна, меня прислали сюда из-за одного преступника. Один мошенник по имени Христофор украл из физиулинского винзавода шесть тонн спирта. Согласно предварительному расследованию, прячется у родственников в Абовянском районе. Все документы у меня. Просьба оказать содействие в поимке преступника.

Каринэ Шахназаровна. Я же говорю... Ты приехал не чтобы повидаться со мной. *(Переходит на официальный тон.)* Товарищ Сардаров, скажите, как можно украсть шесть тонн спирта? Это же не шесть иголок, которые можно спрятать за пазухой и смыться?

Эмиль Сардаров. Если мы говорим официально, тогда скажите, товарищ председатель, как можно украсть душу?

Каринэ Шахназаровна (*смеется*). Укравший душу – это Султан Огуз, по этому поводу вопрос к нему. (*Серьезно.*) Это работа милиции. Я не смогу тебе помочь.

Эмиль Сардаров. Каринэ, ты, кажется, забываешь о том, что помочь мне в этом деле – твоя прямая обязанность.

Каринэ Шахназаровна (*шутливым тоном*). Ох, Эмиль-джан, я всегда говорила и сейчас скажу: ты неисправим. (*Смеется.*) Я могу помочь тебе только вот в чем... Я знакома с начальником отделения милиции Абовянского района. Я ему позвоню, и ты с ним свяжешься. Он окажет нужную поддержку.

Эмиль Сардаров. Вот это другой разговор... Но здесь есть один тонкий момент. Мне нужна квартира без наружного контроля. Если я буду жить в гостинице, люди Христофора меня вычислят. Операция будет провалена.

Каринэ Шахназаровна И этот вопрос решим. Зона отдыха «Деречичек» в Абовянском районе, директор – мой хороший знакомый. Я ему поручу, он все устроит. (*Шутливо.*) Вы довольны, товарищ Сардаров?

Эмиль Сардаров. Безмерно доволен. (*Шутливо.*) Спасибо, товарищ председатель.

Звонок внутреннего телефона. Каринэ нажимает на кнопку селектора.

Голос секретарши: Каринэ Шахназаровна, из 36-го отделения привели хулигана. Сам начальник приехал. Хочет предварительно с вами переговорить. Ждут в приемной.

Эмиль пытается уйти.

Каринэ Шахназаровна. Да, я в курсе. Пусть подождут, сейчас приглашу. (*Выключает селектор.*)

Эмиль Сардаров. Я пойду, потом созвонимся.

Каринэ Шахназаровна. Я соскучилась. Ты разместись, потом встретимся, поговорим... Захочешь, и Султана найдем, вспомним былое...

Эмиль Сардаров (*встает, идет навстречу*). Дай, я тебя обниму, голубка моей молодости!

Каринэ смеется, они ласково прощаются.

*Каринэ провожает Эмиля до двери,
зовет секретаршу.*

Каринэ Шахназаровна. Зови, пусть войдут.

Каринэ садится в кресло. В кабинет входят начальник отделения милиции Айказ, Султан Огуз и милиционер Ашот. Каринэ, увидев Султана, во второй раз впадает в ступор. Она делает движение, словно хочет вернуть Эмиля обратно в кабинет.

Но понимает, что он уже ушел. Сидит, обхватив ладонями щеки.

Султан Огуз же в расстроенных чувствах не видит Каринэ.

Айказ. Здравствуйте, Каринэ Шахназаровна. (*Султан Огуз, словно проснувшись, смотрит на Каринэ.*) Я привел хулигана, документы у меня.

Айказ протягивает Каринэ документы. Но Каринэ все еще не может оторвать взгляда от Султана и не обращает внимания на документы.

Каринэ Шахназаровна. Айказ, ты что сделал?

Айказ. Я? А что я такого сделал?

Каринэ Шахназаровна. Хулиган – это он?

Айказ. Да. Это он и есть. Причем отпетый хулиган. Даже убийца.

Каринэ подходит к Султану, протягивает руку. Султан Огуз пожимает ее.

Каринэ Шахназаровна. Султан муаллим, проходите, садитесь. *(Султан садится.)* Айказ, ты хоть знаешь, кто этот уважаемый человек?

Айказ. Говорит, что он рабочий, зовут Султан.

Каринэ Шахназаровна. Он сказал – простой рабочий? *(С удовольствием декламирует стих.)*

Я простой рабочий...
Но еще не в среде профессионалов,
Таскаю доски, уголь,
В этом свое удовольствие...
Это другая судьба...

Он так сказал?

Айказ. Да, так и сказал.

Каринэ Шахназаровна. Это одно из самых ранних стихов Султана Огуза. Ладно, Айказ, я познакомлюсь с документами, потом приму решение.

Ашот. Ваша честь, я вижу, вы благоволите этому турку. А я стал инвалидом. Если вы не рассмотрите его дело, я пожалуюсь в прокуратуру республики. И нас там услышат.

Каринэ Шахназаровна. Я же сказала, что должна ознакомиться с документами.

Айказ *(Ашоту)*. Постой, ара, не торопись. Каринэ Шахназаровна, вы познакомьтесь с документами, а мы пока засадим этого рабочего в КПЗ!

Каринэ Шахназаровна *(отводит в сторону Айказа)*. Вы даже не представляете, на кого напоролись. Головной боли захотелось? Это известный писатель. Буквально сегодня Союз писателей Армении представил его на Государственную премию СССР. Получит или нет – это второй вопрос, факт в том, что он представлен. Этот вопрос взорвется, как межнациональный конфликт, и моя голова тоже окажется на плахе. Собирайтесь и молча уходите.

Айказ. А... преступление?

Каринэ Шахназаровна *(зло)*. Какое преступление?

Айказ. Избил милиционера... Хотел откусить ухо, погон оторвал и топтал...

Каринэ Шахназаровна. Ты о чем, Айказ? Я пять лет сидела с этим человеком в одной аудитории за одной партой в университете. По сей день он даже муху не обидел, а ты какую-то ерунду говоришь. Тихо забирай своего милиционера и уходи.

Айказ. А документы?

Каринэ Шахназаровна. И их забери и порви.

Айказ. Я не могу, это официальные документы.

Каринэ Шахназаровна. Знаю я эти официальные документы. Ты в день по несколько раз их составляешь, потом выбрасываешь. Будто я не знаю об этом.

Айказ. Тогда я заберу документы на всякий случай.

Каринэ Шахназаровна. Нет, документы ты сдал мне, они останутся у меня. А Султан муаллима я беру на поруки. Можете идти.

Айказ *(удивленно и с иронией)*. Как скажете... *(Тихо на ухо.)* Но... Каринэ Шахназаровна, этот человек арестован по указанию сверху. Обидел соседку. А она наш человек. Он должен сидеть.

Каринэ Шахназаровна. Как это – сверху?

Айказ. Совсем сверху.

Каринэ Шахназаровна (*резко*). Я поняла, идите. Если понадобится, я сама поговорю с этим верхом.

Айказ и Ашот в растерянности покидают кабинет.

Каринэ Шахназаровна. Султан... Как ты, Султан? Кофе будешь?

Султан Огуз. Если не трудно, лучше чай, если есть.

Каринэ Шахназаровна (*участливо*). Они тебя вчера задержали?

Султан Огуз. Да, вчера, с ночи.

Каринэ Шахназаровна. А в чем причина задержания?

Султан Огуз. Причину не знаю. Оклеветали и задержали.

Каринэ Шахназаровна. Как дома?

Султан Огуз. Нормально.

Каринэ Шахназаровна. Ладно... Вставай, ты наверняка голоден. Сейчас спустимся в наш буфет, я сама тебя обслужу. Поедим, потом я позвоню в дом отдыха «Деречичек», чтобы тебе выделили отличную комнату. Моя машина отвезет тебя. Пару дней там отдохнешь. Кстати, приехал Эмиль Сардаров, он тоже там живет. К вечеру я тоже подъеду, неплохо время проведем...

Султан Огуз. Эмиль? Наш Эмиль?

Каринэ Шахназаровна. Да... Наш Эмиль. Прямо перед вами ушел. Если бы я знала, что ты здесь, я бы его задержала. Но ничего страшного, в зоне отдыха встретитесь... Да, я тебя от души поздравляю, по радио...

Султан Огуз. Я прошу тебя, не надо поздравлять. Я отказался от этой премии.

Каринэ Шахназаровна. Почему? Такой успех...

Султан Огуз. Каринэ, прошу тебя, давай не будем обсуждать это. Чем больше я об этом говорю, тем хуже мне становится. Лучше пойдем пообедаем, со вчерашнего дня ничего не ел.

Каринэ Шахназаровна. Хорошо, если ты так хочешь, то не будем. Пойдем.

Выходят из кабинета.

Второй акт

Пятая картина

Вокруг темно.

Издали, отражаясь эхом, доносится голос шаха Исмаила Хатаи, правителя Сефевидского государства.

Шах Исмаил Хатаи (*выглядит, как призрак*). Эй, Ревангулу-хан! Когда я, правитель Сефевидов шах Исмаил Хатаи, назначил тебя правителем Иреванской крепости, я подарил тебе лампу. Я повелел, чтобы ты зажег ее в крепости, и чтобы эта лампа стала вечным огнем! Где же свет этой лампы?..

По мере распространения эха начинает светлеть.

Двор дома отдыха «Деречичек» оживает. Видны домики для отдыха. На возвышенности виден лозунг «Приветствуем участников конференции!» Историк читает надпись и горько улыбается.

Историк. Посмотрите, присмотритесь к этому лозунгу! Что он говорит? «Приветствуем участников конференции!» Этот лозунг относится к гостям тайной встречи. На этой встрече армяне собираются изменить судьбу исторической лампы, найденной на одном из холмов Иревана, которая была подарена шахом Исмаилом Хатаи Ревангулу-хану, когда он был назначен правителем Иревана. Лампа должна была стать символом Иревана. Теперь армяне хотят все изменить в свою пользу. В романе Султана Огуза об этой лампе сказана вся правда, а армяне теперь пытаются доказать, что эта лампа привезена ими из Рима. Этим же хотят уничтожить и роман Султана Огуза... Эти строки бессмертного Мирзы Джалила я помню из своего детства: «...когда я открыл глаза на мир, я увидел его во тьме...» Когда же я открыл глаза на мир, я сравнил увиденное мной с тем, что видел Мирза Джалил, я удивился, я изумился – как Мастер в крошечной тьме мог думать и описывать такие ясные мысли?

Наступает темнота.

Шестая картина

С двух сторон оживают темные силуэты мужчин.

Первый темный силуэт. Не сводите глаз с Султана Огуза!..

Второй темный силуэт. Слушаюсь!

Первый темный силуэт. Хвалите, лгите ему, подлизывайтесь. Все для того, чтобы он не отказывался от премии.

Второй темный силуэт. Будет сделано!

Первый темный силуэт. Да, и делайте все, чтобы опорочить его в глазах собственного народа.

Второй темный силуэт. Сделаем!

Первый темный силуэт. Каринэ Шахназаровна не в курсе этого дела в связи с Султаном Огузом. Просветите ее, пустьотрегулирует ситуацию.

Второй темный силуэт. Слушаюсь!

Первый темный силуэт. Заместитель прокурора, прибывший из Физули под предлогом вымышленной кражи спирта, хочет сбить с толку наших. На самом деле он прибыл, чтобы нарушить работу нашей конференции. Уберите его.

Второй темный силуэт. В какой форме?

Первый темный силуэт. Он бабник, если нужно, подставьте ему одну из наших девушек, а потом тихо убейте!

Второй темный силуэт. Сделаем!

Первый темный силуэт. А вещи женщины-ученой, прибывшей из Баку, умыкните и уничтожьте.

Второй темный силуэт. Понял!

Первый темный силуэт. Постарайтесь сделать так, чтобы она покинула дом отдыха перед нашей тайной конференцией.

Второй темный силуэт. Слушаюсь!

Первый темный силуэт. Удвойте внимание к зарубежным гостям. Увеличьте число дорогих подарков, затмите им глаза. Они должны понять, что эта лампа наша. Любыми средствами должно быть принято решение о том, что лампа принадлежит армянам!

Второй темный силуэт. Сделаем!

Силуэты пропадают.

Седьмая картина

Вокруг начинает светать.

При свете виден Султан Огуз, он смотрит на лозунг.

Он читает, потом, грустно покачав головой, идет в сторону скамьи.

И в этот момент раздается топот копыт.

Чуть позже эхом отзывается конское ржание.

Состояние Султана Огуза вновь меняется. Он закрывает глаза.

Султан Огуз (его голос отражается эхом вокруг).

Конское ржание
Звук подковы...
Родина, вызывающая волнение души,
Желание родины,
Желание наших прадедов,
Ханов-предков наших строить, творить...
Ароматное, теплое дыхание наших заботливых матерей...
Грустные колыбельные наших бабушек...
Тоска, полная боли душа...
В моих глазах кипит мстительная ненависть...
Интересно, когда же все закончится,
эта невыносимая боль, сотрясающая мою душу?!..
Зовущая всегда сражаться,
Бороться, побеждать,
Торжествовать!

Усуб (видит издалека идущего Султана Огуза, подходит, обиженным тоном здоровается). Здравствуй, Султан муаллим.

Султан Огуз. Приветствую тебя, Усуб. Как твои дела?

Усуб. Как у меня, по-твоему, могут быть дела, если писатель, которого я любил и уважал, которому безмерно верил, вдруг становится армянским писателем?

Султан Огуз (сдержанно). Ты прав, Усуб, абсолютно прав.

Усуб. Я знаю, что прав, но сам-то ты понимаешь, что не прав?

Султан Огуз. Я не только знаю, что не прав, но даже знаю, что должен умереть.

Усуб (сожалея о сказанном). Не дай Аллах, Султан муаллим, это пусть те умрут, кто тебя не любит. Но как же так, что это за новость о человеке, за которым стоит народ, и слово которого для него свято?

Султан Огуз. Не знаю, Усуб, ничего не понимаю. Роман, печатать который Союз писателей Армении запретил, не могут представить к такой уважаемой премии. Здесь точно какая-то игра. Мне кажется, что здесь что-то готовится против нашего народа.

Усуб. Да разрушит Аллах их дом, да проклянет он их матерей!

Султан Огуз. Я отправил в Москву телеграмму с требованием отказа от премии. Или меня пусть представляют как азербайджанского писателя, или ничего не делают. Посмотрим, каким будет ответ.

Усуб. Султан муаллим, все от тебя отвернулись, особенно после этих слухов... Все решили, что ты купился за премию. Скажу честно, я хотя и обиделся, но не поверил.

Султан Огуз. Это и была их первая цель – отвратить от меня народ. Но, слава Аллаху, у народа «глаз, как алмаз», он отличает черное от белого. Усуб, а главный врач все тот же Вартазар?

Усуб. Чтоб он был проклят!

Султан Огуз. В чем дело, что случилось?

Усуб. Он меня уволил.

Султан Огуз. По какой причине?

Усуб. Здесь у одной отдыхающей украли все ее вещи. Вартазар же вместо охранников все свалил на меня. И уволил.

Султан Огуз. А что украли?

Усуб. Говорят, какую-то старую картину с рисунком лампы, какую-то древнюю карту и какие-то записи.

Султан Огуз. Украденное не похоже на ценности. А кто эта женщина, откуда она?

Усуб. Из Баку приехала, азербайджанка, Фирангиз ханум. Красивая, как лебедь, скромная, настоящая азербайджанка.

Султан Огуз. Фирангиз?

Усуб. Да, да Фирангиз. Говорят, ученая, историк. И на меня не обижена...

Султан Огуз. Фирангиз... Что-то знакомое, родное...

Усуб. И еще один прокурор приехал из Азербайджана. Вчера я пошел к нему и попросил его помочь мне. Он в ответ: *(Передразнивает.)* «Я не могу сейчас в это вмешиваться». Чтоб ты никогда не вмешивался... И это мой прокурор из Баку! Султан муаллим, мы тебя очень любим, потому что ты никогда никому не отказывал. А вы гляньте на этого прокурора... Султан муаллим, я хочу попросить Фирангиз ханум, как хозяйку украденных вещей, чтобы она попросила Вартазара вернуть меня на работу. Если я останусь без работы, умру. И мне очень нужна эта работа. Это хлеб для моих внуков. Ты же знаешь, что дети покойного на мне... Султан муаллим, может, и ты тоже замолвишь словечко Вартазару?

Султан Огуз. Усуб, не беспокойся, ни к кому не обращайся, я все решу сам.

Усуб *(обрадованно)*. Да хранит тебя Аллах, Султан муаллим!.. Ей-богу, я всем говорю, что Султан муаллим всегда был отцом всех западных азербайджанцев. Если бы его не было, армяне всех нас выселили бы отсюда... Клянусь памятью Хазрата Аббаса, я и близко не подпускал эту так называемую идею армянского писателя... Смотри-смотри... Вот идет и сама Фирангиз ханум. Позвольте я вас познакомлю, Султан муаллим... *(Зовет Фирангиз.)* Фирангиз ханым, подойдите поближе, пожалуйста, познакомьтесь, перед вами спаситель западных азербайджанцев, великий писатель Султан Огуз... *(Фирангиз подходит. Ее взгляд прикован к Султану Огузу. Султан Огуз в изумлении. Их изумленные взгляды на друг друга сбивают с толку Усуба. Он даже не знает, что сказать.)* Султан муаллим... Фирангиз... Да хранит вас обоих Аллах, вы, оказывается, знакомы? Хм? Султан муаллим, да посмотри на меня... *(Султан Огуз краем глаза смотрит на Усуба и кивком подтверждает: да, знакомы.)* Да буду я жертвой Создателю... Ну, поговорите, а я пойду посмотрю, где этот Вартазар. *(Уходит радостный.)*

Султан Огуз. Фирангиз... Фирангиз... Как хорошо, что я тебя здесь увидел! Я успокоился, ты меня избавила от неприятных мыслей. *(Фирангиз молчит)* Говори, Фирангиз...

Фирангиз. О чем говорить?

Султан Огуз. О себе.

Фирангиз. Я осталась там – за горами, ухабистыми дорогами...

Султан Огуз. Но ты же смогла через них перевалить. Как бы то ни было, ты смогла добраться сюда.

Фирангиз. Ты совсем не изменился, Султан.

Султан Огуз. Это тебе так кажется, Фирангиз... Внутри я один, снаружи другой... Душа у меня ранена, Фирангиз...

Фирангиз. Ты почему написал эту книгу?

Султан Огуз. Если я скажу, для того, чтобы получить премию, ты поверишь?

Фирангиз. Нет. Какое совпадение... И Эмиль здесь, и Каринэ... И ты приехал, полный комплект.

Султан Огуз. Фирангиз...

Фирангиз. Давай поговорим о большой премии, которую ты, иншалла, получишь, «великий армянский писатель».

Султан Огуз. Фирангиз!.. Ты хотя бы меня не обвиняй. Ты же меня хорошо знаешь...

Фирангиз. Ты не тот Султан Огуз, которого я знала...

Султан Огуз. Фирангиз, ты очень мало знаешь о моей личной жизни. А о премии не говори ничего.

Фирангиз. Почему? Ты еще со студенческих лет хорошо знал, куда и зачем идешь. Всегда говорил:

Иду по пути!
Содрогаясь в объятьях ураганов,
Пересекая пути глупых ветров,
Стараюсь быть нужным людям,
Иду с горящим, как факел, сердцем.

Султан Огуз. Я не смог увидеть свой завтрашний день...

Фирангиз. Как жаль, что любовь слепа... Наш великий писатель Султан, ты лучше меня знаешь, что любовь – это еще не ключ счастливой семьи. Как ты думаешь, могли бы получиться счастливые семьи у Лейли и Меджнуна, Ромео и Джульетты, Тристана и Изольды, Хумай и Джалала?...

Султан Огуз. Может быть.

Фирангиз. Не верю, у счастливой семьи другие секреты. Женщина должна оберегать своего мужа от мужских бед. Женщина должна проявлять к мужу материнскую любовь. Терпение женщины должно быть безмерным...

Султан Огуз. Извини, тогда почему ты сама не смогла уберечь своего счастья?

Фирангиз. Потому что я любила другого.

Султан Огуз. Тогда почему вышла за того?

Фирангиз. Назло «другому».

Султан Огуз. Давай говорить откровенно.

Фирангиз. Давай поговорим! Вспомни... В университете всегда с удивлением смотрели на нашу «четверку»: ты, я, Каринэ и Эмиль. Как только нас не называли: «четверка», «четырёхугольник». Тогда уже я почувствовала, что что-то теряю. Но не обиделась на тебя. Странно, когда к нам домой пришли свататься, все подумали, что это твоя родня.

Султан Огуз. Но ведь между нами не было такого разговора.

Фирангиз. Вот и я об этом. Почему нашим так показалось? Почему?

Султан Огуз *(не знает, что сказать)*. Я... ты... Фирангиз...

Фирангиз. Так в чем же я была виновата? Почему я упала в пропасть? Почему, когда мы с тобой гуляли по Баку вечерами, сидели рядышком в Ахундовской библиотеке и листали книги, смотрели фильмы про любовь и даже бывали с тобой на футболе, а в Баку тогда появление женщины на футболе считалось нонсенсом, ты ни разу не сказал мне, что любишь меня. Почему, Султан, почему?

Султан Огуз. Когда мы встречались с тобой, нам казалось, что мы говорим о высоких материях. О таких, которые выше любви. Мы стеснялись «опускаться» до

темы любви....

Фирангиз. Но с другими на тебя напал шквал красноречия. Когда ты с другими говорил, шутил, я считала себя униженной. Может, я была не права. Не знаю, может, ревновала... Мне казалось, что ты даже поговорить со мной не хочешь... Поэтому приняла решение, что должна с кем-то разделить судьбу.

Султан Огуз (*перебивая*). Фирангиз...

Фирангиз (*говорит еще резче*). Кроме того, на курсе многие думали, что ты другую любишь. Многим казалось, что я, как дьявол, пытаюсь отнять тебя у нее... Но это неправда... Неправда! Я на самом деле любила тебя, Султан. Эту тайную любовь надо было уничтожить, потому что она была оскорблена. От этой любви не должно было остаться ни слуху, ни духу. Я так и поступила... До того, как я прочла роман «Юрд», мне казалось, что в твоей душе не осталось ничего, что было бы связано со мной. А, точнее, что в ней не было даже такого имени. А когда прочла роман «Горящая в Иреване лампа», я оказалась на грани сумасшествия. Поняла, что мое имя вписано в твою душу навеки...

Султан Огуз (*растроганно*). И ты, и твое имя в моей жизни остались главными, Фирангиз...

Фирангиз (*всхлипывая*). Мы приехали из разных мест, кто с гор, кто из долин, мы были, как пугливые птицы в Баку. Нам нужно было у кого-то укрыться, нужно было с кем-то поделиться своими тревогами... Вот так мы укрылись друг у друга, Султан... Прочитав твои романы, я поняла все. Я сказала тебе «спасибо». Ты всегда был в моем сердце венцом!.. Главным!.. (*Слезы душат ее.*) Спасибо, Султан. Огромное спасибо за те дни. Ты был настоящим мужчиной с юности. Мы сидели рядом пять лет, ходили парой, я не замечала в тебе пошлого, неприятного взгляда, не слышала ни одного лишнего слова. Спасибо, Султан. И романы твои читала со слезами на глазах, плакала, грустила. Поняла, что больше всего виновата сама. В конце концов, я могла бы сказать тебе: «Я люблю тебя». Если бы я это сказала тебе, может быть, все было бы по-другому... Ты возвысился в моем сердце так, что не могу найти этому возвышению сравнения. Когда я услышала по радио, что ты в Москве спас детей от пожара в автобусе «Икарус», я была горда за тебя. Диктор сказал, что ты объяснил свои действия как обыденное. Вот в этом твое величие, Султан... (*Невольно беря руки Султана в ладони.*) У тебя уже не болят раны?

Султан Огуз (*смотря на ладони Фирангиз*). Меня больше беспокоят другие раны, Фирангиз. Жизнь, оказывается, очень жестока... Все это и в Москве, и здесь подвигло меня написать роман «Юрд». После его успеха роман «Горящая в Иреване лампа» я написал на одном дыхании. Я слышал эти стоны людей на берегу Араза: «моя река, моя земля», я чувствовал боль за древнюю землю, которую армяне хотят присвоить, мне нужно было ответить этим бабаянам. В момент неверия в жизнь эти произведения воодушевили меня.

Фирангиз. То, что не смогла тебе дать Фирангиз, дали хотя бы твои произведения. Потому что, как бы она тебя ни любила, Фирангиз не была хорошей девушкой, ничего тебе не дала.

Султан Огуз. Не говори так, Фирангиз...

Фирангиз. Прости, может, не к месту. Знаешь, почему я открыла этот секрет?

Султан Огуз. Почему?

Фирангиз. Я подумала, что жизнь слишком коротка, все может случиться. Не сказала тогда, пожалела, дай, думаю, хотя бы сейчас скажу. Чтобы не унести с собой. И не сожалеть на том свете. Каринэ тоже тебя безумно любила. Но хорошо, что ты создал семью с Салтанат. Она достойна тебя. Каринэ – хорошая девушка. Но... армянка. Свои национальные амбиции они ставят выше всего. Даже в семье. Салтанат была младше нас на два года, но в два раза умнее. Могла стать настоящей хранительницей домашнего очага... И стала! Победила нас всех.

Султан Огуз. Я думал, что в твоём сердце меня уже нет, Фирангиз. Оказалось, что это не так. В моей душе всегда жили строчки одного стихотворения... Ты мне сказала «спасибо». Спасибо тебе. За то, что осталась такой чистой, такой смелой, чело­веколюбивой... Я всегда следил за твоей научной деятельностью. Ты очень убедительно доказала, что наше происхождение уходит в прошлое на тысячи лет до кавказских албанов... Твоя докторская диссертация была на эту тему?

Фирангиз. Да, Султан. Название – «Историческая география тюрок Западного Азербайджана». В этих местах жили древние азербайджанские тюрки, которые ныне вошли в историю как албаны. У меня есть очень обстоятельные материалы. То, что ты говоришь в романе художественным языком, я доказываю на основе истории. Армяне никогда не владели этими землями. Это племя поселилось на южном берегу озера Урмия. Я нашла одну картину. Вид на Иреван, столицу Иреванского ханства в начале XIX века. На снимке не видно ни одной церкви. Город буквально усеян мечетями и минаретами. Я хочу сфотографировать нынешнее состояние этих мест и представить его в сравнительном виде в своей книге. У меня также есть уникальное фото – изображение лампы, подаренной шахом Исмаилом Хатаи Ревангулу-хану, о которой ты упомянул в своем романе. Говорят, что эту лампу нашли российские этнографы, ведущие в эти дни раскопки в Ереване. Армянские ученые всеми возможными способами пытаются убедить российских ученых, что лампа была привезена из Рима. И я приехала принять участие в конференции, которую они хотят провести тайно. Хочу доказать, что лампа была подарена шахом Исмаилом. На самом деле меня пригласила Москва – для того, чтобы я все увидела воочию, стала свидетелем того, что произошло, и чтобы потом больше не было повода для обсуждений... Но они увидели, что я приехала с полными доказательствами, и украли все мои вещи, картину, отражающую виды Иревана, в том числе подготовленную мной статью. Сейчас я заново пишу эту статью. К счастью, фотография лампы оказалась у меня в сумочке, поэтому они ее не смогли украсть. Но я знаю, что это была именно та фотография, которую они искали. Поэтому они либо придут еще раз, либо попытаются помешать моему участию в конференции. Но это невозможно...

Усуб, запыхавшись, подбегает к ним.

Усуб. Султан муаллим, Фирангиз ханым, Вартазар у себя.

Султан Огуз. Пойдем, Фирангиз. Вартазар из-за пропажи твоих вещей уволил Усуба. Пойдем, решим этот вопрос.

Усуб. Султан муаллим, не ходите. Пропади она пропадом, эта работа...

Султан Огуз. Почему, что происходит, Усуб?

Усуб. Ничего хорошего там не происходит, Султан муаллим. Очень плохие дела там происходят.

Фирангиз. Не томи, не интригуй нас, дядя Усуб! Что случилось? Говори.

Усуб озирается, потом по-заговорщически понизив тон, говорит.

Усуб. Я подошел к двери кабинета Вартазара, она была полуоткрыта, и услышал очень неприятный разговор. В кабинете Вартазара находился заместитель министра юстиции Армении. Он дал указание Вартазару срочно освободить дом отдыха от постольцев. Под предлогом якобы эпидемии, что, дескать, нужна срочная дезинфекция. *(Видит, как издалека к ним идут Вартазар, Каринэ Шахназаровна, Наира и Эмиль.)* Вот, они идут. Я лучше пойду, чтобы меня здесь не видели. *(Хочет уйти.)*

Султан Огуз. Постой, Усуб. А какие у них цели?

Усуб. Не знаю, клянусь, не знаю. Слышал только то, что через некоторое время сюда приедут президент Академии наук Армении и президент Академии наук

СССР. Даже будут представители КГБ и нескольких министерств... Родные мои, лучше я уйду. *(Спешно удаляется.)*

Султан Огуз. Какие у них могут быть цели? Если в доме отдыха на самом деле эпидемия, то что здесь делают президенты академий, представители КГБ? Странные вещи происходят.

Фирангиз. Я могу примерно предположить, что будет.

Султан Огуз. Что же именно, Фирангиз?

Фирангиз. Сегодня на этой конференции соберутся представители из очень многих стран. Будет обсуждаться «главный герой» твоего романа – историческая лампа. Потом будет «доказано», что лампа – историческая ценность армян, это будет зафиксировано, и мир это признает. Но я этого не позволю.

Султан Огуз. А что ты сможешь сделать, если тебя не пустят на конференцию?

Фирангиз. То, что меня пропустят на конференцию, я уверена. Они ведь думают, что у меня уже нет доказательств. Но не знают, что основной козырь у меня.

Султан Огуз. А что за козырь, Фирангиз?

Фирангиз. Я же сказала, фото лампы.

Султан Огуз. Понял. Но как фото лампы может подтвердить, что это именно та подлинная лампа?

Фирангиз. Некогда один путешественник написал эту картину и сделал под ней надпись: «Подарок шаха Исмаила Хатаи Ревангулу-хану».

Султан Огуз. У кого-нибудь еще есть такое фото?

Фирангиз. Только у меня. В прошлом году я с трудом нашла и привезла его из Франции. Эмиль отправлен сюда именно для того, чтобы поддержать меня. *(Подходят Вартазар, Каринэ Шахназаровна, Наира и Эмиль.)* Спокойно, Султан, пусть они не заподозрят, что мы всё знаем...

Наира *(аплодирует)*. Bravo вам, bravo! Лейли и Меджнун вместе... У меня нет слов. *(Султану Огузу.)* Ты поэтому Салтанат отправил в Гейче?.. Потому что сам приехал сюда? Для того, чтобы встретиться со своей бывшей любовью, с этой разведенкой? Сосед-развратник!

Султан Огуз. Какая же ты невоспитанная, Наира! Мы случайно встретились.

Наира. Теперь все встречи называются случайными, Султанчик. Случайно ты отправляешь жену из дома в Гейче два дня назад... Случайно тебя задерживает полиция, случайно тебя отвозят к Каринэ, случайно Каринэ помещает тебя в этот дом отдыха, случайно Фирангиз тоже здесь, и вы встречаетесь! *(Смеется.)* Какие это были чудесные совпадения! Я сама сказала самой Каринэ, она любила тебя в то время, чтобы она использовала возможность сыграть эту игру, чтобы разлучить тебя с женой. Фирангиз развелась со своим мужем, и так как она не могла выкинуть тебя из своего сердца, она приехала сюда для того, чтобы разрушить твою семью, привязаться к тебе *(Показывает на Эмиля)*. Посмотрите на этого Эмиля. Почему здесь случайно появился этот Эмиль, а? Вы можете сказать? Потому что Эмиль тоже заинтересован в этом деле. Сказать, почему? Потому что он тоже любил Салтанат. Салтанат дала ему от ворот поворот и теперь мстит за это... Он думает, что может разрушить твою семью... Но Салтанат нет, есть я, ее подруга, ее верная соседка *(Бьет себя рукой в грудь.)* Наира здесь! Я не позволю этого!

Султан Огуз. Ты о чем, Наира? Этим людям больше нечем заняться, чем преследовать меня? Какая же у тебя черная душа, Наира. И потом, если ты соседка, так веди себя, как положено. Не лезь в дела, о которых ты ничего не знаешь. Вы только посмотрите на мою соседку!.. Тебе здесь нет места, пусть Аллах тебе воздаст по справедливости, Наира!

Наира. Что? Аллах?! Разве ты не советский писатель? С каких пор ты стал поклонником Аллаха, товарищ Султан Огуз?

Султан Огуз *(постепенно начинает злиться)*. Я всю жизнь почитал Аллаха...

Фирангиз (*берет за руку Султана, пытается успокоить*). Успокойся, возьми себя в руки!...

Наира. Отпусти руку моего соседа, бесстыдница! Кто ты такая, чтобы дотрагиваться до руки мужа моей лучшей подруги?

Фирангиз (*тактично отходя в сторону*). Я прошу...

Наира. Она просит! Вон с нашей земли. Откуда пришла, туда и уходи. (*Вартазару.*) Срочно уберите эту женщину из дома отдыха. В противном случае я и вас обвиню в пособничестве, напишу жалобу прокурору.

Вартазар. Успокойтесь, уважаемая, я сейчас же выселю ее. (*Фирангиз.*) Фирангиз ханым, я прошу вас собрать вещи и уехать. Не создавайте мне проблем, у меня дети, и я могу остаться без работы. Прошу вас...

Фирангиз. Во-первых, до завершения срока моей путевки еще три дня...

Вартазар. Мы компенсируем вам ваши затраты.

Фирангиз. Во-вторых, какие вещи мне собрать? Разве мои вещи в этом доме отдыха не украдены?

Вартазар. Мы за это уволили сторожа.

Фирангиз. Это все, на что у вас хватило сил – уволить простого азербайджанца?! Он к этому делу никакого отношения не имеет. И потом, изгнанием одного сторожа мои вещи разве найдутся? И, наконец, в-третьих. Я приехала сюда по специальному приглашению Академии наук СССР. И только они могут меня отозвать. И в-четвертых...

Наира. В-четвертых, в-пятых, да хоть в-сотых... Не рассказывай нам сказки, женщина! Либо уезжай по собственному желанию, либо я выволоку тебя за волосы!

Султан Огуз. Замолчи, бесстыжая!

Наира (*плача*). Султанчик, мой дорогой сосед, ты что, не видишь, что я делаю все, чтобы твоя семья не распалась? Пошли, пойдём домой. Пусть и эти уезжают по своим делам. Мы еще должны обмыть твою премию...

Султан Огуз. Я не буду получать премию! Мне такая премия не нужна! Я отправил телеграмму. Между нами и вами все кончено...

Наира. Сосед, пока Салтанат нет здесь, я костями лягу, но тебя им не отдам!

Султан Огуз (*беря Фирангиз под руку*). Пойдем, Фирангиз, отсюда, я тоже иду с тобой.

Наира (*в истерике*). Я сожгу себя!.. Я убью себя!.. Сожгу!.. Убью!..

Каринэ Шахназаровна (*пытаясь успокоить Наиру*). Успокойся, матах, успокойся (*Вартазару.*) Кликните, пусть принесу воды. (*Эмилю.*) Ты не оставляй их одних, а я успокою Наиру и приду.

Эмиль качает головой и идет вслед за Султаном и Фирангиз.

Пока он виден, Наира продолжает истерить, а Каринэ ее успокаивает.

Когда он исчезает из вида, наступает тишина.

Наира (*тихо*). Ушли?

Каринэ Шахназаровна (*смеясь*). Ушли.

Наира. Поверили?

Вартазар (*хлопая в ладоши*). Народная артистка СССР! Bravo! Поверили... Наира, ты почему не поступила во ВГИК? Ты бы нас во всем прославила бы...

Наира (*смеясь*). Хорошо сыграла?

Каринэ Шахназаровна. Высокотехнологично! Ты в прошлом так же профессионально втерлась в соседи Султану.

Наира. Во имя нации...

Каринэ Шахназаровна. Кажется, мы достигли своей цели..

Наира. То есть теперь мы можем сказать, что «лампа наша»?..

По территории дома отдыха раздается звук радио.

Радиоголос: Внимание! Внимание! Говорит Ереван! Вы слушаете новости культуры. Постановление Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик. Присудить роману армянского писателя Султана Огуза «Горящая в Ереване лампа» Государственную премию СССР.

Словно в одно мгновение происходит землетрясение.

Как будто земля и небо смешались друг с другом.

Начинается буря. Мир погружается во тьму.

Искры летят от ламп на электрических столбах.

Все люди на территории дома отдыха в панике, бегут в разные стороны.

Под яркими вспышками искр люди то сталкиваются,

то падают на землю, встают и снова бегут непонятно куда.

Пока эта сцена продолжается, голос историка эхом разносится вокруг.

Под звуки голоса историка одетые в черное люди среди бегающих медленно собираются в центре площади.

Эпилог

Историк. Армяне никогда не стоят на месте. Они постоянно замышляют против нас козни, чтобы внести раздор между нами, завладеть всем нашим, пытаются убедить великие державы в своих гнусных делах и своей ложью добиваются желаемого. Точно так же, как они расставили тысячу и одну ловушку и беспощадно отделили Западный Азербайджан от его родины и отдали его Армении!.. Они создали искусственный коридор, чтобы армяне могли уйти в Иран. Отделили Азербайджан от Южного Азербайджана! Тогда, 24 апреля 1965 года, армяне впервые собрались на Театральной площади Еревана и кричали...

Люди в черном (*кричат время от времени*). Нахчыван наш!.. Карабах наш!.. Карс наш!.. Сарыкамыш наш!.. Ван наш!..

Историк. В своей первой речи я сказал: «Забычивость – это наша трагедия». Как минимум, за последние двести пятьдесят лет армяне умело использовали против нас же самих и такую нашу особенность, как величие наших сердец и гуманизм. Но, к счастью, похоже, мы начали понимать причину наших трагедий. Наша новейшая история доказывает это. На состоявшейся сегодня конференции азербайджанка Фирангиз ханым выступила и опровергла лживые аргументы всех армян и их многочисленных покровителей против нашей истории. Все они с сожалением вернулись домой. Спасибо за сегодняшний день! Мы вернем все, что потеряли по своей забывчивости!

Люди в черном продолжают кричать.

С главного входа дворца из ниоткуда появляется Ревангулу-хан.

Он зажигает некогда погасшую лампу. Лампа ярко светит.

Со всех сторон дворца один за другим входят люди с лампами в руках.

Но в одно мгновение поднимается черный ветер.

Ревангулу-хан хочет погасить лампу Хана.

Но народ с лампами в руках бросается к горячей лампе Ревангулу-хана и окружает ее плотным кольцом.

Они кружат вокруг лампы и кричат громкими голосами.

Люди с лампами:

Уймись, черный ветер!
Эй, Эй!
Уймись, черный ветер!
Эй, Эй!
Уйди с нашего пути!
Эй, Эй!
Уйди с нашего пути!
Эй, Эй!
Моя лампа!
Эй, Эй!
Гори, лампа!
Эй, Эй!

*Голоса людей с лампами перебивают голоса людей в черном,
их крики обрываются, они начинают паниковать и не знают, куда идти.
Их тени сжимаются и исчезают, словно летучие мыши,
боящиеся света окружающих их ламп.
Черный ветер постепенно утихает и успокаивается.
Лампа Ревангулу-хана начинает гореть ярче.
Люди постепенно заполняют сцену. Повсюду горят лампы.
Ревангулу-хан берет лампу и идет вперед.
Горящие повсюду лампы выстраиваются позади Ревангулу-хана
с обеих сторон, как стая журавлей.*

Ревангулу-хан. Пусть наша лампа горит всегда! Пусть земля огузов всегда будет счастливой. Да обойдут нас стороной все беды и невзгоды! Пусть не иссякает сила наших героев, пусть все будут счастливы. Упокой души наши предков, а земля наша будет благословенной!

Люди с лампами. Эй, эй!

Ревангулу-хан. Бей, барабанщик, в бубен, бей! Звени, зурна, звени! Мы идем по всей стране. Вперед!

*Звенящие звуки зурны, бой барабанов. Толпа людей, подобно стае журавлей,
движется вперед.*

Баку, март 2024 года

5 сентября этого года исполняется 80 лет выдающемуся поэту, драматургу, прозаику, публицисту, общественному деятелю Гидаяту Худуш оглу Оруджеву. Он является одним из самых талантливых, читаемых писателей нашей литературы. Его книги переведены и изданы более чем на 20 иностранных языках. Драматические произведения с большим успехом ставились на сценах Национального академического драматического театра, Академического русского драматического театра имени С.Вургуня, Иреванского государственного азербайджанского драматического театра имени Дж.Джаббарлы, Театра юного зрителя, других государственных театров нашей страны, Анкарского муниципального театра, Киргизского русского академического драматического театра им. Ч.Айтматова.

Коллектив журнала «Литературный Азербайджан» поздравляет замечательного писателя и нашего постоянного автора со славной датой и желает оставаться всегда юным и радовать читателей своим талантом.

ГУСЕЙН БАЙКАРА

Культура Азербайджана в период ханств¹

Литературный язык – это письменная форма художественного творчества любой страны. Существует также и язык устного народного творчества. Его называют «народной литературой».

Литература в целом подразумевает как письменное, так и устное народное творчество. Многие составляющие народную литературу – сказки, песни, поговорки, загадки, передаваясь из поколения в поколение, дошли и до наших дней...

Литературный язык нации, постепенно развиваясь, превращается в юридический, научный язык управления и, в конечном итоге, в государственный язык.

В средние века латынь была единственным литературным языком не только латинян, но и германцев. Латинский язык сильно отличался от классического латинского языка. Такой же была ситуация и у нас – тюрков. После принятия ислама персидский и арабский языки стали языком религии, философии, литературы, а у некоторых даже и государственным языком.

Естественным результатом этого исторического развития стало то, что, например, Фараби, который родился в Мавраннехре в Туркестане в 870 году и Ибн Сина, родившийся в бухарском селе Афшин, писали книги на арабском языке, а Низами Гянджеви, Мевлана Джелаледдин Руми и его учитель Шамс Тебризи – на персидском.

В период ханств азербайджанские поэты соблюдали эту традицию, писать на персидском языке считалось превосходством. Вместе с тем поэты того времени, наряду с персидским, писали стихи и на тюркском языке. К счастью, среди этих стихов есть и написанные нашей (*народной* – **Ред.**) рифмой – хеджа (слоговой). Таким образом, поэты приблизились к народу и вместе с ним сформировали традиционное духовное сообщество тюрков-азери.

Поговорим о писателях и поэтах того периода, таких, как **Молла Панах Вагиф** из Карабаха и **Молла Вели Видади** из Газаха. Следует отметить, что эти два поэта в свое время имели свои отличительные черты и оказали большое влияние на литературную среду азербайджанских ханств.

Поэт Вагиф, родом из Газаха, был известен еще до русской оккупации Карабахского ханства.

По преданию, в 1772 году он переехал в Карабах с элатами (так называли кочевые племена). Жизнь Вагифа была тяжелой, но бедный и ранимый поэт, несмотря на это, стал изучать классическую поэзию. Из его жизни и творчества нам стало известно, что был он смелым, трудолюбивым и честным человеком. О своей бедности он писал в своих сатирических стихотворениях.

*Наступил байрам. Как нам быть теперь?
Ведь у нас муки, ни чувала нет,
Риса в кладовой горстка, мерь, не мерь,
Мяса нет давно, да и сала² нет.
Рта нельзя раскрыть, не дают житья,
– Неудобный, мол, раб Аллаха я.
Объедается у других семья. А у нас?
У нас и мотала нет. Милостив Аллах!*

¹Глава из книги «Реформистское движение в Азербайджане»

²Имеется в виду бараний курдюк.

*Пуст совсем наш дом, –
Ни циновки в нем, ни красотки в нем.
Не гордись, Вагиф, что богат умом,
И ума у нас уж не стало, нет.*

Слава поэта дошли до правителя Карабаха Ибрагим Халил-хана, тот пригласил его во дворец и назначил визирем по внутренним делам (eşik ađası), а затем и главным визирем. На этом посту Вагиф проявил незаурядные способности дипломата. При его участии был заключён оборонительный союз между Карабахом, Грузией, Талышским и Эриванским ханствами против Ирана. Он также был инициатором переговоров с Россией, имевших целью заручиться её поддержкой.

Вагиф серьезно изучал астрономию и с успехом использовал свои знания как на практике, для предсказаний затмений и календарных выкладок, так и для астрологических изысканий. Достаточно хорошо Вагиф владел и математикой, используя свои знания при строительстве ханского дворца, жилых домов и крепостных стен в Шуше.

Обладая обширной библиотекой, Вагиф непрерывно занимался самообразованием. Он заметно выделялся своей ученостью среди дворцовой знати и интеллигенции Шуши и оправдал тем самым свой поэтический псевдоним – Вагиф («Сведущий»).

Когда в 1796 году шах Ага Мохаммед Каджар впервые напал на Карабах, Вагиф был рядом со своим ханом. Экспромтом на персидском языке он ответил на стихи, которые послал Ага Мохаммед Каджар, чтобы унижить хана.

*Безумец! Град камней летит с небес.
А ты в стеклянных стенах ждешь чудес.*

Здесь обыгрывается название осажденного города: Шуша по-азербайджански обозначает «стекло». Листок с этим двустушием был прикреплен к стреле, которую воины шаха запустили в крепость. Когда это письмо дошло до Ибрагим Халил-хана, он тут же вызвал Вагифа, который на обороте письма написал:

*Меня стеклом создатель окружил,
Но крепкий камень он стекло вложил.*

Получив письмо с этим стихотворением, шах Ага Мохаммед Каджар пришёл в ярость и возобновил пушечный обстрел Шуши. Однако после 33 дней безуспешной осады крепости войска шаха были вынуждены снять осаду и отправиться в Грузию.

В свой первый поход шах не смог победить Ибрагим-хана и взять Шушинскую крепость. Потерпев поражение в этой битве, шах нападает на Тифлис.

Во время второго похода шаха Ага Мохаммед Каджара, Ибрагим-хан, понимая, что борьба невозможна и бессмысленна, отступил в Джар-Белакан (Загатала). Шах взял крепость Шушу без сопротивления и жестоко расправился с населением. Погибло немало народу.

Молла Панах Вагиф был схвачен и брошен в тюрьму. Утром его должны были казнить. Однако ночью двое подчиненных, жители Шуши – Аббас и Сафар Али-бек – закололи кинжалами шаха Каджара.

Услышав эту новость, жители Шуши напали на тюрьму и освободили заключенных. Среди освобожденных оказался и Вагиф.

Вдохновленный этими событиями, Вагиф увидел в этом высшую справедливость Аллаха. Своему земляку из Газаха – Молле Вели Видади он отправил следующее стихотворение:

*Видади, ты на черствые эти сердца погляди,
И на время, что мчится вперед без конца, погляди!
На судьбу, что злодея внезапно сравняла с землей,
И на праведный гнев, на десницу творца погляди!
На бессилье того, чей светильник под утро угас,
А вчера вызывал поклоненье льстеца, – погляди!
И на эту надменную голову, павшую в прах, –
Ей уже не носить золотого венца, – погляди!
На того, кто меня без пощады казнить повелел,
На того, кто его превратил в мертвеца, погляди!
Для доски гробовой нужно шаху четыре гвоздя, –
На того, кто от гибели спас кузнеца, погляди!
Пусть примером паденья послужит Ага-Мохаммед, –
Опустели роскошные стены дворца, – погляди!
Не гляди на подругу и друга, на сына и дочь.
На творца всемогущего, как на отца, погляди!
О Вагиф, пред очами твоими пророк Мохаммед,
На избранника божьего и мудреца погляди!*

Хотя поэты того времени находились под влиянием богатой персидской литературы, немалое влияние на них оказали такие тюркские поэты, как Насими, Физули, Алишер Навои, Низами и Хагани. Получив образование в медресе, Молла Панах Вагиф избрал путь глубокого суфизма. Будучи выходцем из народа, он был близок к нему. Даже должность визиря не смогла отдалить его от народа. Язык его стихов предельно приближен к народному. И газели, и гошма он писал на понятном народу языке.

Вагиф был отважным человеком. В одном из своих стихотворений, посвященным Ширван-шаху Мохаммед Гусейну, он просит у него оружие. Из его бейтов становится ясно, что оружие ему необходимо для самозащиты, и при случае он способен даже пролить кровь врага.

*Я в поисках ружья зачах, я исходил весь Карабах.
К Аллаху обращался я в своих бесчисленных мольбах,
Чтоб он мне милость оказал, заботясь о своих рабах.
И, наконец, ширванский хан с улыбкой сладкой на губах
Прислать в подарок мне сулил, – сам хан, не кто-нибудь! – ружьё.
И внял я ласковым речам, как легковёрный человек.
Уже в горах растаял снег и начались разливы рек, –
Я на дорогу всё гляжу, обещанного ждать мне век!
Поныне ищет, говорят ружьё ширванский шах.*

Хан Ширвана Мохаммед Гусейн-хан был прекрасным поэтом того времени, и Вагиф был одним из его близких друзей. Ширванский хан дал высокую оценку творчеству Вагифа: «Было бы стыдно мне говорить о вашем творчестве. Ваши стихи настолько прекрасны, что их нельзя хвалить».

Жестокие нападения Ага Мохаммед шаха Каджара ускорили оккупацию Кавказа Россией. Чтобы избавиться от гнета этого кровожадного шаха, грузинский царь Ираклий был вынужден обратиться за помощью к России. Карабахский хан Ибрагим-хан, чтобы противостоять нападениям Ирана, тоже пошел на хитрость и заключил союз с Ираклием. С этой целью он отправился в Тифлис, чтобы встретиться с грузинским царем и наместником русского царя Ираклием, взяв с собою Вагифа. Тифлис покорил Вагифа своей красотой. Его стихи, посвященные Тифлису, являются одними из лучших.

*Приезжему кажется пестрою сказкой Тифлис,
А недругу – острой сталью дамасской Тифлис.
Недобрые люди обходят с опаской Тифлис,
Но славится гостеприимством и лаской Тифлис.
Радушия редкостный дар ему издавна дан.
Ты не был, Вагиф, никогда лицемером и лжив.
Прости же Всевышнего, душу в молитву вложив,
Пусть будет Ираклий с его домочадцами жив,
И пусть неусыпной заботой всех окружив,
Аллах благодати ему пошлет океан.*

При виде красавицы, вышедшей из церкви, он посвящает ей следующие строчки:

*Своей весенней красотой цветок любой затмила ты.
Прекрасным станом ствол живой тубы святой затмила ты.
Красавица вселенной всей – пыль под сандалией твоей.
Над Искендеровой главой серп золотой затмила ты.
Благоуханье кос твоих дороже мира для меня.
Небесный мир передо мной и мир земной затмила ты.
Я – раб дуги твоих бровей, мне больше нет пути в михраб, –
Каабы свет, свет божества, день огневой затмила ты!
И если страждет, как Меджнун, Вагиф и гибнет, как Фархад,
Лейли – сияющей душой, Ширин – красой затмила ты.*

Стихи Вагифа, написанные им в размере хеджа, не утратили своей актуальности до сих пор и будто были написаны вчера. Приведем несколько примеров.

*Благородной красота верна,
Стройная – не сгорбится она.
Если добротой одарена,
Не изменит, холодней не станет.
Кровь ее девически чиста,
Ярче свежих роз ее уста.
Стрел острей ресницы... Лет до ста
Ранящая сталь слабей не станет.
Страшно ль совершенной жить сто лет!
Пусть уже в движеньях силы нет,
Но в глазах горит всё тот же свет.
Обаянье меньше в ней не станет.
Истинное счастье – не забудь –
В той, что знает страсти скорбный путь:
К девушкам, Вагиф, не надо лнуть,
А не то спокойных дней не станет.*

*Я мечтой к кудрям прикован, ароматным, как цветок.
От любви изнемогаю, стан согнулся, взор поблек.
Если будет живописец рисовать ее портрет,
Я хочу стать тонкой кистью, чтоб коснуться нежных щек.
Будто облако восхода на челе ее горит,
– Лебедь белая, не бойся, насмерть ранен злой стрелок.*

*Ты меня околдовала – стал я пленником твоим,
Вез тебя, как месяц в небе, я блуждаю одинок.
Я, Вагиф, мне нет спасенья, гибель родинки сулят ...
Ради ямочки на щечке мукам я себя обрек.*

Жизнь Вагифа не была безоблачной и спокойной. Порою поэт жаловался на жизнь и людей. Рассмотрим это на примере нескольких мухаммасов.

*Я правду искал, но правды снова и снова нет.
Все подло, лживо и криво – на свете прямого нет.
Друзья говорят – в их речи правдивого слова нет,
Ни верного, ни родного, ни дорогого нет.*

Принимая во внимание время, в которое жил Вагиф, его можно назвать от-
важным революционером. В этот период не было другого поэта, который бы храбро
критиковал шейхов, духовенство, ученых, которые подстраивались под время. Он не
раз попадал в тюрьмы, оказывался перед лицом смерти, но не сворачивал со своего
пути.

*Все вместе и каждый порознь, нищий, царь и лакей –
Каждый из них несчастлив в земной юдоли своей.
Их всех сожрала повседневность, оторванность от людей,
И сколько бы я ни слушал бесчисленных их речей –
В них, кроме лжи и неправды, смысла второго нет.
Странный порядок в силу у сильных мира вступил:
Чье бы печальное сердце ты ни развеселил,
Оно тебе злом отплатит, отплатит по мере сил,
Им неприятен всякий, кто доброе совершил,
На целом огромном свете мне друга родного нет.
Ученый и с ним невежда, учитель и ученик –
Снедаемы все страстями, в плену у страстей одних.
Истина всюду пала, грех повсюду проник,
Кто в мулл и шейхов поверит, тот ошибется в них.
Ни в одном человеке чувства святого нет.
Всякий чего-то ищет, погонею поглощен,
Ищут себе престолов, венцов, диадем, корон.
Шах округляет земли – за ними в погоне он.
Влюбленный бежит за тою, в которую он влюблен.
Ни радости нет на свете, ни прочного крова нет.
Алхимиками я сделал множество гончаров.
В золото обращал я прах забытых гробов,
Из щепня я делал яхонт, с камня срывал покров,
В бриллианты мог превращать я бляхи на шеях ослов,
Признанья искал, но мир мне ответил суровый – нет!
Тот, кто дворец Джамшида в развалины превратил,
Тот веселье и счастье безжалостно поглотил.
Нет никого, кто бы в горе кровь свою не пролил,*

*Сам я не раз жестокой судьбою испытан был.
Повсюду царство коварства – и царства другого нет.
Тут на людей, как солнце, свой излучаешь свет –*

*Помни, что слов признанья в радостной вести нет.
Честь, благородство, стыдливость давно уж утратил свет.
Услышали мы, что где-то найден честности след,
Я долго искал и знаю: чувства такого нет.
Я мир такой отвергаю, он в горле стал поперек,
Он злу и добру достойного места не приберег.
В нем благородство тщетно: потворствует подлым рок,
Щедрости нет у богатых – у щедрых пуст кошелек.
И ничего в нем, кроме насилия злого, нет.
Я видел конец надежды, мечтаний конец пустой,
Конец богатства и славы с их земной суетой,
Конец увлеченья женской, невянущей красотой,
Конец и любви, и дружбы, и преданности святой.
Я знаю, что совершенства и счастья людского нет.
Потухли глаза, старею, жизнь черней и черней.
Сколько красавиц мимо прошло за тысячи дней!
Дурною была подруга, погублено счастье с ней!
Аллах, одари Вагифа милостью своей:
Ведь, кроме тебя, на свете друзей у больного нет.*

(Перевод К.Симонова)

В своей поэзии Вагиф использует все классические формы восточной поэзии, однако особое место в его творчестве занимает поэтическая форма – гошма, позаимствованная им из народного творчества. Язык этих стихов предельно приближен к народному, до минимума сведено заимствование арабских и персидских слов.

Любовь в стихах Вагифа окончательно освобождается от суфийско-мистической символики, присущей в какой-то степени большинству азербайджанских средневековых поэтов. Поэт воспевает наслаждение жизнью, красоту возлюбленной, горечь разлуки и радость встреч. К концу жизни в творчестве поэта начинают преобладать глубоко философские, обличительные стихи о смысле жизни и бренности мира.

Другой поэт, **Молла Вели Видади**, классик азербайджанской литературы, был родом из Газаха и родился в селе Шихлы. Глубоко изучив науки и литературу своего времени, он всю свою жизнь старался избегать грехов и жить по предписаниям Аллаха. Он был честным и смелым человеком, не стеснялся говорить правду в глаза, и потому у него было немало врагов.

О Видади осталось очень мало сведений. Скончался он в 1809 году, и был похоронен в том же селе, где и родился. Говорят, что прожил он больше 100 лет.

Молла Вели Видади и Молла Панах Вагиф были поэтами нового времени, оба жили в одно и то же время и были дружны между собой. Судьба их была, пожалуй, характерна для многих интеллектуалов, причем не только азербайджанских.

Оба поэта со временем оказались на государственной службе: Видади состоял писарем у грузинского царя Ираклия II, а Вагиф – визирем у карабахского правителя Ибрагим Халил хана. И если Видади, проведя при дворе несколько лет, покинул его, то Вагиф сумел удержаться в политике и эффективно руководить дипломатией Карабахского ханства вплоть до своей смерти – увы, насильственной.

Нам известна лишь малая часть произведений Видади. Будучи друзьями, Видади и Вагиф постоянно обсуждали свои стихи друг с другом. Выше мы привели стихотворение Вагифа на смерть Ага-Мохаммеда шаха Гаджара, который он послал Видади. Далее приведем ещё некоторые примеры из творчества двух поэтов.

Из-за отсутствия материалов и источников трудно определить, какое является стихотворением, а какое назире. Например, в стихотворениях Видади мы попытаемся выяснить, какое из них подлинное, а какое назире было написано еще до убийства Вагифа в Шеки.

*Умрет властелин вселенной, – что выживет он, не верь.
И царство его погибнет. Во власть и закон не верь.
Всё в мире непостоянно. Что мудр Соломон – не верь.
Вращению мироздания, если умен, не верь...*

Это стихотворение Видади было написано после убийства правителя Ширвана Гусейн хана Муштага его дядей Хаджи Абдулкадиром. Стихотворение Вагифа «Эй, Видади, посмотри вокруг...» следует признать как назире. С другой стороны, неверно принимать стихотворение Видади, написанное на смерть хана Ширвана Гусейна, как хвалебную оду, потому что Видади написал это стихотворение в Газахе, тогда как Гусейн-хан жил в Ширване.

Как и Вагиф, Видади был чувствительным и мятежным человеком. Именно поэтому убийство ширванского хана Гусейна – человека умного и честного, так потрясло его. Он тяжело переживал смерть хана.

*Я на арене бед обращаю голову в круглый, кровавый мяч,
Пустит её по чужим рукам, в свальную яму бросит палач.
Смерть за достойного – славная смерть, великой жизни она равна,*

Стихи Видади заставляют глубоко задуматься, имеют воспитательное значение. Примером этому может послужить следующее стихотворение.

*В беседе с ничтожным тратишь слова, напрасной становится речь твоя.
С мудрым беседуй – хаганских богатств стоят одежды его края.*

Произведения Молла Вели Видади были написаны в духе исламистского суфизма. Он критиковал междоусобные войны и феодальную жестокость. Так в известном стихотворении «Мусибат-наме», являющемся отзвуком на убийство Гусейн-хана Муштага, друга Видади, поэт передает ужасы кровопролитных феодальных распрей, клеймит невежественных и жестоких ханов, их злодейства и преступления перед народом.

*Аллаху не верны, с Кораном не дружны,
И шаха, что ни день, менять себе вольны,
Загадочных писем им шрифты не даны.
Правдивый человек неведом для страны,
Он сабля на боку, он в час войны исчез.*

Поскольку Молла Вели Видади был близким другом Молла Панах Вагифа, заметное место в его творчестве занимает стихотворная переписка-диалог между ними, которая по содержанию напоминает состязания ашугов.

Вагиф

*Что печалит тебя, дорогой Видади?
Смелым сердцем ты вдруг погрузился во тьму
И заплакал.
День печали ещё предстоит впереди,
А теперь, Видади, отвечай, почему ты заплакал?*

Видади

*Столковаться, Вагиф, я с тобой не смогу.
Если б нежность подкралась к тебе самому, ты б заплакал.
Если б страсть у тебя поселилась в мозг
И любовь твоему угрожала уму, – ты б заплакал.*

Вагиф

*Если сердца живого не кончился бой,
Все султаны и ханы ничто пред тобой,
наслаждайся своей беспечальной судьбой!..
Почему ж огорчился ты, я не пойму, и заплакал?*

Видади

*Плач возник от любви, от ее чистоты,
А обида души – от её доброты;
Если б всё это сердцем почувствовал ты,
С утешением к другу спеша своему, – ты б заплакал.*

В отличие от Вагифа, в произведениях которого преобладают мажорные тона, в стихах Молла Вели Видади просматривается грусть и безысходность.

*Создатель, одинокого храни,
Трудны его безрадостные дни.
Он окружен заботой и печалью –
Где друга нет, там властвуют они.*

Он предостерегает своих современников:

*Будь преданным, но каждому не верь,
И душу всем не открывай, как дверь,
Товар души не выноси на рынок,
Где нет ему ценителей теперь.*

Пессимистические настроения поэта нашли отражение в таких стихотворениях, как «Журавли», «Послания поэту Вагифу», «Поплачь». Трагическое ощущение безысходности, являющееся отличительной чертой мировоззрения Видади, связано с социальными пороками и жестокими проявлениями эпохи. Они и определили суровые тона его поэзии, доминанту мотивов и выражений скорби и отчаяния:

*Если подумать о жизни – горем она полна.
Ведь одному бриллианту – тысяча душ цена!
Как в зеркале, в каждой грани подлость отражена.
Клянчить себе подарочек наша земля должна.
Мне чашу подай, виночерпий, всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви – всему наступит конец.*

Журавли

*Ряд за рядом, поднявшись к большим облакам,
Вы зачем забрались в небеса, журавли?
Ваша песня тоскливая так грустна,
Вы куда направляете путь, журавли?
Словно бусы, нанизаны ваши ряды,
Высоко в небесах вы летите, горды.*

*Не случилось бы с вами какой беды,
Добывайте корм как-нибудь, журавли.
Я скажу, и в словах моих правда живет:
Вас крылатый злодей на дороге ждет,
Злобный сокол размечет ваш перелет,
Алой кровью окрасите грудь, журавли.
Ваша родина, ваша отчизна – Багдад,
Ваши перья – забава того, кто богат.
Ваши песни на сердце, как струны, гремят.
Вы зачем мне терзаете грудь, журавли?
Вы спросите, друзья, обо мне больном.
Я письмо напишу дрожащим пером.
О больном Видади в свой багдадский дом
Принесите письмо как-нибудь, журавли.*

Приведем еще одну из газелей Видади.

*Мой друг, ты упрекнул меня, сурово вымолвив: «Не плачь!»
Но если милая уйдет, ответь мне, кто не зарыдает?
В разлуке с нею, прожив немилосердные года,
Кто безнадежно не вздохнет, ответь мне, кто не зарыдает?
Когда любимой рядом нет, чья совершенная красота,
Напрасно юность промелькнет, вся жизнь окажется пуста.
Настанет день, и ты поймешь, вокруг тщета и суета.
Вдруг осознав, что всё пройдет, ответь мне, кто не зарыдает?*

*Рок отвернулся от тебя, и мир переменился в миг,
Не стало радостей былых, ты глубь страдания постиг.
И если голым пустырем весенний сделался цветник,
Где только зимний вихрь метет, ответь мне, кто не зарыдает?
Ты взыскан дружбою моей, на мой вопрос, прошу, ответь:
Доколе горести сносить и одиночество терпеть?
Но взор надеется ещё пред тем, как телу умереть,
Постигнув, что напрасно ждет, ответь мне, кто не зарыдает?
Теперь больного Видади навряд ли можешь ты узнать:
Он изменился, постарел, ушла его былая стать.
Тот, кто здоров, исполнен сил, несчастьем должен сострадать,
И содрогаясь, в свой черед, ответь мне, кто не зарыдает?*

Близость к народному творчеству – еще одна из примечательных свойств двух поэтов, которые, случайно обращаясь к одним и тем же образам, событиям, случаям из жизни, по-разному оценивают их. Это видно по «Переписке», в которой выражены умонастроения и мироощущения двух этих столь разных и в то же время столь близких друг другу по духу поэтов.

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ – 75

5 июня литературная общественность отметила 75-летие любимого писателя. Редакция от души поздравляет нашего давнего сотрудника и представляет читателям новую повесть писателя.

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

ИГРА В ПОКЕР

Повесть

В этом мрачном с голыми стенами маленьком кабинете было и душно, и холодно одновременно, пахло дешевыми крепкими сигаретами, окурки которых переполняли пепельницу, а хозяин кабинета сидел, укутавшись в офицерскую шинель без погон. Стены убогого кабинета были девственно чистыми, не обезображенными, как было принято у больших и малых начальников, портретами высшего руководства страны преклонного возраста, мрущими, как мухи, один за другим, заменяя на высоком посту друг друга.

Начальник в упор смотрел на человека, стоявшего перед ним.

– Заключение, статья? – спросил он.

– Примовская. 93-прим.

– Ясно. Под расстрельную заменили на срок. Пятнадцать лет. Видно, хорошо подсуетился. – Начальник тюрьмы стал рассеянно, подслеповато просматривать документы заключенного, только что переведенного в эту тюрьму, потом поднял голову и вновь стал разглядывать на этот раз очень даже внимательно самого зэка. – Фамилия, имя, отчество?

– Там же все записано, – заключенный кивнул на листки на столе начальника тюрьмы.

– Отвечать!

– Зейналов... Азиз... Абузарович, – с расстановкой, подчеркнуто неторопливо ответил заключенный.

– Абузарович, говоришь. Вон как. Что ж, Абузарыч, ты у меня в гостях, будешь хорошо вести себя, и жить хорошо будешь. Ты понял меня.

– Понял.

– И понимаешь, конечно, что означает хорошо себя вести. Так же, как вел себя, когда сумел заменить себе вышку на пятнадцать. Понял, о чем толкую?

– Так точно. Понял.

– Это хорошо, что понял. Да... – начальник удрученно покрутил головой. – Как мы ни стараемся, сюда просачиваются деньги. Здесь немало «авторитетов» сидят, а на воле у них «шестерок» – целая армия. И деньги, и наркоту, и ножи время от времени находим. Обыск, «шмон» – временная процедура. Неистребимое зло, как ни стараемся истребить, – начальник внимательно, долгим, изучающим взглядом посмотрел на заключенного.

Тот не отвел взгляда, молча, внимательно слушая.

– А может, и не надо истреблять?.. – вроде как бы советуясь, вроде как бы решая вопрос именно в эту минуту, в присутствии заключенного, вроде как бы сомневаясь и надеясь, что заключенный развеет его сомнения, проговорил начальник.

– По мне: пусть зло, но пусть это зло работает на меня... А?.. Ты хорошо меня понимаешь.

– Да, – коротко ответил заключенный, подтвердив ответ кивком.

– Вот и отлично... Я мало с кем так разговариваю, чтобы ты знал. С зэками, со всякой шушерой мне не о чем говорить. Но о тебе я много слышал, вернее, много узнал. Да ты просто легенда! Навел шороху в прошлой тюрьме. А зачем тебя перевели?

– Так там же все записано...

– Записано, записано... – Начальник тюрьмы подслеповато прищурился, просматривая документы перед собой, потом поднял голову и в упор глянул на заключенного. – Знаем, знаем о вас, много чего знаем, – неожиданно перешел он на «вы», и было непонятно, с издевкой, с иронией или вполне серьезно, вспомнив былые «заслуги» заключенного, стоявшего сейчас в его кабинете перед ним и терпеливо ожидавшего конца разговора, перешел он на уважительный тон. – Тебя даже короновать хотели, отказался, – опять перескочил он на «ты», видимо, желая подчеркнуть, что временное «вы» было все-таки издѣвкой, чтобы знаменитый зэк знал свое место. – Это случай редкий, редчайший. Уважаю. Но здесь я хозяин, чтобы ты знал, и заводить свои новшества, свои порядки я никому не позволю. Все ходят подо мной, чтобы ты знал. Мне плевать, что в стране новые законы, я живу по старым, по своим законам: шаг влево, шаг вправо – сам понимаешь... – он выдержал паузу. – Понимаешь? – решил уверить начальник тюрьмы.

– Понимаю, – ответил заключенный, не меняя невозмутимого выражения лица в продолжении всего разговора.

– Вот и договорились... В камеру его, – начальник кивнул конвойному.

Заключенный по-военному развернулся и под конвоем направился к двери кабинета.

Теперь он лихорадочно вспоминал название знаменитой тюрьмы в Англии, вспоминал напряженно, но никак не всплывало в памяти то, что знают все образованные люди. Он потер лоб и ощутил легкую испарину. «Зачем это мне?» – подкралась трусливая мыслишка, но была тут же отвергнута и прогнана в закоулки сознания. «Как это зачем? Ты обязательно должен вспомнить! – навязчиво требовал внутренний голос. – Нужно тренировать память, это необходимо!» – безапелляционно заявлял он же, то есть внутренний голос. «Ну, хочешь, я тебе стихи прочитаю? – спросил он угодливо, – еще с детства остались... в памяти». В соседней комнате играли, о чем-то спорили и смеялись внуки, которые пришли к нему в гости, и которых он видел довольно редко, но он ушел от них – слишком уж расшумелись, и напряженно вспоминал название тюрьмы. Там должна быть буква «У», думал он, должна быть... Конечно, надо было вспомнить, тренировать память. Он стал задыхаться, в последнее время неврастения часто накатывала приступами, заставляя его дрожать и сотрясаться от любой мелочи, на что он не обратил бы внимания еще год назад. Ему хотелось отпереть дверь и выйти к внукам, извиниться перед ними, поговорить с ними, присоединиться к их разговорам, посмеяться вместе с ними, но... И вдруг, как молотком, ударила вертящаяся в уме, выплывшая из тумана ослабевшей памяти долгожданная буква «Т» и в самом деле похожая на молоток – Тауэр! Черт побери! Как он мог забыть такое популярное слово, известное на весь мир? Но это много раз повторилось с ним, что-то западало в голову, и он начинал мучительно вспоминать, вспоминать до боли в висках.

Он глубоко вздохнул, отпер дверь, запертую от гостей, от дорогих людей, и вышел с виноватым видом к внукам. Но звонкий раскатистый смех младшей трехлетней внучки (нет, двухлетней?) полностью растворил в его душе чувство вины. Он улыбнулся.

– Ну, как, – спросила она, чуть шепелявя. – Вспомнил?

Он невольно вздрогнул.

– Вспомнил? Что, милая? – невольно переспросил он, подозрительно глядя на девочку. – Что вспомнил, Арзушка?

Девочка загадочно подмигнула ему обеими глазками, хитро улыбаясь, будто знала, что происходило с дедом и как он мучился всего несколько минут назад, вспоминая... «Арзушка – забавная рожица», – называл он внучку. Она любила складывать губки в гармошку, притворяясь, будто поцеловать хотела, хотя целоваться не любила, и когда тянулись к ней получить обещанный поцелуй, тут же, отпрыгнув, заливалась смехом: Арзушка обманула!

И тогда он увидел себя таким же озорным, таким же малышом, но совсем в другое время, совсем в другое, когда...

А сейчас он остался лицом к лицу с работой, один на один с работой, которая давно уже ожидала его, а он все старался оттянуть этот момент, эту минуту, что неизбежно явится, вползет в сердце, как змея, и он почувствует парализующий холод страха и поймет, что неизбежное случилось, и никуда не денешься, надо собраться, сесть за работу, продолжать делать то, чего теперь никто, к сожалению, от него не ждет.

О чем он сейчас может написать, когда прошло много лет, как появилась первая и пока последняя его книга, но которую до сих пор ищут и перечитывают; о чем он может написать, даже имея огромный, интереснейший материал, не подозревая, что попал в большую, как омут, паузу, что затягивает его, тревожит, беспокоит, страшит... И он порой думает, какая в сущности это большая и важная тема в литературе, когда писатель сталкивается с невозможностью писать, когда он чувствует, что прежние силы, прежняя творческая потенция иссякает, и лихорадочно стремится восстановить её, возродить те счастливые моменты в своей жизни, заполненные мыслями, идеями, словами; когда капризно, порой рисуясь перед самим собой, он лениво отгонял обрушивавшееся на него, усаживавшее его среди ночи за письменный стол вдохновение, как знаменитая примадонна, не желающая выходить на «бис». Он вспоминал Фицджеральда и Хемингуэя, вспоминал Сэлинджера, старался пролезть в их мозги, в их душу, узнать, как они переживали это страшное время, о чем думали, на что надеялись, во что верили... Верили? Видно, как и он сам, полагали, что это у них временный застой, кризис, который случается со многими творческими людьми. Интересно, а приходило им на ум использовать этот творческий застой тоже как тему для очередной книги? Что бы они тогда написали? Они и еще многие другие хорошие писатели, которые, заявив о себе на весь мир, рано закончились?.. Что бы они написали?..

И тут он обнаружил, что рядом с ним все еще стоит его внучка, перелистывает его старую книжку и хитро улыбается, глядя ему в лицо.

Что-то с этой девочкой непонятное, – подумалось ему, когда он посмотрел на лукавое выражение лица малышки, – как будто она что-то знает, что только ей одной известно, хочет сказать, но ждет, чтобы я сам догадался и начал с ней говорить...

– А ты уже можешь читать? – спросил он, вполне отдавая себе отчет в эту минуту, как он далек мыслями от внуков, от семьи, несмотря даже на огромную любовь ко всем им, и в особенности к этой малышке, огромную любовь, от которой порой делалось тесно в сердце, не умещалась...

– Вот тебе раз! – она, шуточно досадуя, отбросила книжку на диван и хлопнула в ладошки, подражая ему. – Конечно, могу, – сказала Арзу-Арзушка совершенно спокойно, как бы разговаривая со своим сверстником. – Дедуля, ты же сам меня учил. Я уже читаю. А твою книжку тоже, только еще не понимаю. Почему ты пишешь так непонятно?

– Да, да, – проговорил он рассеянно. – Я сам часто не понимаю, что написал...

– Как это? – и внучка звонко рассмеялась, отчего вдруг на сердце у него стало светло и радостно.

Не ожидая ответа, она побежала в другую комнату и присоединилась к детворе, уже счастливо, бездумно позабыв свой разговор и шутку деда, рассмешившую её.

Он хотел взять книгу, но она на глазах у него растаяла, исчезла, он не мог вспомнить её, как она выглядела, но отлично помнил содержание, несмотря на то, что прошло много лет, а обложку, чтобы можно было представить, что держит её в руках – нет, забыл, потому что давно не видел этой книги.

И вот все стерлось, как на экране последний эпизод уходит в черное, все стерлось, как фрагмент сна, что забывается с пробуждением.

А он подумал: «И память ни к черту стала... Если б не карты... Хорошо, хоть игра немного поддерживает, тренирует память, а то давно бы все позабыл. Сначала надо вспомнить и написать прошлое, а потом придумать будущее... пока не поздно... Но будущее уже не то, что раньше... Хорошая фраза. А кто это сказал? Где я читал эти слова? А может, осенило? Так что оставим будущее в покое... И сделаем наоборот: сначала надо придумать прошлое?..»

Теперь все чаще вспоминались годы, прожитые в Москве, в общежитии Литературного института, и воспринимались эти годы как лучшие в его жизни. Хотя это было не так, не совсем так, потому что, вспоминая то далекое время, надо было для полной объективности вспомнить и чувство душевного дискомфорта, чувство неуютности среди чужих людей, которые так до конца и не стали близкими из-за его неуживчивого характера, из-за него, очень неохотно сближавшегося с новыми знакомыми, редко принимавшего новых людей в свою жизнь. И еще из-за того, что он нечасто тогда был самим собой, редко был настоящим, а чаще играл какие-то роли, вдруг становясь холодным, неприступным или же напротив – слишком слащаво-общительным, так что можно было подумать о его неуравновешенной психике. И если вспоминать те годы, то, к сожалению, вспоминалось также много неискренного, искусственного, много пижонства в его поступках и поведении; он словно вопреки своей воле был напичкан чем-то заимствованным, не своим, чужим, не характерным для него, и, тем не менее, все это сливалось, перемалывалось в его сознании, прилипало, и многие верили, что это он сам и есть, и недоумевали – что за человек? А ему казалось, что если его тут никто не знает, то их легко будет обмануть, придумывая себе разные легенды, тщательно продуманные и выстроенные в одном русле. Зачем?

Комнатка была на одного, вообще-то на двоих, но он, не вынося чужих рядом с собой, так устроился, что стал жить один в комнате и ревниво оберегал свое одиночество, свое пространство, свою пишущую машинку, купленную на первый более или менее крупный гонорар, свое старое огромное кресло, выпрошенное у коменданта и пахнувшее почему-то увядшими и растоптанными, выпустившими последние соки полевыми цветами, кресло перед письменным столом, на котором торжественно восседала машинка с вечно торчавшей из неё наполовину заполненной, исписанной страницей, чтобы был повод отказать, когда попросят – ведь пишущие машинки были далеко не у всех студентов, – отказать, ссылаясь на начатую работу: вот смотри – страница заправлена... А лени у него хватило бы на десятерых... Опыта можно сказать почти не было, а высасывать из пальца он не хотел, впрочем, вполне мог бы, потому что чего-чего, а фантазии имелось – хоть отбавляй, и он втайне, подсознательно жалел тех, кто не мог «высасывать из пальца», то бишь не обладал буйной и бурной фантазией. И он придумывал рассказы, опираясь на эту свою буйную фантазию, и они, первые его рассказы, потому и получались несколько абсурдными, сюрреалистическими, похожими на юношеские сны, что в среде студентов в то время было

модно, но далеко не поощрялось официальной пропагандой современной литературы в стране, обособившейся от всего остального мира. Да и на семинарах, где периодически следовало отчитываться проделанной работой, это чужеродное веяние не очень приветствовалось, даже несмотря на слишком лояльный характер руководителя семинара, человека мягкого, утонченного интеллигента, никогда никому из студентов не сказавшего прямо, что он выбрал не ту профессию, хотя были и такие студенты, чудом просочившиеся сквозь огромный конкурс в этот престижный вуз.

И, вспоминая давние эпизоды, разгребая прошедшие годы и десятилетия, под тяжелыми пластами которых остались те юношеские пять лет, он невольно и так счастливо вызвал вдруг запахи своей московской комнаты в студенческом общежитии, состоявшие из многих запахов: нахлынули и запахи кресла, в котором сидел он и выстукивал на машинке очередной опус для отчета на предстоящем творческом семинаре, и запахи прокуренных старых обоев, которые никакими силами, никаким сквозняком нельзя было выветрить, и весенние запахи распутившихся почек на деревьях внизу под окнами. И затрепетало сердце, когда эти запахи обрушились на него, подчеркивая собой и оживляя все картинки, что постепенно вставали перед глазами, и делая их еще более живыми, яркими...

Конечно, почти всегда, когда вспоминаешь далекое, прошедшее безвозвратно, невольно окрашиваешь его в розовые, голубые приятные тона, подправляешь, дополняешь, редактируешь в свою пользу – особенно, если ты человек с живым воображением, – стараешься в этих воспоминаниях выглядеть лучше, чем был, но все же стремишься максимально приблизить к правде, понимая, что только тогда написанное может взять за душу, заставить затрепетать сердце, а если возьмет за душу пишущего, то наверняка возьмет и читающего...

Дикий хохот, когда собирались вместе несколько ребят и девушек, рассказывая анекдоты, в чьей-нибудь комнате (только не в его комнате), хохот, от которого тряслись оконные стекла, и, чего греха таить – выпивали, и требовательный стук в стену рассерженного соседа, по ночам пишущего стихи вместо того, чтобы спать или хохотать вместе с ними, и сокурсница, не успевавшая отчитаться на семинаре, чей рассказ они сочинили тут же по пьяной лавочке, экспромтом, под смех и шуточки, и, как ни странно, грустный получился рассказ, но неплохой, за что она получила «отлично», а они, состряпавшие рассказ, за свои работы всего лишь «хорошо»; и преферанс до утра, до одури, и, забыв надеть носки, нахлобучив зимнюю шапку, он, опаздывая, бежал к остановке троллейбусов, чтобы успеть на первую лекцию по зарубежной литературе, в великолепном исполнении (именно исполнении, на которое приходили студенты из других вузов) молодого преподавателя-якута, и фильмы в кинозале общежития, нафталинные, которые разве что от нечего делать будешь смотреть, и шедевры Данелия и Курасавы в кинотеатре повторного фильма, недалеко от института, и еще, и еще...

Смотрел в окно своей комнаты, которое выходило во двор, тихий и зеленый двор, в котором тянуло посидеть, поразмышлять, погрустить без всякого повода о предстоящей жизни вне стен этого института. В окне дома напротив на уровне его этажа он отчетливо увидел парочку активно совокупающихся граждан, женщина стояла на коленях на кровати, будто молилась, чтобы все это побыстрее закончилось, самец же выглядел неукротимым. Эта картинка вернула его к пишущей машинке, он хмыкнул, хотя вполне мог бы этого не делать, и сел за стол.

Постучали в дверь. Как раз в один из тех редких моментов, когда он увлеченно работал. И сразу же после стука, не ожидая приглашения, дверь отворилась, кто-то вошел.

- Машинку не дам, – сказал он, не поднимая головы и продолжая выстукивать. Но так как странное молчание длилось, пришлось ему все-таки голову поднять.
- А-а... Ты... – произнес он, стараясь придать голосу равнодушный тон.

– А ты кого ждал? – спросила она, стараясь подладиться под его тон.
– Тут и ждать не приходится, – сказал он. – Каждый, кто хочет, заходит.
– Ну, так мне войти? – спросила она. – Я только от тети приехала.
– Ты уже вошла, – проговорил он и вновь уткнулся в страничку на машинке, – погоди минутку, я закончу...

– Что пишем?.. Если не секрет... – она знала, как его раздражают подобные вопросы, когда он работает, знала, что он не любит отвечать и злится, потому и спросила, чтобы позлить его: она считала, он это заслужил, пусть позлится, понервничает.

Тем не менее, он ответил, коротко, двумя словами, и этот ответ по-настоящему порадовал её.

– Кажется, пошло, – сказал он не совсем уверенно.

Она поняла и обрадовалась.

И на этот раз он неожиданно и для неё, и для самого себя изменил своей привычке и стал подробно отвечать, не глядя на неё и вытаскивая из утробы машинки уже дописанную страничку.

– У нас была дача, потом отец продал её, потому что никто не ездил, не хотел оставаться там, дача была приличная, но от моря далеко, две остановки на электричке... А летом, когда я входил во двор, толкнув деревянную маленькую дверь, меня всего обдавало такими головокружительными запахами от фруктовых деревьев, жаркий воздух был так густо напоен сладкими ароматами, что исходили от крупных перезрелых абрикосов, тяжело свесившихся с ветвей, от листьев инжира, от розовых кустов, что дух замирал; пчелы, жужжа, садились на шелковицу, плоды на которой давно уже расклевали воробьи, и я, сбросив разношенные сандалии у калитки, бо-сиком проходил через все эти запахи, ощущая ступнями горячую, беспощадно нагретую полуденным солнцем землю, утопанную тропинку под ногами, что вела к дому, а перед домом за столиком уже сидели мама и отец, проснувшиеся после дневного сна, искусанные комарами, и пили чай, и, увидев меня на тропинке, мама молча наливала из маленького пузатого в ярких узорах чайничка третий стакан для меня. Было воскресенье, мне было девять лет, а отцу в тот день не надо было ездить на работу в город, и это было необычно, чтобы отец целый день находился с нами, на даче, и память не знала, куда его девать... – он замолчал.

И она молчала. И их обоюдное молчание, и тишина, казалось, в эту минуту воб-рали в себя все запахи лета и всю картинку, что он только что описал.

– Хорошо, – тихо сказала она после небольшой паузы, будто сама побывала в этой картинке. – Зримо. Я увидела...

– Но я это не написал, – сказал он. – Просто рассказал. Ты спросила, я ответил.

– Но пошло? – спросила она с чуть слышимыми тревожными нотками в голосе.

– Да, – сказал он. – Кажется, пошло.

Она облегченно вздохнула.

– Посмотри, что у меня, – вдруг произнесла она подчеркнуто загадочным го-лосом, и только тогда он обратил внимание, что в мягкой просторной сумке её что-то копошится, и она, как фокусник из цилиндра вытаскивает традиционного зайца, извлекла из своей модной сумки котенка и тихо рассмеялась от удовольствия, что сумела удивить его.

– О-о... – тихо произнес он.

– Я знала, что тебе понравится, Азик, – торопливо, не дав его удивлению раз-виться в ненужном направлении, сказала она.

– А он чистый? – спросил Азик, почесывая волосатую грудь.

– Чище тебя, – сказала она. – И что это ты почесываешься?

– Мандавошки, – решил сострить он, сам понимая, что плоско, просто вырва-лось словцо.

– Что-что?

– Лобковые вши, – пояснил он.

– Так далеко от дома? – спросила она, озабоченно разглядывая его грудь под распахнутой рубашкой.

– Да, с юмором у тебя неплохо, – сказал он.

Он опять подошел к окну, за которым теперь освещенный из окна хлопьями падал снег, постоял молча, возвращаясь в уме к начатой работе, выстраивая очередную фразу в незавершенном диалоге.

– Если хочешь, я уйду, – сказала она. – Пойду к себе. Я не знала, что ты работаешь. Это так редко с тобой случается.

Он не отвечал, не оборачиваясь к ней, продолжая смотреть в окно.

«Что он там увидел?» – подумала она и тоже подошла к окну, к нему, держа кофточку у груди.

Тут дверь резко распахнулась, и в проеме показался взволнованный сокурсник Витя, обладавший совершенно непонятной способностью писать стихи в любых условиях, скажем, когда со стены в комнате грохочет радио, и в то же время пятеро играют в карты, споря и стараясь перекричать радио, а он, ничего не слыша и не замечая, подыскивает слова, чтобы выразить свое душевное состояние на текущий момент.

– Азик, иди скорей! – крикнул он необычно возбужденный. – Там твой Сеймур повесился.

– Мой? – не понял Азик.

– Ну, твой земляк. Не придуривайся... повесился.

– Да? И сколько весит? – цинично пошутил Азик.

– Не взвесился, а повесился, – пояснил Витя, возбуждение которого постепенно проходило.

– Опять дверь забыл запереть, – развивая свою цинично начатую шутку, проговорил Азик. – Сколько раз говорил ему: не вешайся при открытых дверях...

– Там уже «скорая» приехала, – сообщил Витя.

– Ну, пойдём, посмотрим? А, Соня? – он обернулся к Соне, будто приглашая её на какой-то интересный спектакль.

– Нет, спасибо, – ответила она. – Что мне там делать?

– Что делать? – повторил он, посмотрел на распахнутую дверь, с порога которой уже исчез сокурсник Витя. – Хотя бы посмотришь, как люди вешаются.

Надо было подняться на три этажа выше, ничего не поделаешь, человек покушался, так сказать... И что примечательно – не в первый раз.

– Если б я стал вешаться, – конфиденциально сообщил он Соне, приблизив губы к её уху, – мне бы так не повезло... Снимали бы холодный труп с петли.

Она ничего не ответила, отмахнулась, как от очередного черного юмора, от мрачной шутки, на которые он был горазд.

В комнате Сеймура уже хозяйничали врач и медсестра «скорой помощи». Азик поглядел на хозяина комнаты, который закрыл глаза и не хотел их открывать, даже отвечая на вопросы врача. Врач посмотрел на вошедшего Азика.

– Это ваш брат?

«Упаси бог», – подумал про себя Азик и покачал головой.

– Мы должны сообщить в милицию, – сказал врач. – Так положено, – и прибавил ворчливым тоном. – Вечно здесь какие то истории, неприятности, то из окна сиюгуют, то вешаются...

– А недавно, – с удовольствием прибавил Азик, добавляя черные тона к сказанному, – один псих ночью ходил по этажам и включал газ на кухнях, пускал газы, так сказать... Живем, как на вулкане.

На шее у свежеповешенного остались багровые следы от бельевой веревки. Медсестра обрабатывала эти следы каким-то раствором.

– Какой он некрасивый, – тихо ему на ухо прошептала Соня.

– Похож на свои стихи, – ответил он. – А ты не могла этого котенка оставить у тети? Здесь он странно смотрится. И вообще – в доме повешенного не говорят о бельевой веревке.

Она привыкла к его чудачествам и несуразностям, потому ничего не ответила, поглаживая котенка. Тем более, что никакой связи не могла усмотреть между таким трагическим происшествием, как покушение на самоубийство, и его последней фразой.

– Он, наверное, влюбился, – поделилась она шепотом своим предположением с ним. – И был отвергнут. Конечно, мало кто согласится... Он такой урод...

– Потрясающий аналитический анализ, – прошептал он в ответ. – Ладно, идем отсюда, пока ему не пришла охота повторить неудавшийся опыт.

– Ты такой циник, – сказала она таким тоном, что было совершенно непонятно, поощряет или возмущается.

Они молча спустились на три этажа и вошли в его комнату. Когда он увидел свою пишущую машинку, какое-то теплое чувство охватило его душу, сердце облилось горячей волной, и все, что он носил в себе, в своей голове, что просилось на бумагу, всколыхнулось разом, и он с раздражением, которое ему удалось скрыть от неё, подумал, что она зря приехала именно сегодня, когда ему так хорошо работалось, и теперь он не знал, как избавиться от неё, чтобы не обиделась. Но они уже давно знали друг друга, и ей было нетрудно отгадать его настроение, стоило только внимательно посмотреть ему в лицо. Она посмотрела внимательно и произнесла:

– Мне, между прочим, надо к себе, стирка предстоит, тебе нужно?...

– Нет. Моё в прачечной, – стараясь как можно равнодушнее, произнес он. – Ну, если надо, иди...

Уходя, она обернулась в дверях, и сказала:

– Я вчера прочитала в журнале рассказ Шукшина...

– Да?

– Да. О сельских жителях. Там концовка мне очень понравилась. Закончился день, они ложатся спать, его персонажи, и думают: «А вдруг завтра что-нибудь хорошее возьмет и случится». Вот. Совпало. Я каждый раз так думаю. Вдруг завтра что-нибудь хорошее возьмет и случится.

Он хотел сосречь, чтобы разбавить явно слышимую горечь в её голосе, еще даже не зная, что скажет, но она уже вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

– Конец первой главы, – сказал он ей вслед с опозданием, не отрывая взгляда от двери и любуясь собой со стороны. – Да, – повторил он, садясь к столу. – Конец первой главы... И сколько же таких глав еще предстоит прожить?.. – проговорил он, сам не понимая, для чего надо было озвучивать такие мысли.

Она ушла, а фраза осталась звенеть в его ушах: «А вдруг что-то хорошее возьмет и случится...».

...Вот так, попадая из одного тупика в другой, продираясь сквозь лабиринты юности, окрашенные бессовестно-яркими красками неуместной фантазии, он старался вспомнить молодость и тех, кто был рядом...

Под утро в постели он почувствовал непривычный, какой-то уличный холод. Он плотнее закутался в одеяло, но пора было вставать. В комнате было не теплее, наверное, чем на улице, и батареи отопления были отталкивающе ледяными. Позже узнали, что произошла авария, прорвало трубы отопления, и весь дом общежития сделался пугающе нежилым, все – и мужской, и женский пол, и трансвеститы и нетрадиционно сексуально ориентированные, стыдливо и неумело скрывающие свои намерения и мечты (время сексуальных откровений было еще впереди), – покинули в одночасье эти неприятные стены. Но к вечеру авария была устранена, отопление восстановлено, и все, кто имел возможность и предполагал провести эту ночь у любовницы или любовника в нормальных условиях, вернулись в родные пенаты. А род-

ные пенаты трещали по швам от похмельного синдрома.

– Ничего не поделаешь, – сказал один из старшекурсников, разводя безнадежно руками, будто хотел обнять Азика, но в то же время осторожно отступая на шаг, чтобы никто не подумал, что хотел обнять. – Спасались от мороза.

Он не ответил и вызвал лифт, чтобы зайти в биллиардную в подвале под домом. Тут уже была очередь, несмотря на затрапезный вид биллиардного стола и отсутствие единственного кия, играли ножкой от стула, передавая её друг другу.

– Здорово! – сказал он с плохо скрываемой иронией. – Дожили... На что играете?

Абхазец с последнего курса, сделав неудачный удар по побитому шару, уже давно потерявшему свою девственную, радующую глаз идеальную гладкость, ответил мрачно:

– Кто проиграет, тому эту ножку стула засунем...

– Оригинально, – оценил он ответ, попахивавший привычным для него черным юмором, и, не дожидаясь своей очереди, вышел из биллиардной.

А возле лифта совершенно неожиданно увидел её, студентку из Кении, красавицу-негритянку с огромными голубыми глазами, с которой наспех познакомился только два дня назад, однако не забыл сообщить самые важные сведения о себе, в том числе и то, где живет.

– Вот я и пришел, – проговорила она с необычным акцентом, широко улыбаясь и чуть-чуть уродуя слова, пока он, остолбенев от неожиданности, разглядывал её и не верил своим глазам. – Вот я и подумал, вдруг ты захочешь увидеть со мной, вот, и не знаешь, откуда ты живешь... Вот... – закончила она и перевела дух.

Две бабки-вахтерши у дверей общежития во все глаза рассматривали африканку и со жгучим любопытством ждали, чем эта встреча закончится. Наконец, он пришел в себя.

– Извини, забыл, как тебя зовут... – тихо произнес он.

– А я тебя не говорил, – она улыбнулась, ослепив его рядом великолепных жемчужных зубов. – Я – Сэра. А тебе я знаю: Азик. Ты тогда много говорил. Очень пьяный. Я тебе понравился?

– Да, – сказал он, неловко оглядываясь. – Очень... понравился.

Возле лифта уже скапливался народ, в том числе и неудовлетворенные игрой бильярдисты, все с любопытством разглядывали необычную гостью.

– Давай поднимемся, – предложил он.

Когда они вошли в лифт, никто с ними, вроде бы из уважения к ней, не стал подниматься, но когда лифт тронулся и пополз наверх, вслед им понеслись восторженные крики и даже аплодисменты.

– Ооооо! Ууууу!

И одиночный шуточный крик завистливой души:

– Не давай ему, красавица!

Она звонко рассмеялась в лифте, он улыбнулся, но не знал, куда девать глаза.

– Дураки бесятся, – сказал он, как бы оправдываясь и извиняясь за разнужданную «публику».

– А что мы будем там делать? – спросила она.

– То, что сейчас крикнули, – нашелся он, несмотря на свою еще продолжавшуюся растерянность.

Она вновь рассмеялась искренне, показывая свой покладистый, чудесный характер. Это ему понравилось.

– Я хотел пригласить тебе в ресторан, – сказала она. – Ты ведь голодный? Студент голодный, всегда хочет кушать.

– Вот здорово! Ты приглашаешь меня в ресторан?

– Да, – сказала она, кивком подтверждая свое намерение, и произнесла до того

наивно, что он поначалу подумал, что она так шутит. – Я богатая.

– Богатая? А-а... Деньги из дома прислали?

– Не сейчас богатая, – постаралась пояснить она. – Всегда богатая. Какой хороший ресторан ты знаешь?

Они вышли из лифта, он подвел её к своей комнате, отпер дверь, и она вошла, но вошла так, будто давно жила здесь, уезжала и вот вернулась через какое-то время. Прошла и уселась в кресле, и стала, шевеля губами, шепотом читать страницу, что торчала из пишущей машинки.

– Ты что писал?

– Э-э... Ну, мы потом поговорим... Ты правда хочешь в ресторан, или здесь посидим, чаю попьём? Чай у меня есть...

– Я очень голодный, – сказала она, легонько похлопав себя по животу. – Одевайся. Если хочешь, потом придем сюда. А где твой товарищ-студент?

– Я один живу, – сказал он.

Возникла неловкая пауза, которую, наверное, надо было заполнить, но он не находил нужных слов, лихорадочно искал, но не находил, она же была совершенно спокойна с виду, совершенно раскована, как будто они давно знали друг друга, и такое молчание было обычным делом и не должно было напрягать ни её, ни его.

– Ты хочешь меня поцеловаться? – вдруг спросила она.

– Конечно, – тут же ответил он, понимая, что малейшая задержка с ответом могла бы быть губительна для их дальнейших отношений. А дальнейших отношений он хотел.

Она не хотела передавать ему инициативу, тут же подошла, обняла его, обдав великолепным ароматом дорогих духов, и поцеловала долгим, дух захватывающим поцелуем. Он весь задрожал, затрясся, стал по привычке раздевать её, расстегивать кофту, но она тут же его остановила.

– Сейчас – нет, потом – да, – сказала она.

Когда они вышли из комнаты и шли по коридору к лифту, их сопровождал восторженный свист его приятелей-студентов, околавившихся в коридоре от нечего делать, и ему было приятно, а она реагировала весьма сдержанной улыбкой, шла, высоко подняв голову, и была похожа на королеву их племени и на королеву красоты Кении, и всей Африки, и всего мира.

У лифта их догнал Витя.

– Раз такое дело, – начал он маловразумительно. – Я возьму твою машинку.

– Чтоб ты сдох! – тихо произнес он, но покорно кинул ему ключ от комнаты.

Когда ехали в такси, она призналась ему:

– Ты мне очень, о-о-очень нравился... – и взяла его руку своими черными пальчиками с перламутровым маникюром. И стала рассказывать о себе, как её семья живет в Найроби, какой богатый её отец, что он содержит четырех жен и каждой из них построил шикарную виллу, и как она выучила язык и поступила в МГУ, и как...

Он уже не очень внимательно слушал её, у него мелькнула мысль, что ей безразлично, слушает он или нет, она как бы тренируется в знании языка, практикуется, потому что в самом начале, когда они вышли из общежития, она попросила, чтобы он поправлял её, если будет неправильно произносить слова, и он обещал, но неправильное произношение слов так мило у неё получалось, что он не торопился выполнять свое обещание.

– Я хотел бы оставаться здесь, не ходить в Найроби, – с загадочным видом сообщила она ему конфиденциально, когда они сидели в ресторане и двое юрких официантов увивались вокруг них, расставляя на столе заказанные блюда.

– Хорошо, – одобрил он её желание. – Только ты должна говорить о себе не «он», а «она», я хотела бы, хотела... Понятно?

– Да, я хотела...

– Вот и отлично, – сказал он, это было единственное в её разговорной речи, что он хотел поправить: неприятно, когда красивая девушка говорит о себе, как мужчина. – Хочешь водки?

– Нет, я не пью ничего плохого...

– В таком случае закажем тебе хорошую водку, – пошутил он, но шутка бесследно растворилась в воздухе непонятая и непринятая.

Он смотрел на неё долгим, изучающим взглядом, который её вовсе не смущал, она улыбалась, поглядывала на него и чувствовала себя в этом дорогом ресторане вполне комфортно. Пухлые, влажные губы, влажный взгляд, нежная светло-черная кожа лица словно притягивала, хотелось дотронуться до её щеки, погладить, ощутить.

– Если хочешь поцеловаться, здесь можно, – сказала она так, будто ресторан был её домом.

– У тебя голубые глаза, – сказал он.

– Моя мать была шведка, глаза у неё, – ответила она. – Она умер...

Когда на следующий день пришла Соня, она уже была в курсе последних событий. Что-то такое было в самом воздухе, в самой атмосфере этого общежития, что никакие новости не держались у населения, распространялись, как срочные телеграммы-молнии.

– Женишься на ней, – язвительно произнесла Соня, с такой интонацией, что нельзя было понять – спрашивает или утверждает. – Родителей обрадовал уже?

– Ты должна понять... Я люблю её... – неуверенность и беспомощность слышались в его интонациях, в том, как он старается не смотреть ей в глаза.

– Любишь? Черную?! – она мелко затряслась в беззвучном истерическом смехе. – Ты шутишь.

– Она не совсем черная, – словно оправдываясь, произнес он. – И вообще, не будь такой... расисткой, – сказал он, и тут же самому фраза показалась напыщенной, искусственной. – Людей надо делить не по цвету кожи, а... Кстати, у неё такая потрясающая кожа! Ну, просто шелк, шелк... и она не совсем черная, правда...

– Светло-черная, – пошутила она и вдруг сердито, со злобой в голосе спросила. – Уже было, было?!

– Как ты догадалась: светло-черная? Я о ней так и думал: светло-черная... – ответил он, проигнорировав её вопрос. – А по душевным качествам... – хотел продолжить он, но она тут же перебила.

– Что по душевным качествам? – спросила она.

– Делить. Людей делить по душевным... – он не успел договорить.

– Не могу поверить! – сердито перебила она. – И все? Не верю, не верю, как говорил Станиславский. Уж тебе бы он точно не поверил. Не верю, что ты влюбился в негритянку. И где вы занимаетесь совокуплением?

– Не будь такой вульгарной.

– О, Господи, кто бы говорил о вульгарности!..

– На меня подействовали её воспитание, её аристократичность, она не позволяет мне быть грубым и вульгарным, – сказал он, рисуясь, и ясно было, что он шутит и хочет подразнить ее.

В самом начале их знакомства, когда они остались наедине в квартире на «Большой полянке», которую она снимала, она вдруг – видно, не понравилось его неуверенное поведение, – спросила:

– Ты меня стесняешься?

– Нет, что ты, – ответил он, подтвердив свои слова делом: подошел к ней вплотную, поцеловал в губы долгим страстным поцелуем, потом, чтобы уверить её, что не стесняется, расстегнул ширинку, вытащил и показал, доказывая, что и тут наглости и нахальства не меньше, чем в Найроби.

– О-о! – произнесла она.

И все получилось, как она хотела, но к чему он не совсем был готов.

В дальнейшем, когда Азик узнал, что его голубоглазая подружка, несмотря на свою аристократичность и воспитание, переспала со многими студентами со своего курса и даже получила строгое предупреждение со стороны деканата, заботящегося о нравственном облике своих молодых граждан, для него эта информация была потрясением; хоть он и не был очень уж наивным в любовных делах, но стало крайне неприятно, потому что он уже привязывался к ней, и привязывался как закоренелый собственник, не желавший делить свое ни с кем другим.

– Что же мне делать? – оправдывалась Сэра, впрочем, довольно равнодушно, видимо, для неё пришла пора оставить и его тоже. – Это – потребность моего организма...

– Менять мужчин – потребность твоего организма?! – возмущенно спросил он. Она промолчала.

– Наверно, это не хорошо, – сказала она после паузы. – Ну, тогда мы расходим... расстаемся.

Они стояли на улице, на Тверском бульваре, шел мелкий мокрый снежок, и все было окрашено в цвета расставания...

– А я что говорила?! – злорадно, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться ему в лицо, сказала Соня, когда он пересказал ей этот короткий диалог.

– С этих пор ты будешь для меня полицией нравов, – произнес он шутливо. – Впрочем, как и раньше. Предупреждай, если что почувствуешь.

– Очень мне надо, – хмыкнула она пренебрежительно.

– А я, признаться, чуть не влюбился в неё, – с таким сожалением произнес он, что Соне стало даже немного жаль его.

– Ты очень наивен, – сказала она.

– Да нет, только время от времени, когда влюбляюсь.

– Ты очень влюбчив.

– Да, это, пожалуй, верно. Но ведь какое-то фантастическое ощущение, не в силах противиться.

Потом как-то раз он встретил её, точнее, видел издали, так что она его не заметила, возле центрального телеграфа в окружении молодых людей, она громко смеялась, и он прибавил шагу, стараясь побыстрее исчезнуть из её поля зрения.

– Интересно, какой ребенок получился бы у нас с тобой? – как-то спросила его Сэра, когда они опустошенные, расслабленные и удовлетворенные лежали рядышком на его не рассчитанной на двоих кровати. – Черный или белый?

Он замешкался с ответом, потом спросил в свою очередь:

– Где ты видишь белого?

– Ну, смуглый, – поправила она; с тех пор, как они познакомились, словарный запас у неё стремительно пополнялся.

– Смуглый? – машинально повторил он вслед за ней и задумался надолго, и можно было подумать, что он искал ответ.

Его серьезно встревожил её вопрос, к этому времени он уже убедился, что она была взбалмошная, очень импульсивная, без царя в голове и могла выкинуть все, что угодно. Он немного отодвинулся в постели от неё и очень серьезно проговорил:

– Не болтай ерунды!

Она, поглядев на его испуганное лицо, расхохоталась.

– Я пошутила, что ты!

Наступила напряженная пауза, тишина, которую она стремилась нарушить и лихорадочно искала, что бы такое сказать.

– А что означает твое имя?

– Мое имя? – повторил он вслед за ней, будто не совсем понимая. – А! Да, имя...

Дорогой.

– Азик значит – дорогой?

– Настоящее, полное имя – Азиз.

– А зачем надо менять одну букву на другую?

– Азик – это уменьшительное. Ласковое.

– А почему дурачок – это хорошо, а дурак – это плохо?

Он объяснил и спросил в свою очередь:

– А что означает твое имя?

– Сэра значит – независимая, – сказала она горделиво.

– Взбалмошная, – прибавил он.

– Что это? Я такое слово не знаю.

– Ты похожа на свое имя, – сказал он, не вдаваясь в объяснения.

– Да, – сказала она. – Это так.

Она была до того эффектна и смотрелась до того сексуально, что, когда они вдвоем шли по улице, на неё оглядывались даже женщины, ну, просто звезда Голливуда. И он в такие минуты не мог скрыть своего маленького, жалкого, попискивающего в душе тщеславия, вот, мол, смотрите, с какой я кралей... Но с первых же дней их знакомства и близости какое-то тонкое, размытое неопределенное чувство подсказывало ему, что их отношения недолговечны, что его любовь не совсем настоящая, подпитываемая тем же тщеславием, честолюбием и пижонством, и в итоге эта любовь не проживет долго, нет, нет, не жилец она на свете, его любовь. Но пока его чувство теплилось, порой разгораясь, порой тлея, и они лежали на его кровати, не рассчитанной на двоих, и от тщательно выбритых её подмышек пахло тонким и сладким дезодорантом, которого нельзя было найти в продаже, а от волос, обильных черных завитушек её волос пахло дорогими духами, которых тоже в то время не было в продаже, парфюм был французский, изысканный, и два запаха перемешиваясь, создавали невероятно чудесный коктейль с перевесом в сторону духов, и он гладил мелкие, закрученные, как пружинки, твердые волосы на её лобке и любовался, глядя, как она стонет, она была очень нервной и чувствительной.

– Мне кажется, – пошутил он однажды, – у тебя может быть оргазм от простого рукопожатия.

– Не так, – рассмеялась она, – не так совсем...

В дальнейшем, когда, благополучно закончив учебное заведение, Азиз или, как все привыкли его называть, Азик, приобретя некоторую популярность и выпустив книгу, разошедшуюся большим тиражом, благодаря времени больших тиражей в стране, повально населенной читателями, вдруг по прошествии многих лет (будто выплыв, выбравшись из темного, страшного, отнявшего лучшие его годы омута) встретил на просторах новоявленного в жизни страны интернета несколько назидательных фраз из своей книги, он очень удивился: какой же дотошный критик или читатель не поленился выудить эти поучающие слова, тогда как он и в мыслях не держал кого-то чему-то поучать, твердо зная неблагодарность и даже смехотворность подобных поучений; он просто писал, не претендуя на «бессмертные» фразы-долгожители, точно уяснив для себя, что главное в произведениях – живые герои, интересные персонажи, благодаря которым книги и читаются долго, или же, наоборот, благодаря их отсутствию – живых персонажей – к произведениям не возвращаются, как говорится: для одноразового пользования, вроде бумажных салфеток. А назидательность – напротив – укорачивает и без того короткий – в теперешнее время – век произведений, подальше, подальше от никому не нужной назидательности.

Возвращаясь к любовным историям молодого студента по прозвищу Азик... Знаю, нехорошо так говорить, но очень уж похоже на прозвище. Экзотическая любовница не продержалась долго, учитывая крутой кавказский характер нашего героя,

собственником был отъявленным: моё должно принадлежать только мне – так он привык, но живое «моё» не хотело принадлежать только ему, и вот разошлись к нескazanной радости Сони (которая не любила, когда её называли Соней, а не Софьей; и зачем в таком случае мы её так назвали?), бывшей при нем кем-то вроде секретарши, ведущей счет его любовницам.

– Ну, ты и хулиган! – говорила она, резюмируя его поступки, которые, мягко говоря, и были неадекватны и все больше отдаляли от него людей, что могли бы стать друзьями. – Ты должен повзрослеть, наконец, нельзя так...

– Как так?

– Ты порой очень наивен, и вдруг – совсем другой человек, хитрый, практичный, деловой...

– Кстати, о деле, – вспомнил он. – Мне в редакции дали задание.

– Той газеты, где вышел твой рассказ?

– Да, газета не очень популярна, орган МВД, но задание интересное, я думаю...

Произошло убийство, мотивы не совсем понятны, конечно, работает следователь и все, как следует, а мне надо написать небольшой материал, криминал, тема сама по себе интересная, может, потом и рассказ получится, а пока состряпаю материалчик... Вроде все не так уж сложно: убийца – молодая девица, попробую поговорить с ней...

– Смотри – не влюбись, – пошутила Соня.

На следующий день, утром, он поехал в Бутырскую тюрьму, где по договоренности и должна была состояться встреча с девушкой-убийцей. На него был выписан пропуск, его провели в комнату, где обычно следователь допрашивал подсудимых, и девушка-убийца уже ждала там. Он вошел. Она сидела как-то непонятно, отвернувшись, спиной к двери, в напряженной, неудобной позе. Он глянул на её затылок, и сердце упало, он прищурился и посмотрел внимательнее. Тут она повернулась к нему лицом.

– Софья! – он онемел от ужаса. – Что ты... – тут он заметил наручники на её руках. – Что ты тут де... Почему?

– А как ты думаешь? – спросила она в свою очередь.

– Ч-что я думаю? – машинально повторил он, все же надеясь, что это один из кошмарных снов, что периодически преследовали его.

Софья и Азиз учились на одном курсе. Она приехала из Кишинева, поступила в институт сразу по окончании школы в своем городе, и на данный момент, когда они учились на третьем курсе, Софье исполнилось двадцать лет. Он был ненамного старше. С самого начала их знакомства между ними сложились довольно странные отношения, и Софья, несмотря на то, что была младше, взяла над ним нечто похожее на шефство, опекала его, порой даже заботилась как мать, что его поначалу сильно нервировало, и не раз он хотел прервать такие, мягко говоря, непонятные, странные, временами очень напрягавшие его отношения, потому что, во-первых, это мешало ему заводить знакомства, случайные знакомства, очень случайные и очень краткие знакомства, которые, как известно, – опасны, но он их любил, такие знакомства, легко сходилась с девицами и так же легко расходился. Софья не входила в их отношения, не вмешивалась, только предупреждала, если очередная случайная связь казалась ей очень уж опасной. Он редко принимал её слова, опасения и тревоги всерьез, и это тоже отчасти походило на отношения сына и заботливой матери. Софья была достаточно привлекательной, чтобы не принимать её всерьез как девушку, но она ни разу не дала ему повода для сближения, так же, как и многим другим молодым людям, порой упорно домогавшимся её. Она была влюблена в Азиза, но это была, как бы сказать: любовь наизнанку, настоящая, конечно, но какая-то часть

любви, может, внутренняя часть, когда ничто внешнее в отношениях не имеет значения. Даже когда он напивался вдрызг и не отдавал себе отчета ни в словах, ни в действиях, когда наутро становилось жгуче стыдно, если мог хотя бы фрагментарно вспомнить о вчерашнем, даже тогда, когда, оставшись без очередной пассивности, он лез на неё, чуть ли не насилуя, ей удавалось ускользнуть из его объятий и, мало того, уложить его спать, заботливо раздев, чуть ли не убаюкав. Все, кто знал эту пару близко, удивлялись, не могли понять, разводили руками, много спорили и сходились в одном: дураки, она дура, он дурак. Недолго на этом сойтись посторонним людям, как же легко назвать человека дураком! Между тем Софья до сих пор оставалась девственницей, и непонятно было, чего же ей надо. Однажды так случилось, что они спали вместе. Из института в те годы посылали студентов в деревни, в тогдашние колхозы в помощь труженикам сельского хозяйства. Вот в ту весеннюю прекрасную пору, когда одуряюще пахло свежескошенным сеном, когда вечерние зарницы в поле звали и манили, не давая спать, а аккуратно собранные скирды в поле – напротив – манили зарыться в их пахучее чрево и спать, они, поддавшись соблазну, зарылись и, обнявшись, утомленные дневным непривычным физическим трудом, дышали друг другу в щеки.

... – С ненаглядной певуньей в стогу ночевал... – сонно, неумело пробубнил он строчку из популярной в те годы песни, вроде пытался спеть, безголосый.

– Спи, милый, спи, – ответила она, и столько нежности и любви было в её голосе, что он даже немного растерялся, погружаясь в сон, приняв её голос за голос матери.

И чувство, вечно скользящее по острию лезвия, к которому порой примешивалось желание её тела, колеблющееся и перемежавшееся с мальчишеской, сыновней нежностью, чувство, истомившее, измучившее его, обволакивало его, словно ловило в сети; иногда не в силах терпеть подобное издевательство – именно так он оценивал в пылу страсти её более чем странное поведение – он готов был растерзать её, изнасиловать, сделать ей больно, сделать её женщиной, чтобы всегда быть с ней, всегда, всю жизнь.

– Подороже свою целку продать хочешь?! – однажды пьяный, в невменяемом состоянии, взбешенный до предела, бросил он ей в лицо, когда её очередное сопротивление было принято им за элементарное девическое ломание и кокетничанье.

Её взгляд, один только её взгляд отрезвил и остановил его. И потом он долго не мог смотреть ей в глаза, хотя с её стороны отношения оставались столь же ровными, как всегда, будто ничего не случилось.

В Москве она подолгу порой оставалась у родной тети-москвички, сестры её матери, это была одинокая пожилая вдова, не совсем здоровая, подверженная тахикардии, и надо было иногда приглядывать за ней, помогать по хозяйству, делать покупки и ежедневно звонить из общежития и интересоваться её самочувствием; а в общежитии у Софьи была комната, которую она делила со своей сокурсницей. И каждый раз оставаясь у тети, она, вернувшись, дотошно справлялась у него в институте, как он проводил время, работал или бездельничал, не пил ли, потеряв чувство меры, хорошо ли себя вел. Она искренне радовалась, когда после долгой паузы он начинал писать.

– Кажется, пошло... – сообщал он в таких случаях.

И она облегченно вздыхала, дергала себя за мочку уха, переняв от него эту суеверную привычку и неверно применяя её, и была по-настоящему рада еще и потому что, кроме всего прочего, кроме того, что его бесило, когда он долго не мог писать, он часто отыгрывался на ней, несправедливо обвиняя её во всех грехах: что она мешает ему, что она не чуткая, что должна понимать, что ему, как творческому человеку (он говорил – личности), необходимо оставаться одному, что она мелькает перед ним и он теряет мысли... И тогда она, не стерпев, тоже огрызалась: не такой

уж покладистый был этот котенок.

– У тебя такие мысли, – возразила она однажды, – что терять их совсем не жалко.

– Вон отсюда, – сказал он в ответ спокойно.

– И пойду... Работай. Запереть тебя с той стороны? – издевалась она, уже убегающая, хихикающая, видя, как грозно он поднимается из-за стола. Швырял вслед ей что под руку попадало, но никогда не попадало в неё.

Она училась на отделении критики, и часто просматривала его новые рассказы, и порой высказывалась... по-разному, бывало – разумно, бывало – не совсем, но в любом случае можно было что-то почерпнуть из её высказываний, уже то хорошо, что свежим глазом просмотренная вещь, он это понимал и не очень возражал, когда, войдя к себе в комнату, видел, что она ковыряется в его бумагах.

Но к чему, к чему приведут их такие непонятные отношения? – задавался он иногда вопросом. – Замуж хочет? Но ни разу не заговаривала об этом. Чего же она хочет? – и он, не закончив свои размышления, махал рукой... И на этом все его размышления и заканчивались, ему было лень продумывать все до конца, да и что продумывать, что он – гадалка? Что будет – то и будет.

– За что ты меня любишь? – спросил однажды Азиз, опять же не совсем трезвый, потому что трезвым он никогда бы не задал такого вопроса, что-то в этих словах было ненастоящее, жалкое, пижонское, и ему, даже нетрезвому, пришлось пересилить себя, произнес их, чтобы получить ответ, который очень уж приспичило знать в тот момент.

– За то, что это – ты, – не раздумывая, ответила она на его вопрос, не имеющий ответа и имеющий сотни ответов.

Он внимательно посмотрел на неё: было неожиданно услышать от этой неопытной, еще только вступающей во взрослую жизнь девушки подобные слова, которые все расставляли по своим местам...

Странности не оставляли её, будто были частью её характера, который уже трудно изменить...

– Т-ты что? – все еще не приходя в себя, не веря глазам, с ужасом глядя на наручники на её запястьях, произнес Азиз. – Я же только вчера утром тебя видел. Что это все значит? – он подождал её ответа. – Почему ты молчишь?

– Потому что ты говоришь чушь! – ответила она резко. – Я уже восьмой день нахожусь здесь, в Бутырке.

– Во...Восьмой...

– И перестань, черт возьми, заикаться! – истерически закричала она. – Раздражает, в конце концов!

Он уже готов был ущипнуть себя, чтобы понять: реальность все это, на самом деле происходит сейчас то, что происходит, или снится кошмар, но не посмел – она зорко следила за каждым его жестом. Ему стало жутко. В какой-то миг показалось, что она, сидящая перед ним, становится неуловимо прозрачной, а тень её на стене – напротив – чернеет и ширится, заполняя собой всю стену, и если протянуть руку, можно проткнуть постепенно исчезающую фигуру Софьи насквозь.

– И думать не смей, – проговорила она теперь уже другим, незнакомым, хриплым, будто из-под земли голосом, следя за каждым его движением и, кажется, даже предвосхищая их. – Я знаю твои мысли, берегись!

Он молча смотрел на неё, на её лице медленно расплзалась улыбка, глаза хитро заблестели, и она была чужая, такая чужая, какой никогда не была.

– Думаешь, я не смогу уйти отсюда? Чушь собачья. Легко, когда захочу. Думаешь, эта дверь заперта?.. Что ты молчишь? Испугался? Испугался, что втяну тебя в историю? Обязательно втяну, будь уверен!.. Мало ты пил мою кровь?.. – она вдруг за-

молчала, будто загнулась, задумалась, морща лоб, рассеянно и беспомощно, как ребенок, оглядывая серые, плохо оштукатуренные стены помещения.

– А что такое чушь собачья? – спросила она с таким видом, будто только что произнесенное выражение давно мучило её, не давало покоя, посмотрела ему в глаза ненормальным, умоляющим взглядом. – Что такое, а?

У него сжалось сердце: она явно была не в себе, и можно было, конечно, не отвечать, но она ждала ответа, и ждала так, будто от того, что он сейчас скажет, зависят её судьба, её жизнь. И он стал припоминать.

– Это, знаешь, какая-то тавтология, – плохо соображая и уже понимая, что с ней что-то происходит, начал он невразумительно объяснять совершенно не нужное в эту минуту ей. – Плеоназм. Ты знаешь, что такое плеоназм? – машинально спросил он.

– Еще бы! – сказала она. – Разве я не студентка Литературного?

– Да, да, – поторопился подтвердить он. – Конечно.

– Ну, а чушь собачья? – уперлась она.

– Чушь – русское слово, означает – литьё, а собака – это арабское – языки же, ты знаешь, перемешаны, переплетены – это чушка. Получается: чушка чушка, выражение, усиленное повтором. – Он был крайне встревожен её поведением, её ничемными вопросами и объяснял вяло, беспокояно следя за ней и мало что понимая.

– И зачем ты мне это рассказываешь, лингвист ты наш начитанный! – неожиданно раздраженно, агрессивно повысила она голос, тут же вновь перейдя на истерический крик. – Какого хрена?! Убирайся отсюда! Пошел вон! Пришел посмеяться надо мной?! Чушь собачья! – И неожиданно она вдруг расхохоталась, вся трясась от хохота, пока хохот не перешел в сильный кашель, сотрясавший все её тело, все её тело, всё её тело, такое знакомое и непознанное, такое желанное и не завоёванное...

Он поспешил покинуть комнату, пошел торопливо к двери, когда она позвала его.

– Азик, меня переводят в психиатрическую больницу, – вдруг совсем другим голосом, жалобным, детским, жалующимся проговорила она ему в спину, он обернулся. – Это в Московской области... Больница номер пять... Там меня будут мучать... Больница далеко... Так что уже не увидимся... – и она заплакала, тихо, еле слышно, слезы текли по её щекам, она отворачивалась, словно не хотела, чтобы он видел её плачущую.

У него сжалось сердце, ком подкатил к горлу, он впервые видел, как она плачет, впервые видел её такой беспомощной, он готов был взять её на руки, крепко обнять и унести отсюда, где её могли обидеть, обижали, и она ничего не могла поделать, не могла защититься.

Он шагнул к ней, но тут она неожиданно рассмеялась, показала язык, дразня его, вытерла слезы, застрявшие у глаз, потеряв о плечо.

Ему сделалось страшно. Он, плохо соображая, вновь направился к двери, и тут она его окликнула:

– Посмотри, что у меня!

Он обернулся. Она, улыбаясь, показала ему наручники, непонятно как снятые с запястий...

Азик проснулся среди ночи в холодном поту. Что это был за сон? Почему в Бутырке, при чём тут Соня?.. Он сел в постели, провел рукой по мокрому лбу, стараясь отдышаться, и стал вспоминать свой сон в деталях, мелькнула мысль – записать, пока не забылось, так достоверно, словно наяву ему все это привиделось, но было лень вставать, включать лампу, заправлять лист в машинку... и он опять улегся и почти сразу же уснул изнуренный, усталый...

Была глубокая ночь, когда они вышли из ресторана, маленького рестораника

всего лишь на двадцать посадочных мест, где он рассказывал своему старому приятелю, которого давно не видел, свою жизнь, изливал душу, чувствуя, как становится на самом деле все легче и легче, рассказывал о студенческих годах в другой, казалось бы, совсем другой жизни, в другом мире, в другой стране, о необъяснимых, головомомных снах своих, о любви, многократно повторявшейся в молодости, рассказывал, будто исповедовался, как говорят со случайным попутчиком в поезде. Вышли они из ресторана вполне трезвыми, но под недовольным взглядом официанта, которого задержали, как минимум, на час, и он, бросив взгляд на нахмуренного официанта, старающегося, впрочем, придать лицу доброжелательное выражение, чтобы не обидеть и не потерять столь щедрых посетителей, вспомнил рассказ Хемингуэя про старика, пьющего коньяк и засиживавшегося в кафе каждую ночь к неудовольствию обслуживавших его официантов, которым давно пора было вернуться домой.

– Вызовем такси? – спросил приятель.

Он неопределенно пожал плечами.

– Может, пешком? – предложил он. – Погода чудесная.

– Можно и пешком, – согласился приятель. – Хорошо, когда в такую погоду никто тебя не ждет.

Он молча мельком взглянул на приятеля, от которого – как сам он рассказал – три дня назад ушла жена, и теперь они готовились разводиться.

– Что касается меня, – сказал Азик, – то меня никто и никогда и ни в какую погоду не ждал.

– Странно, – сказал приятель и замолчал почему-то.

– Что странно? – спросил он.

– Мы вроде бы немало выпили на двоих, – сказал тот, стараясь поменять тему, – а я не чувствую ничего, будто и не пил вовсе.

– Это ты меня затащил туда. Подозрительное кафе, – сказал он. – В таких жди сюрпризов. Вполне могли разбавить водку.

– Ну, ты скажешь...

Был поздний час, но толпы народа на центральных улицах города продолжали бесцельно фланировать, наслаждаясь свежим ночным воздухом, общением с близкими людьми, с которыми можно было не церемониться и не выбирать выражений, напрягаясь в разговоре.

– Не люблю наш город вечером... – признался он, – вечерний город не для меня... это не мой город, я его не знаю и боюсь. Раньше, много лет назад, я выходил по вечерам с друзьями погулять, пошуметь, похулиганить... Толпы людей на центральных улицах, они идут, будто врезаясь друг в друга, идут толпа на толпу, громкий говор, нервные смешки, хохот, обрывки фраз, порой – ругань... Сейчас, и уже давно мне становится неуютно, некомфортно в большом скоплении людей, в котором нет-нет да и найдутся знакомые, полужнакомые, с которыми придется здороваться, а может, и чего доброго – разговаривать, отвечать на их не отличающиеся разнообразием вопросы: «Где так долго?... «Почему так давно?..»

Люблю этот город ранним утром и лучше – зимой, когда только начинает светать и на улицах, кроме дворников и редких бомжей, которым негде ночевать, никого не встретишь, или летом, тоже неплохо, когда ранним утром уже светло, и на центральных улицах чисто, и можно увидеть только любителей пробежек в кроссовках, в спортивной форме или обычных брюках, бегут молчаливые, отрешенные, верно считают шаги, метры, километры или думают о чем-то своем обыденном, о детях, о работе... Да, я сегодня разговорился, – прервал он себя. – Ты уж извини. Не с кем было поговорить. А тебя вдруг встретил случайно – не поверишь, – сердце подпрыгнуло, хотя не сразу узнал... ведь столько лет прошло. И как же хорошо, что ты умеешь слушать! Это дар. Не всякому дано...

– Мне интересно... – ответил приятель, дождавшись паузы. – Все же ты писатель... Особенно про ваши отношения с Софьей... Что с ней потом стало?

– Она заболела. Психическое расстройство. Не вдруг, не сразу. Она всегда была склонна к этому. Это можно было видеть хотя бы по её поведению, по тому, как относилась ко мне... почти по-матерински, хотя была в то время даже младше меня... – Да-а... Такие дела... – произнес он, вновь скатываясь к своему излюбленному черному юмору. – Расстройство психики, что исключает всякую настройку... Думаю, её уже давно нет.

Пальцы касались букв на клавиатуре компьютера, бегали по буквам все быстрее, быстрее, и он боялся поднять взгляд и посмотреть на монитор, уже заранее зная и пугаясь того, что... Беспорядочное смешение букв, из которых не получается ничего: никаких слов, никаких фраз, абсолютная чушь, абракадабра. Но пальцы соскучились по клавиатуре, они бегали, неудержимо, неудержимо и бессмысленно, как сумасшедший бегаёт бесцельно в палате из угла в угол, и тоска, жгучая, пронзительная тоска по прошлому, когда, так же лихорадочно пробегая по буквам, они, те же самые пальцы, создавали из этих всегда готовых к услугам букв слова, а из слов рождались интересные фразы, предложения, и предложения, складываясь в абзацы, страницы, рождали волнующие, потрясающие сердца произведения... «Боже, помоги мне», – взмолился он, но даже теперь, когда ему была по-настоящему необходима помощь Всевышнего, он будто любовался собой со стороны, рисовался и упивался своей беспомощностью и надеждой, даже больше – уверенностью, что Бог и теперь не оставит его, как много раз раньше, когда он картинно молил Бога помочь ему в его работе, а именно: «Бог мой, помоги мне написать хорошую вещь», – просил он, прежде чем садиться за работу, за стол, где ждала его стопка белой бумаги, за пишущую машинку, теперь – за компьютер... И получалось. Но сейчас... Это временно, временно, пройдет, душа моя наполнится и возродится вновь, – успокаивал он себя испуганно, как мужчина, впервые во время любовных утех обнаруживший признаки полового бессилия – ведь и раньше бывало, потом восстанавливалось и шло, как обычно, как всегда...

... «Был час черных кошек, и люди, которые еще не успели добраться домой, с опаской переходили темные улицы: кто их знает, что они еще могут выкинуть эти повелители городской тьмы?.. Недавно они набросились на пьяного, впятером или шестером, на пьяного мужчину, распевавшего песенку в ночной тишине, они следили за ним, и когда он, все еще напевая маловразумительные слова песенки, лишенной мелодии, подошел к дереву на краю тротуара, чтобы помочиться, они набросились... Каким-то чудом пьяному, израненному, с исцарапанным лицом, удалось убежать, но случай с нападением, так как был уже не первым, и подобные случаи принимали хронический характер, попал в вечерние газеты в отдел хроники новостей»...

Тут взгляд его упал на свою руку, которая (вместе с другой) что-то активно и поспешно писала, пробегая по клавиатуре компьютера, и он не узнал эту руку: впрочем, он давно не разглядывал её, зачем ему, какая надобность? Но вид этой руки поразил его – какая она старческая, какая абсолютно не соответствовавшая всему его облику, его душе, которая ясно читается в глазах (тьфу, тьфу, не слезить!) «Отчего она такая, моя рука? – подумал он. – Она же не была такой лет... ну, скажем десять назад... И что она пишет в словаре с другой, немой своей соучастницей и в полнейшем отрыве от мозгов?» Потому что, в самом деле, он будто отключился и писал машинально, как бы сквозь дрему, сквозь неясную пелену, что-то почти мистическое происходило, писал, не осознавая и не понимая, к чему приведет в конечном итоге это писание под диктовку подсознания с убаюканным умом. Он решил остановиться

и прочитать написанное.

«Проба пера... Проба пера... Какого пера? Где они, эти перья? Проба компьютера, может быть?..»

И дальше:

«Я человек маленький, да, маленький не в физическом смысле, нет, в физическом все нормально, рост, руки, ноги, остальные части тела, все среднее, вполне приемлемое для среднестатистического члена общества, но надо мной довлеют маленькие, жалкие, съезжившиеся бытовые мысли, делая мою жизнь невыносимой, потому что я уделяю им слишком большое внимание, что угнетает, не дает жить полноценной жизнью... А когда же я могу жить полноценной жизнью? Наверно, когда работаю... Нет, не наверное, точно – когда работаю... Но мелкие житейские пакости вторгаются в мое сердце, в мой мозг, в мою кровь и все это портят: сердце, мозг и кровь. А творчество – это как сон. Но только на первой стадии. Когда в написанную тобой чушь еще не вторглось чувство логики, чувство меры, упорядочивая созданное одной лишь интуицией. Потому и много общего между снами и творчеством.

Но вот этот мимолетный, а потом долгий, изучающий, вспоминающий взгляд на руку, потом – на обе руки отвлек меня, потому что просто потряс меня, и я не узнавал своих рук, будто они были от другого человека. Что они здесь делают, эти руки, что это они написали, надо прочитать...

Не люблю вечерний город, я его не знаю и боюсь. Раньше, много лет назад, я выходил с приятелями погулять, пошуметь, похулиганить... Толпы людей на центральных улицах, они идут, будто врезаюсь друг в друга, идут толпа на толпу, словно процеживая одна другую, громкий говор, нервные, визгливые смешки, хохот, обрывки фраз, порой – ругань... Сейчас, и уже давно мне становится неуютно, некомфортно в большом скоплении людей, в котором нет-нет да и найдутся знакомые, полужанкомые, с которыми придется здороваться, а может, и чего доброго – разговаривать, отвечать на их не отличающиеся разнообразием вопросы: «Где так долго?... «Почему так давно?..»

Люблю этот город ранним утром, зимой, когда только начинает светать и на улицах, кроме дворников и редких бомжей, которым негде ночевать, никого не встретишь, или летом, когда ранним утром уже светло, и на центральных улицах чисто, и можно увидеть только любителей утренних пробежек в спортивной форме, в кроссовках или обычных брюках, бегут молчаливые, отрешенные, верно считают шаги, метры, километры или думают о чем-то своем обыденном, о детях, о работе...

Я не умею наслаждаться моментом. Проходит какое-то время, и тут я вспоминаю, как же здорово все это было, почему я не прочувствовал это удовольствие до конца, до самого доньшка, чтобыхватило дух: запах свежескошенной травы, вид человека с прилипшей к губе сигаретой и с застывшим стеклянным взглядом, работника, который эту траву косит, пронзительные крики попугаев, спрятавшихся в густой листве и стремительно перелетавших с дерева на дерево, будто спасаясь от пули невидимого охотника, знакомый прохожий, машущий рукой, приветствуя меня с добродушно-фальшивой улыбкой, мороженщик в прозрачном стеклянном киоске, украдкой ковыряющий в носу и разглядывающий свой палец, две молодые женщины, шагающие рядом и разговаривающие по телефону, словно разговаривают друг с другом, запах моря и ослепительные блики утреннего солнца на поверхности воды, режущие глаза, и еще многое, многое другое, мимо чего проходишь, не замечая, не фиксируя в памяти, но потом, когда всплывает и начинаешь перебирать картинки, то жалеешь, что только сейчас, только сейчас понял, мимо чего прошел, не обратив должного внимания, а ведь все это маленькие штришки к большой картине, что называется жизнь, и она, эта картина, многое проиграла бы, если б стереть эти штришки, замазать их толстым слоем краски забвения...».

Все это и многое другое из разговора с приятелем, точнее – из своего монолога

(намолчавшись за долгие годы, он говорил много, долго и, видя, как приятель с интересом его слушает, с удовольствием), он записал, придя домой, почти слово в слово, ожидая, что это даст толчок, заправку, и слово за слово, родится что-то новое, и работа пойдет, но... не пошло, и монолог его, как и многие другие зарисовки, так и остался монологом, ни во что не превращаясь – ни в рассказ, ни в повесть, ни во что... ни во что...

Теперь приходилось ждать, и он, понимая, насколько это бесполезно, все же обратился к своей старой игре, в которую играл издавна с самим собой, желая обмануть судьбу: думай о плохом, и так как судьба в большинстве случаев преподносила обратное, словно желая подшутить, поиздеваться над ним, то и он, ожидая хорошего, думал о плохом, о негативном конечном результате. Эта игра, кроме всего прочего, помогала и подготовиться к неожиданной неприятности, какой бы неожиданной она ни была, прокручивать в уме запасные варианты: если не получится так, то надо попробовать вот это, а если и это не пройдет, то вот еще один вариант, и так далее... Думай о плохом, но надейся на хорошее.

Хорошее что? К хорошему готовиться не надо, дай бог, чтобы случалось одно хорошее, ничего продумывать заранее не надо, от хорошего не умирают... Хотя случается, если слишком большая, внезапная радость, некоторые не выдерживают... Но это их дело. Мы не некоторые. И всякую радость примем с благодарностью. Но вот ждать, чего он терпеть не мог, как человек деятельный, любивший все делать своими руками, любивший во все вмешиваться, все контролировать лично, ждать, конечно, утомительно, когда ты бессилён что-то предпринять, поторопить события...

И вот опять: совсем другая жизнь, которая могла бы быть, картинки из которой преследуют его.

Первая за это утро подошла жена, мельком поглядела на экран компьютера, сердито, с нарастающей злостью в голосе проговорила:

– Делом бы занялся! Тьфу! Люди деньги зарабатывают...

И так как он не отвечал, теперь уже откровенно зло плюнула еще раз.

– Вот что за это заплатят! – презрительно в сердцах произнесла она, и он спяной почувствовал, что показала кукиш, но сдержался, не стал реагировать, и она, слава богу, ушла.

Он продолжал, не зная, что из этого получится, но надеясь, что все-таки появится, возникнет, покажет свои очаровательные, нежные лепестки, что невозможно осязать и понюхать, нечто несказанное, нечто невыразимое, что пока, еще раз – слава богу – получалось, получалось...

Потом пришли внуки, уже большие; не знал он обычное, что должны знать деды: сколько лет, в каком классе, в какой школе, пришли и стали смотреть, как он работает, но при них при всех у него язык не поворачивался называть то, что он делает работой.

– Дед, ты что делаешь? Ты бабулю расстраиваешь, – сказал старший, которому не известно сколько было лет. – Занялся бы делом...

– Бабулю? – не понял он и подумал: «Разве она жива?»

– Хочешь, с нами пойдем по бабам? – спросил средний внук, непонятно: шутя или серьезно. – Или пойдем на дело, ограбим магазин Фархада, а? Какие никакие – все же деньги...

Младшей, Арзушки, самой загадочной, самой милой, любимой, не было с ними.

Похихикали, ушли. Пришла дочь.

– Па, ты бы занялся этими бандитами, – сказала она, – совсем от рук отбились... А что это ты делаешь?..

Эти бандиты были внуки от дочери, и у них был – слава богу – отец, который мог бы заняться ими, урвав немного времени от своего бизнеса, которому посвящал большую часть своего дня, своего времени, своей жизни; а младший внук – умный,

проницательный, хитрый, умевший вовремя исчезать, если ситуация накалялась, становилась взрывоопасной, – был от сына. «Министром станет», – шутиливо говорил дед о нём. Внуков было немало, как он и мечтал, и мечтает до сих пор.

Вопрос дочери остался без ответа, и непонятно, как и когда она ушла. И обычное затемнение на экране, затемнение в его сознание, тяжелое, болезненное возвращение к реальности, не радующей реальности, далеко не радующей реальности...

Он продолжал свое пошлое, непонятное занятие, не понятное даже ему самому.

Итак, кошки... Черные, как ночь, озлобленные, как люди, затаившиеся, как больная совесть...

– Их сегодня не было, – сказал дворник, почему-то держа метлу как ружье, чуть не касавшуюся его пальто. – Могу поклясться – не было.

– Да мне и не надо, – стараясь как можно равнодушнее, сказал он.

Тогда ружье вновь превратилось в метлу и опустилось до уровня асфальта, на котором кучей валялись ноябрьские опавшие листья.

Ну, и что дальше?.. Нет, ничего из этого не выйдет, не тянется, не идет... Ну, Бог с ним...

Время у него на глазах, словно огромное колесо, похожее на колесо водяной мельницы из его дачного детства, поворачивало вспять, и теперь он, вспоминая, мечтал о прошлом, как нормальные люди мечтают о будущем.

– Ой, – сказала она. – Если б вы знали мою жизнь!... Это ж роман целый можно написать...

Они сидели в зале ожидания вокзала в городе Ростове, он не перебивал, и она, женщина лет шестидесяти, стала охотно рассказывать ему свою жизнь, рассказывала подробно, как вышла замуж еще совсем девчонкой, как у них лет десять с мужем не было детей, как они, наконец, взяли ребенка из детского дома, грудного месячного, оставленного не известно кем, какой мамашей, как потом из этого ребенка, девочки, с годами выросла хулиганка и шалава, отпетая бандитка, таскающая с собой нож-финку в сумке; как отчим, её муж, положил на них, отказался от падчерицы и развелся с ней и, разведясь, женился по второму разу и уехал с молодой женой; как эта приемная дочь, которой уже двадцать пять лет, наркоманка и ворюга, пьет её кровь, постоянно вымогая у неё деньги, которые она и так зарабатывает с большим трудом, работая уборщицей в супермаркете и порой для дополнительного заработка, присматривая за больными стариками на дому, и так она выматывается, так устает, с ног валится от усталости, а больные среди ночи просыпаются, кричат от боли, и она, не соображая, проклинает их за то, что не дают ей поспать, и разве так можно, разве это по-божески – проклинать больных, немощных людей; и вот эта, так называемая дочь шантажирует и угрожает ей и даже – бывало – избивает, если не находит у неё денег... и никто, никто не помогает ей. И много раз она была в двух шагах от самоубийства...

Женщина рассказывала увлеченно, обрушивая на незнакомого человека свои проблемы, надеясь, что если он выслушает, посочувствует, может быть, станет немного легче нести свою тяжелую судьбу, которая пришлась на её долю много лет назад, сломав её молодость и всю остальную жизнь...

Она перевела дух, мельком глянула на него и сказала:

– Извините, я все о себе да о себе... Замучила вас, наверное... А что у вас? Расскажите...

– Нормально, – сказал он, поднимая с пола свой тощий рюкзак. – Я только что вышел из тюрьмы. Отсидел тридцать три года.

– Вы шутите?! – ужаснулась она.

– Конечно, – улыбнулся он, закидывая рюкзак на плечо уходя, – конечно, шучу... Она с ужасом смотрела ему вслед.

Он проснулся и лежал без движения, уставившись в потолок, вспоминая свой сон. Сегодня исполнялся ровно год, как он вышел на волю после долгой отсидки в разных тюрьмах, последняя – строгого режима. И, выйдя на свободу, вернувшись домой, он не узнавал своего родного города, это уже был совсем не тот город, который он покинул много лет назад; но приходилось принаравливать ко всему, что изменилось, привыкать к новой жизни, искать в ней свое место. И он принаравливался. Побродил по любимой улице своего любимого города после длительной отлучки, побродил, стремясь воскресить чувство тоски и печали, с которыми жил долгие годы вдали от родины, когда эта улица снилась ему в ностальгических снах, но не мог, никак не мог, потому что и улица эта, как и весь город, изменились до неузнаваемости. Он чувствовал себя гостем, приезжим в своем городе.

Фантастические мысли и надежды в самом начале заключения, что в тюрьме у него может появиться возможность вновь вернуться к ремеслу, которым занимался в юности – к писательству, оказались в самом деле фантастическими, и годы пребывания в заключении он провел, ничем почти не отличаясь от остальных преступников и граждан, случайно попавших сюда, но с первого же дня показал свой крутой характер и заставил себя бояться и уважать; иногда получал заказы от тюремного начальства нарисовать плакат (умел, набил руку, получалось неплохо), лозунги, и красное полотнище, на котором он выводил черной краской витверженные слова о необходимости покидать место заключения с чистой совестью, прибывалось над входом в тюрьму. Так пролетели, прошли, проползли – когда как – годы отсидки, изменившие его жизнь. И вот он вышел. И вот он уже год, как на воле, и вернулся в свой город, который изменился до неузнаваемости. «Да, – думал он про себя с горькой иронией, – я попутешествовал изрядно».

Пролетали месяцы, проходили годы. За небольшой срок пребывания в городе его уже знали в лицо все проститутки, фланирующие по центральным улицам, околачивающиеся возле кафе и ресторанов, девицы с тату на толстых ляжках, голосистые, нахальные, размалеванные, красивые, аппетитные, сексуальные, а некоторые из них знали его гораздо ближе, не только в лицо. Это с его стороны был своеобразный рекорд, которого достиг он всего лишь за два года. Время летит, летит... Опытные публичные дамы поучали молодых и рассказывали о нем, как о легенде. Да, он и был легендой, отсидел в тюрьмах большой срок за то, что в то уродливое время зарабатывал огромные по тем временам деньги, то, что делают сегодня крупные бизнесмены, получая за свой талант бизнесмена ордена и медали; но в годы всевозможных ограничений свобод личности стать миллионером в советском обществе было невероятно и наказуемо, имелась статья в уголовном кодексе – хищение государственного имущества в особо крупных размерах. В тюрьме из-за своего строптивого, неуживчивого характера он плохо сходился с людьми, с сокамерниками, постоянно дрался и одного чуть не убил во время драки, случайно вышло, опрокинул ударом кулака, а тот, большой везунчик, ударился виском об угол нар и получил сотрясение мозга, но выжил. И Азису дважды продлевали срок, да еще попытка побега, что была непродуманным, глупейшим образом предпринята им в первый же год заключения, сейчас бы сказали: посмотрел боевиков, но тогда никаких боевиков не было, и арестантам периодически показывали советские машиностроительные и сенокосительные фильмы, приобщая их к культурной жизни законопаченной и закрытой со всех сторон социалистической родины, вполне спокойные, счастливые, кастрированные фильмы. Но несостоявшийся побег, точнее – попытку побега, все-таки ему зачли, и суд вломил по первое число, прибавил к имеющемуся еще срок не малый, чтобы знал, что из советских тюрем не бегают... Так или иначе, все плохое

когда-нибудь кончается, как и хорошее, и сроку отсидки тоже пришел конец, когда начальство в тюрьме свободно вздохнуло, избавляясь от такого неугомонного зэка. Во время отсидки в заключении он перечитал почти все книги из тюремных библиотек, но как он ни упрашивал тюремное начальство, как ни старался улестить оное крупными купюрами, которые у него не переводились благодаря изворотливости, связям на воле и деловым качествам, получить в камеру бумагу, пишущую машинку или хотя бы ручку и возможность поработать, ему не разрешили.

Азизу удалось однажды выйти на начальника тюрьмы.

– Вы же знаете, – сказал Азиз. – Я умею рисовать плакаты...

– Ну, – сказал начальник тюрьмы, огромный, как Кинг-Конг.

– Если хотите, организую самодеятельность, соберу певцов, артистов из зэков.

Это же будет на пользу, образцовая тюрьма...

– Ну, – сказал начальник тюрьмы.

– Буду стараться не за страх, а за совесть, – сказал Азиз, наблюдая за выражением лица начальника, и это выражение его не радовало.

– Что тебе надо? – спросил начальник тюрьмы, переводя разговор в деловое русло.

– Условия, чтобы писать, поработать. Если хотите, можете посадить меня в карцер, в одиночную камеру, это будет еще лучше, только выдайте мне бумагу и ручку... мне надо поработать, понимаете? Я хотел... хочу стать писателем. Вы же знаете, я такой институт закончил! Но необходимо поддерживать ремесло, поработать... понимаете? Потренироваться.

– Ну, вот еще! Писать он будет. Дай вам волю, вы такое понапишете, потом всю жизнь не отмоешься... Скажи спасибо, что книги разрешаем, вот и читайте. Сиди уж, как все, сиди, как люди сидят, не шебарши, не нарушай порядка. Ты у нас и так, как заноза в заднице. Дерешься, скандалишь. Все, можешь идти. Охрана, проводи его в камеру. При попытке к бегству – стреляй! Ха-ха-ха! – расхохотался начальник тюрьмы своей шутке.

Он, пользовавшийся большим уважением среди зэков за свою безрассудную, почти мальчишескую – несмотря на солидный уже возраст – смелость, мог получить статус вора в законе, и «кликуху» придумали зэки, что не раз были очевидцами его необузданной храбрости, не признающей никаких блатных законов и правил: «Бесстрашный»; он и в самом деле был бесстрашным, как мальчик, еще не познавший жизни, но от клички наотрез отказался и просил категорически не называть его так, мотивируя это тем, что «похоже на название военного катера», шутка понравилась, и от него отстали... Тем не менее, в многочисленных драках и поножовщинах Азиз был дважды ранен, раны были легкие, но обратиться в санчасть все же пришлось, и отсидеть десять суток в карцере тоже. Он не любил воровские законы, не следовал им в заключении, где было немало и порядочных «фраеров», не «блатных», тянувших срок, не любил «по фене ботать» и оставался независимым. Однако, прослышав о его подвигах в «крытке», о почти непререкаемом авторитете среди зэков, о его безумной храбрости и в то же время о справедливости, с которой он разрешал проблемы и стычки, часто возникавшие между заключенными, его хотели короновать, чтобы, будучи авторитетом, вором в законе, он мог бы по воровским законам поддерживать нужный порядок в тюрьме; и настойчиво выдвигал его кандидатуру старый вор в законе, отбывавший большой срок в тюрьме строгого режима, в Ростове-на-Дону, и изучивший дело Азиза. Короновать не вора – исключительный случай, можно сказать – небывалый случай в криминальном мире, но тут было принято во внимание, что Азиз «украл» почти два миллиона советских рублей, в то время когда присвоение десяти тысяч уже относилось к статье «хищение госимущества в особо крупных размерах» и каралось высшей мерой наказания, изредка облегчаемой сроком в пятнадцать лет. Правда, присвоение этих миллионов – фантастической суммы в те годы

– можно было расценить и как заработанные крупным бизнесменом-цеховщиком Азизом и в то же время как «украденные» у государства по нелепым советским законам. И в подходе к такому делу требовалось доброжелательное отношение криминальных авторитетов, имеющих право короновать, и оно, это доброжелательное отношение по отношению к Азизу, имелось, и коронавание могло бы считаться вполне допустимым по воровским законам. Но в данном конкретном случае ситуация затормозилась именно из-за «виновника торжества». Он решил отклонить предложение столь почтенной личности, проявившей инициативу, личности, известной во всем преступном мире от Узбекистана до Литвы по отчеству и одновременно кличке «Михалыч». И это приумножило уважение, которым он пользовался среди своих сокамерников, но в то же время не понравилось преступной верхушке страны. Затаили обиду.

– Только не смей называть его по имени, – тихо шептали опытные бандерши своим молодым протеже. – Он не любит. Известный человек... Было время – весь город его знал, он был король! Про него даже книжку написали, мой папа читал... Правда, ему в книжке имя изменили, чтобы не узнали... Вот он идет. Подойди к нему, улыбайся...

– А как его зовут? – спрашивала молодая, только начавшая выходить на промысел.

– Не твое дело. Азик. Но не называй... Забудь!

Представители воровской элиты расценили отказ Азика как оскорбление, как неуважение по отношению к ним, проведшим в тюрьме большую часть жизни и отсюда, из заключения дававшим распоряжения своим людям на воле. Но решено было выждать. Впрочем, подослали своего человечка на свидание с ним в тюрьме, чтобы прощупал, узнал, чего хочет.

– Мне не надо, – коротко ответил Азиз посыльному. – Я игрок, не вор. Не возражаю, если буду коронован, как карточный король, – сказал он, и нельзя было понять: шутит он или говорит серьезно.

– Карточный король? – удивился посыльный. – Ты думаешь, ты один здесь такой умный? Есть и почище тебя карточные короли.

– Не возражаю, – ответил Азиз. – А ты можешь идти. Разговор окончен. И передай тем, кто прислал тебя, моё уважение, но скажи, я привык жить по своим законам. Не блатным. Своим.

Он проходил по улице одетый с иголки, несмотря на жару, в элегантном, уже немного старомодном костюме, шел медленно, засунув руки в карманы брюк, не оглядываясь по сторонам, но все вокруг замечая. Уже прошло четыре года (время летит, не забыли? А в его годы еще более стремительно, чем раньше, когда о годах не думалось), как он вернулся, а все пока не мог привыкнуть к тому, что было вокруг него; но не вертелось, не кружилось вокруг него, как бывало раньше в дни его бурной молодости, а просто было, жило само по себе, не замечая его, словно он выпал из жизни. Да, мир изменился, теперь надо было измениться самому, приспособиться к этому изменившемуся, чуждому миру, надо было продолжать жить, пребывать в нем, в этом ненавистном... Нет, нет, стоп, – останавливал он себя. – Это неправильное отношение, надо полюбить его, этот изменившийся мир, только в этом выход... Тем более, что изменившийся, чуждый мир принес ему не только негативное, но и долгожданное: некоторые статьи уголовного кодекса были изменены, он попал под амнистию, и большой срок, что он отсидел, посчитали достаточным; еще и потому, что то «преступление», за которое в закрытой, обособленной стране он был осужден, теперь, когда страна распахнула объятия всему миру, стало настолько популярным (все устремились зарабатывать легкие деньги, большие деньги), что держать в

тюрьме человека за то, что делают теперь все деловые люди, бизнесмены, стало нелогично, утратилась статья, по которой он отсиживал срок. Но он продолжал думать об изменившемся мире и о своем городе с горькой тоской... Нет, стоп, – вновь остановил он себя, свои мрачные мысли, – нельзя так думать, если хочешь войти в этот незнакомый мир, а войти надо, другой жизни нет и нет другого мира для него, нет другого такого родного города. Конечно, пребывая в заключении, он, как и все эски, прекрасно знал, что творится на воле, какие перемены происходят в обществе, и как люди постепенно приравниваются к этим переменам, но, выйдя из заточения, он внезапно с испугом почувствовал, как обрушились на него эти незваные-негаданные новшества, к которым он все-таки не был готов. Легко было судить издали, не будучи в гуще происходящих событий, но когда вживую, вот так вот как с головой в ледяную воду... Он растерялся и стал лихорадочно искать свое место, свою пока пустую, ожидавшую его нишу в этом обществе и, кажется, нашел её в компании неразговорчивых солидных и в то же время азартных игроков, получавших удовольствие от умной, интересной игры, где требовались интеллект, сухой расчет и умение быть в нужный момент чуть ли не психологом. И эта компания была благодарна ему, что он есть, что он стал членом их команды, даже несмотря на его тюремное прошлое. Они не были щепетильны, не были чистюлями, и игра с ним была для них таким же интеллектуальным наслаждением, как для киномана просмотр интересной ленты. Он был талантливым и рациональным игроком и потому редко проигрывал, и постепенно карточная игра сделалась его профессией и на воле, как и в тюрьме.

Он бесцельно прогуливался по улице и вдруг услышал рядом неуверенный чуть дрожащий голос:

– Здравствуйте, молодой человек!

Он остановился, посмотрел на девушку и тут же наметанным глазом определил в ней профессионалку, совсем недавно начавшую свою деятельность.

– Ну, – сказал он. – За молодого человека спасибо, учитывая, что я даже не в отцы, а, наверное, в дедушки вам гожусь.

– Что вы! – растерялась она и, желая сказать ему приятное, сморозила глупость. – Не годитесь!

Он улыбнулся. Его улыбка придала ей смелости.

– Вы так молодо выглядите...

– Желаете что-то предложить? – спросил он.

Это «желаете» прозвучало несколько высокомерно, слишком аристократично для молоденькой, неопытной, не городской – на его наметанный взгляд – девчужки, приехавшей на заработки.

Надо сказать, что, несмотря на долгое пребывание в тюрьмах, зонах, в оставшем желать лучшего окружении, Азиз сумел сохранить в себе культуру и интеллигентность, всосанные, как говорится, с молоком матери (и в данном случае – правильно говорится), воспитание, чтение с младых ногтей, интеллигентные родители (не знаменитые в городе интеллигенты, а просто интеллигенты по духу, врожденные) – все это невозможно уничтожить никакими тюрьмами; и ему претило и шокировало его, когда при нем беспричинно, грязно ругались, и не раз бывало он ставил на место матерящегося, что немало удивляло эзков, привыкших к родной своеобразной лексике. Его нежелание материться при всяком удобном и неудобном случае поначалу окружающим контингентом было воспринято так, словно в их компанию затесался «фраерок», и, соответственно, отношение к нему на короткий, очень короткий срок стало соответственным; но более существенные и весомые с его стороны доказательства обратного (несколько разбитых физиономий) быстро все расставили по своим местам в «учреждении закрытого типа».

Что касается обращения с дамами, с женщинами, с блядами и проститутками,

оно было на высоком уровне. «С проститутками надо обращаться, как с королевами, только так можно доказать королеве, что она проститутка». Еще одна цитата из его первой давней книги, цитаты из которой теперь бродят по интернету.

«Да, я такой!» – гордо, но шутливо подумал он про себя.

«Кровь, кровь, великое дело – кровь!» – вспомнил он слова Булгаковского Воланда, настойчиво, даже навязчиво предлагавшего Маргарите потребовать у него подарок для себя.

И полюбовался собой со стороны, пижон... Каким он и оставался пижоном с юных лет до пожилых, теперешних.

В первую минуту он хотел сразу спросить «Сколько?», но тут же отбросил это грубое и опять же пижонское обращение, потому что, во-первых, не имело значения – сколько, он мог оплатить десяток таких бедных шлюшек, деньги никогда не были для него проблемой, ни в тюрьме, ни сейчас, на воле; вчера он взял неплохой куш в покер во вполне приличной, уже можно сказать – своей – компании успешных бизнесменов, нуворишей, для которых карточная игра была просто игрой, развлечением в отличие от него, для которого игра была средством заработка, так как никакого другого средства не предвиделось; и, во-вторых, – был не в настроении, решил немного развлечься и тут же от нечего делать предложил мелькнувшую, озорную мысль.

– Вы завтракали? Хотите есть? Пойдемте, тут рядом неплохой рестораник...

Она растерялась, никак не предвидя такого оборота, осталась с открытым ртом.

Когда они сели за столик на открытой веранде ресторана и официант заюлил вокруг щедрого завсегдатая, расположение которого здесь старались заслужить все от хозяина до простой уборщицы, Азик на этот раз более внимательно рассмотрел свою спутницу: ей было не больше семнадцати, а может, и меньше, но хозяйка бандерша выдавала её за совершеннолетнюю, чтобы не было проблем, она явно недавно приехала в город из своей деревни, где не могла найти себе места в многочисленной семье и работу, не имея образования, профессии, и единственное, чем она обладала на тот момент, когда выбралась в город, начиная самостоятельную жизнь, – это умение (не совсем умелое) зарабатывать своим телом. Он моментально и привычно сочинил её судьбу, небольшой сюжет, придумал её характер, вполне подходящий под внешность. И это тоже была игра, которую он затевал время от времени с незнакомыми людьми. Конечно, в его глазах она была несчастной девушкой, но кто знает, как она тут развернется, может, оседлает везение благодаря невинному и наивному выражению на своем смазливом личике, а может – напротив: опустится на самое дно, и года через три-четыре спрос на неё резко упадет так же, как и цена. А теперь... теперь за столиком ресторана она с доверчивым любопытством поглядывала на него. И каждый раз, наткнувшись на ответный взгляд Азика, тут же опускала глаза, будто провинилась в чем-то. Она была хрупкая, красивая, большеглазая с яркими черными зрачками, характерными для южан; немного портили крупные руки – что ж, дитя полей и пашен, – она знала это и старалась не очень привлекать внимание на свои загорелые кисти рук с грубыми фалангами пальцев. Он, бросив на нее взгляд, понял, что не стоит спрашивать её, что она будет есть, и сделал заказ сам. А когда официант, показав ему бутылку дорогого итальянского вина, стал наливать в её бокал, она робко и в то же время настойчиво запротестовала.

– Я не пью. Извините, – сказала она, обращаясь к нему, не сводящему с неё изучающего взгляда. – От спиртного мне делается нехорошо.

– Ладно, не пей, – сказал он. – Просто подними бокал, и я выпью за тебя.

За эти – уже четыре года (время идет, бежит, а в его возрасте – летит, впрочем, как уже было сказано, но почаще вспоминайте об этом, если вам перевалило за семьдесят), что провел он на свободе, Азик ни с кем не сошелся, если не считать старого приятеля, которого случайно встретил и провел с ним несколько часов заду-

шевной беседы; не было у него ни одного близкого человека, родители давно умерли, не пережив его длительного заключения и тех удручающе тяжелых приключений сына в тюрьме, о которых доходили до них сведения; старых друзей не осталось, многие уехали, покинули город и теперь лелеяли и холили в себе чувство ностальгии, находясь вдали от родины, хотя можно было приезжать, когда вздумается, когда это чувство ностальгии взбухнет, как перезревшая грыжа. Да и были ли друзья? Немногочисленные родственники давно отвернулись от него, как от рецидивиста, который может только создать им проблемы. Женщин, ожидавших его, не осталось, да и кто бы столько ждал? И зачем ему его ровесницы? И, как он ни ершился, красясь перед самим собой, желая внушить себе, что ни в ком не нуждается, все-таки подобная нужда была, ощущалась, порывами грусти налетая на душу его, и тогда он внезапно делался задумчивым, рассеянным, и если подобное настроение охватывало его за карточным столом, то он, бросив карты на стол, не прощаясь, покидал удивленных напарников, которым наиграл козырей. И разве что вот эта компания богатых современных нуворишей, любивших для забавы проигрывать деньги, – это и есть на сегодняшний день круг его общения.

Теперь, когда он глядел на эту девушку, он вдруг внезапно почувствовал, как хочется ему человеческого общения, которого был лишен в заключении долгие годы, от которого фактически отвык и по которому, как бы ни показывал твердость духа, так безумно соскучился. Захотелось поговорить с ней, послушать её, пусть бы рассказала о своей жизни, а он бы тогда поделился с ней рассказами о своей, так нелепо протекавшей до шестидесяти восьми лет. А что ей можно было рассказать, и чем можно было поделиться, что бы могла понять эта неразвитая, необразованная пигалица? Но разве в этом дело, если иной раз его тянет поговорить со стенкой в своей квартире, с раскидистой чинарой в саду под окнами, со своим пальто, висящим на вешалке?..

И он вдруг вспомнил свой первый день в зоне. Он был молод, но уже кое-что повидал в жизни, на воле научился, несмотря на свою молодость, прилично зарабатывать деньги, но не научился их тратить, только швырять, как легкий заработок, слишком много зарабатывал; и та страна, и то общество, в котором он в те годы проживал, расценили его заработки, его талант бизнесмена (в те годы даже не было в обиходе такого слова – бизнесмен, от него попахивало загнивающим Западом) как преступление, за что он и угодил в тюрьму на долгий срок. В камере было около сорока человек, кажется, тридцать семь или тридцать восемь, и его приход не вызвал особой радости ни у кого; были пожилые спокойные, замкнутые люди, они занимались своим делом, были задиристые, шестерки на услужении у воров-авторитетов, рецидивистов, разный собрался народ в этой камере, и с ним затеяли драку... Как только охрана впустила его в камеру, заперев за ним дверь, в лицо ему полетела какая-то тряпка, то ли полотенце, то ли грязный кусок материи. Он знал, что по тюремным законам, чтобы не выглядеть новичком, фраером, он должен был вытереть ноги об эту тряпку, чтобы показать, что знаком с законами эзков; он не стал этого делать, как всегда бывало на воле в подобных ситуациях, бунтарский дух взорвался в нем и заставил идти наперекор всему, наперекор их идиотским законам, наперекор всем правилам, к которым все здесь привыкли, ему по молодости и неопытности захотелось показать, что он презирует их законы. Но здесь была не воля, здесь была тюрьма, и её законам подчинялись все. Он отшвырнул ногой тряпку, да так удачно, что попал в лицо бросившему молодому парню, и хотел уже пройти к свободным нарам, но парень вскочил, подлетел к нему и вместе с ним встали еще двое бугаев. Завязалась драка. Азик драться умел, он прошел школу уличных драк и никогда не упускал случая подраться, если можно было решить проблему кулаками, а не разговорами, толковищем. Но те трое тоже были опытные бойцы, однако дрались они только лишь с целью поддержать тюремный этикет, потому были по сравнению с

Азиком довольно вялы и равнодушны. Он же выливал на них всю накопившуюся злость, что собиралась в груди за долгие месяцы судебного процесса, считая, несмотря на советские законы, подтверждающие справедливость этого процесса, что осудили его неправильно, несправедливо, нечестно, незаконно... И когда в камере завязалась драка, и он пошел один на троих, злость взорвалась, вливаясь в кулаки и ноги. И он дрался озверело, вкладывая в свои точные и болезненные удары всю ненависть против судей, осудивших его, против размазни-адвоката, против следователей, против полиции, которая в те годы называлась милицией, но от этого лучше не была, и, конечно, против этих реальных драчунов, удачные удары которых он болезненно ощущал на своем теле и лице, что, естественно, не убавляло в нем злости... И драка была жестокой и могла бы кончиться трагически, если б не вмешались старички, пожилые уважаемые люди и не развели бы дерущихся. Трое мужчин получили сполна, одному Азик разбил челюсть, другой прижимал к груди сломанное запястье, у третьего, того, кто швырнул тряпку ему в лицо, вся физиономия была в крови, разбит нос и сильно подбит глаз. Но и он, Азиз, не вышел целеньким из потасовки: зуб был сломан, изо рта сочилась струйка крови и десять дней карцера... Именно так он с самого начала влился в число заключенных в камере, где отбывали сроки и правые, и виноватые.

Но зачем эта давняя-стародавняя картинка сейчас всплыла и стала перед глазами? Зачем она нужна сейчас, когда он собирался поговорить с этой девчушкой, пугливо поглядывающей на него? Неужели он хотел ей рассказать об этом? Кому интересна его жизнь в заключении, однозначно – не ей... Он еще раз внимательно пригляделся к девушке, и... чем-то неуловимым – случайным поворотом головы, виноватой полуулыбкой, взглядом, изо всех сил старавшимся не быть скромно опущенным, а по мере возможности – нахальным, вызывающим, чтобы дать ему понять, что она профессионалка, и пошла с ним не для того, чтобы поесть, хоть и голодна была – чем-то она напоминала ему Софью, Соню, оставшуюся в далеком московском студенческом прошлом... Интересно, жива она? Если да, то ей должно быть далеко за шестьдесят...

Он вздрогнул еле заметно, над ним склонился официант.

Здесь была итальянская кухня, замысловатые блюда с креветками, анчоусы, но он, чтобы не смущать её, поставив лицом к лицу с вряд ли известным ей блюдом, заказал просто два стейка с картошкой, попросив хорошо прожарить.

– О! Мясо... – тихо, непроизвольно воскликнула она, стараясь подавить восхищение в голосе, когда официант поставил перед ней деревянную менажницу с хорошо прожаренным аппетитным, ароматным стейком, и покраснела, закрыла лицо ладонями, сознавая свою оплошность.

Мимо них по площади проходили прохожие, сверху спланировала ворона, села в двух шагах на прохожую часть улицы и сердито посмотрела на них.

Она взяла нож в левую руку, а вилку в правую и неловко, немного торопясь, стала разрезать мясо.

– Давай я, – сказал он, очень естественным жестом забрал у неё менажницу, нарезал стейк на мелкие кусочки и вернул ей блюдо. Она благодарно посмотрела на него и тут же отвела засмущавшийся взгляд на покрасневшем лице. Совсем девчонка, – подумал он, – еще не вымуштрована.

– Обычно так не делается, – стал объяснять он, показывая глазами на её стейк. – Отрезать надо постепенно, по мере того, как ешь, но я заранее нарезал, чтобы тебе было удобно.

Она кивнула и стала торопливо есть.

– Ты, кажется, совсем недавно стала выходить? – спросил он, закуривая сигарету и подождав, когда она прожует.

Она кивнула с набитым ртом, не отвечая. И он не стал говорить с ней, пока она

не поела, а кончив есть, она, икая, стала подбирать с тарелки соус горбушкой хлеба.

Он протянул ей стакан воды.

– Попей маленькими глотками, – посоветовал он.

Некоторое время он наблюдал, как она пьет, думая, сколько же у него было вот таких босоножек за эти месяцы и годы на воле, да и в заключении можно было неплохо устроиться, были бы деньги, а деньги у него водились, он умел их зарабатывать, как зарабатывал в молодости на свободе; и деньги тут решали все, и он мог запросто, когда заблагорассудится, посылать тюремную охрану за выпивкой, порой даже приносили ему по его просьбе наркотики, кокаин, когда особо подступали к сердцу мрачное настроение, апатия, депрессия и хотелось забыться, или же... покончить разом.

– А куда мы пойдём? – вторгаясь в его мысли, воспоминания, спросила она.

И это так по-детски прозвучало, будто дочь спрашивала у отца, где они проведут воскресный день. Он улыбнулся, глядя на неё и увидев его открытую добродушную улыбку, и она несмело улыбнулась в ответ. Теперь, глядя на неё, точнее – внимательно изучая её (и под его изучающим, пристальным взглядом она все больше сникала, думая, что сделала что-то не так), он не мог – скорее не хотел – поверить, что она профессионалка, что она зарабатывает себе на жизнь, продавая свое тело.

– Давно ты стала выходить? – повторил он свой вопрос более конкретно.

– Нет, – потупив голову, ответила она. – Я приехала к тете, она занимается... такими делами, я живу у неё уже неделю, и она сказала, раз живешь у меня... – она запнулась, не зная, как продолжить.

– Что ты должна принести деньги? – договорил он за неё.

– Да, – она подняла на него глаза, словно удивляясь, что он угадал. – Сегодня я с ней вышла в первый раз, и мы сидели на скамейке, на площади, когда вы прошли мимо...

– Твою тетю зовут Марал?

– Да, – встрепенулась девушка. – Вы её знаете?

– А тебя как зовут? – спросил он, не отвечая на вопрос.

– Тунзая. А вы знаете мою тетю?

– Передай ей, чтобы никуда тебя не посылала, скажи, что я сказал, – проговорил он. – Завтра я заеду за тобой.

– Хорошо. А вы знаете, куда? А она мне сказала, чтобы я принесла ей сто ма-
натов... – не глядя ему в лицо, проговорила девушка.

Он вытащил бумажник, из него купюру и протянул ей.

– Тетя Марал заберет у меня это за проживание. Она так сказала, – призналась Тунзая.

Он достал еще одну купюру и положил на стол рядом с её прибором.

– Ой, что вы, не надо... Я не потому сказала. Вот я дура! – с искренним огорчением произнесла она в сердцах.

– Иди, – сказал он. – У меня сейчас дела. Завтра увидимся.

Он простился с ней, выйдя из ресторана, и Тунзая, довольная и немножко недоумевающая, отправилась обратно к своей тетке, а он вошел в переулок, где оставил машину, когда решил прогуляться, сел в свои старые, но в хорошем состоянии «Жигули», купленные по случаю недавно на деньги от карточной игры, и поехал в компанию, где его уже ждали, потому что ни одна игра не обходилась без него, он сделался необходимым и, пожалуй, главным звеном команды, и богатые игроки, боссы, что приходили не для выигрыша, а интересно провести время, развлечься, ценили его талант, любовались и получали удовольствие от его игры. Его машина сейчас довольно-таки сиротливо смотрелась среди дорогих иномарок, в два ряда уставивших по краям узкую улочку, но старая марка автомобиля была дорога ему как воспоминание о лучших днях молодости, которые так печально закончились.

Теперь часто он задумывался о том, как бы могла сложиться его жизнь, если бы еще тогда, в молодости, заканчивая институт, он женился бы... ну, хотя бы на Софье... Пожалуй, она была девушкой, которая по-настоящему любила его, а он старался этого не замечать, не связывать себя обязательствами, считал её ненормальной (что позже и подтвердилось), а она в то время была всего лишь непохожей на всех остальных его женщин. И он придумывал себе в мыслях и в мечтах ту жизнь, мимо которой он прошел, пробежал, пролетел, думая, что многое еще впереди и все успеется. И так и не завел семьи, детей. Оставалось только мечтать, и он мечтал, живо рисуя себе картины семейной жизни с детьми, внуками, мечтая обо всем том, чего не было, мечтая о прошлом... И так и остался один, утратив лучшие годы, утратив, почти утратив профессию (пока было за что зацепиться и вернуть), которую мог бы приобрести, если б упорно занимался своим делом, а не позарился бы на легкие и опасные в прежнее время заработки, когда казалось, что был он королем жизни, что был королем...

Жизнь после заключения, когда он ступил за порог тюрьмы, казалась ему такой бесконечной, огромной, такой многоцветной, роскошной, и он был готов броситься в её объятия, но получилось иначе, совсем не так, как он думал, жизнь в течение года, потом – двух лет, потом – трех, четырех на воле сузилась до пределов квартиры, в которой собирались его напарники за карточным столом, и эта жизнь постепенно утрачивала свою многоцветность и необъятность. И он постепенно сникал, подчиняясь инерции, лишавшей его былой энергии, ему ничего не хотелось делать, и пусть все катится... – думал он, ощущая тяжесть лет, зря прожитых, навалившихся на плечи, давящих на грудь, давящих на психику. Жизнь вокруг отторгала его, и он, в свою очередь, не принимал такую жизнь, в которой был лишним, не нужным никому. Но страстно хотел не быть лишним, быть своим в этой новой жизни. И потому порой так хотелось живого человеческого общения, пусть поверхностного, пустого, глупого, которое он и находил в обществе публичных девок, шутивно обсуждая с ними весьма актуальную для них тему: следует ли открывать официально узаконенные публичные дома в городе, где они живут, и какие тут могут быть плюсы и минусы.

Поначалу вернувшись домой, он предполагал заняться тем же, чем и до отсидки, заняться бизнесом, за который так был наказан, но тут же наткнулся на такую жесткую конкуренцию в стране, где делал свои первые шаги еще не вполне оформившийся капитализм со звериным оскалом, что тут же отступил, полагая, что надо хорошенько подготовиться, чтобы влиться в ряды бесчинствующих чиновников, более или менее успешно организующих свои кланы. Он не принадлежал ни к одному клану, мафиозные структуры не могли принять его ни по землячеству, ни по пробивной энергии, которая позволила бы ему организовать свою команду. Энергия иссякла, многолетнее пребывание в заключении высосало из него почти все силы, голова поседела, в тюрьме он нажил себе разные болячки, которые требовали внимания к себе и лечения, он плохо спал, перспектив не было видно, оглядываться на свое деловое прошлое не хотелось. Можно было только бесцельно мечтать о придуманном прошлом, поддаваясь эйфории, утопая и засыпая в ней... Оставалось одно: то, чему он научился в тюрьме, – игра. В этом деле он был профессионалом высокого класса, мастерство его было настолько отточено, что он, не взяв в руки, только взглянув на колоду, мог определить крапленые карты; в игре в нарды мог выбросить нужное количество очков на костях, при этом никто и догадаться не мог, что это вышло не случайно, в бильярд – игра, в которой невозможно обманывать или блефовать, он играл великолепно, щедро отдавая форы противнику в полной уверенности, что наверстаёт в процессе игры и выигрывает. Да, все это довольно успешно служило для него источником заработка, но то настоящее, на что он надеялся, что созреет в заключении, где у него будет много свободного времени, ускользнуло от него, с первых же недель и месяцев оказавшись невозможным, недостижимым.

Он так живо мечтал и представлял себе свою неудавшуюся жизнь с несуществующими детьми, внуками, с умершей женой Софьей (или не с ней, неважно, или с другой, живой), так поразительно ярко проигрывал семейные сцены в своем воображении, что часто испытывал настоящее, не надуманное раздвоение личности, что, впрочем, абсолютно не беспокоило его; нет, даже получал удовольствие, проживая в том, чего не было.

Он всегда гордился своим бурным воображением, и будучи студентом, на творческих семинарах, где надо было отчитываться за проделанную в течение недели работу, он придумывал и записывал такие острые, закрученные сюжеты на двух-трех страницах, основанные, конечно, не на жизненном опыте (какой жизненный опыт может быть у девятнадцатилетнего юнца?), а именно на фантазии, что руководитель семинара прочил ему успешную литературную карьеру; и Азиз впоследствии, уже закончив институт, приводил доводы в пользу писательского воображения из некогда прочитанной книги Федерико Феллини, который утверждал, что «Фантазия и есть настоящая реальность», но эти фантазии, это буйное и бурное воображение следовало направить на пользу дела, заставить работать на писательское ремесло; однако в дальнейшем лень и в большей мере стремление зарабатывать деньги, что делало его авторитетом среди многих ему подобных, сыграли свою негативную роль – он резко поменял свою дорогу и потерял свой шанс, воображение осталось, а профессия была утрачена, потому что этой профессией, писательством надо было заниматься упорно, изо дня в день, приобретая профессиональные навыки, усидчивость, упорство, а он вместо того... Ладно, что уж теперь?..

Больше всех, конечно, любил его младший внук. Нет, лучше пусть будет внучка. И имя у неё такое милое, звучное, яркое – Арзу, Арзушка: желанная.

«Арзушка, милая Арзушка, моя маленькая умничка, спаси меня, Арзушка... – выстукивал он на клавиатуре компьютера. – Куда ты меня ведешь, маленькая проказница? Ты только ходить научилась, а уже хочешь куда-то вести своего дедушку, который уже ходить почти разучился, потому что некуда ему ходить, и если бы не ты, дорогая Арзушка, если бы не ты, взявшая его за руку своей маленькой ручкой, делающая свои первые шажочки, так, будто желая показать всем, что это ты ведешь пожилого, бесцельно исходившего множество дорог в этой жизни, человека, что ты ведешь его, а не он тебя, и что именно ты, дорогая Арзушка, можешь вывести его на нужную и самую главную дорогу, которая для тебя, родная, начало, а для него – финал, то финал этот наступил бы очень скоро; и ты, словно понимая это, осознавая каким-то непостижимым природным чутьем, интуицией, ходишь медленно-медленно, неторопливо переставляя ножки, будто хочешь, чтобы подольше твой дедушка не мог дойти до конца этой своей дороги, чтобы подольше был с тобой...»

На даче распустились кусты роз. Он лежал на гамаке, подвешенном к стволам двух абрикосовых деревьев, и с удовольствием вдыхал пьянящие ароматы кустов и смотрел на свою внучку, которая смотрела на него так, будто никого, кроме него, её дедушки, не было на свете...

И он, словно забывшись, как во сне, как в полусне, отнял руку от клавиатуры, протянул её вниз стоявшей рядом и внимательно следившей за тем, что он пишет, и будто понимая, полуторагодовалой девочке, которая, взяв его за руку, точнее – вцепившись в его палец, стала на его глазах растворяться в сумерках, вливавшихся в комнату через распахнутое окно, растворяться... растворяться... и исчезла вовсе...

И наплыло непрошеное, опять же из другой, старой, стародавней жизни, когда он, отвернувшись от своей мальчишеской мечты стать знаменитым (а как же?! Непременно – знаменитым, в первую очередь – знаменитым. О чем еще может мечтать честолюбивый подросток!) художником, скульптором, он вдруг воспылал неразделенной любовью к литературе, стал пописывать, стал писать (и неплохо, надо сказать, получалось; тут к месту можно привести глупейшую поговорку: «Талантливый

человек талантлив во всем». Как бы не так!). Но писать у него получалось. Посоветовали попрактиковаться в журналистике, пошел поработать за спасибо в молодежную газету, кое-чему научился, какую-то практику приобрел, дальше – больше: стал писать прозу, скорее – нечто, похожее на прозу, и результат – прыг-прыг! – допрыгнул до столичного в те годы Литературного института. Учился, как нормальный студент, не так, чтобы хорошо, но и не так, чтобы плохо, средненько, но закончил... Вот тут-то и произошла с ним оказия: закончить-то закончил, но попал в такую компанию, уже возвратившись в родные пенаты, где крутые мужички умели хорошо зарабатывать, что в то застойное, застойно-сонное время не поощрялось идеологией и правопорядком государства, в котором приходилось проживать. И, научившись зарабатывать, показал свой крутой характер (из молодых был да ранних, многое успел в свои тридцать), вошел в компанию солидных мужичков, вполне упакованных, с капиталами за душой, овладевших тайной, официально не поощряемой наукой обогащения, вошел во вкус, сделал целью жизни стать полноценным богачом, подпольным нуворишем, многого добился на этом пути, но... путь вполне ожидаемо оборвался. Это было и ожидаемо, и естественно, и только он, ослепленный бешеной скачкой, не умел вовремя остановиться, когда многие вокруг него поспешно сворачивали «незаконные» дела и делишки. И результат был катастрофический. Но результат – тюремное заключение – был для него не столь печальным. Это имело и положительные моменты. Несмотря на свою молодость, он умел в негативном все-таки находить положительное. Это прибавит мне жизненного опыта, – думал он, уже представляя себя профессиональным литератором. Но реальность оказалась не такой уж простой, и то, на что он надеялся, никак не получалось: в тюрьме, как он ни стремился, как, наступив на горло своей гордости, ни старался угождать тюремному начальству, чтобы оно, это начальство, разрешило ему и создало условия для работы (не много нужно – стопка бумаги, ручка), но начальство, ответственное перед царящим в стране тоталитарным режимом, категорически отказало Азизу в его просьбе. Приходилось писать в уме, строить фразы, выстраивать сюжеты, создавать характеры, что было адски трудно: все распадалось, не будучи на бумаге перед глазами. Он вспоминал в такие моменты (когда, не успев оформить, рассказ распадался в уме) книгу Хемингуэя «Снега Килиманджаро», где главный герой говорит: «Я писал», не имея возможности писать, а только продумывая в уме то, что хотелось написать. Можно было продумывать сюжет, образы, персонажи, характер, но в любом случае надо было иметь перед глазами текст, чтобы с ним работать... У Азиза не было такой возможности, и он до головной боли, до изнурения продумывал и соединял в уме распадающиеся части книги...

Время тянулось медленно и без всякой пользы...

Когда он писал, непонятно перед кем отчитываясь, словно заполняя анкету для трудоустройства, она вновь появилась, будто соткалась из воздуха или влетела через распахнутое окно вместе с порывом ветерка, сама воздушная, радостная, легкая, как бабочка, слетевшая с цветка и принеся с собой ароматы цветов.

– Арзушка, – сказал он, посмотрев на нее, – моя любимая Арзушка, моя любимая внучка, только ты меня любишь, и мне этого вполне достаточно...

И он вновь почувствовал себя вдовцом, отцом и дедом, неприкаянным, ненужным, непонятым, растратившим большую часть своей жизни впустую и не вписавшимся в новую жизнь.

– Арзушка, – сказал он, протянул руку и погладил девочку по голове. – Какая у тебя красивая косичка, – тихо потрогал косичку. – Кто это сделал?

Она рассмеялась и что-то пролепетала.

Какая счастливая девочка! Она еще не знает, что ей предстоит в этой жизни, и дай Бог, чтобы это было одно только хорошее... А он уже прошел через многое, и

это многое было очень разное, но и он был ребенком, мальчиком, подростком, и теперь эти далекие годы вспоминаются с особой теплотой, согревают сердце, заставляя его спокойно, умиротворенно биться (пульс 60), словно засыпая, возвращаясь к тем годам, когда он был честолюбивым, очень порывистым мальчиком, и это честолюбие торопило его поскорее вырасти, найти себя, обрести себя и главное – стать известным, знаменитым, не как все, нет, нет, не как все... Я – король! Да, хотел стать королем в этой жизни, но все пошло не так, все пошло наперекосяк, и он, не ценя, потерял самое дорогое в своей неудавшейся жизни, самое дорогое в судьбе – время.

У него сейчас был большой интересный жизненный материал из криминального мира, не заимствованный откуда-то, не рассказанный кем-то, а материал, который он сам прожил, и этот материал просто напрашивался, чтобы его перенесли в книгу, в роман, в прозу; да, все это было, и он мог по минутам вспомнить тот огромный срок, огромный кусок из своей жизни, что он отбывал, переводимый из одного места заключения в другое, мог вспомнить тех людей, эков, с которыми отбывал наказание (наказание! За что?!), с которыми подружился и с кем враждовал, дрался, порой доходило до поножовщин; мог вспомнить все яркие эпизоды из своей несчастной жизни, что никогда и не забывал, из своей жизни, обособленной, изолированной от общения с другими, нормальными людьми, не эками, не бандитами, не ворами, среди которых было, разумеется, немало и случайно попавших в исправительную колонию (что у них исправлять?!)... Да, многое живет в его памяти, но теперь не было, пожалуй, главного – желания, и он чувствовал, что его силы иссякли, что тюрьма высосала из него все соки, и теперь ему не с чем садиться за стол, за работу: пропал интерес оживить прошлое, пережить повторно.

Смутные, нестабильные, тревожные перестроечные годы перевернули огромную страну с ног на голову; эта для многих, привыкших к более или менее размеренному темпу жизни и более или менее твердой уверенности в завтрашнем дне, безудержная вакханалия переходного периода просачивалась своим тревожным дыханием и в исправительные колонии строгого режима, в тюрьмы и диктовала новые законы и правила для заключенных, а скорее – новые правила беззакония, и в результате беспредел, который при стабильной власти в государстве находился, можно сказать, в зачаточном и контролируемом состоянии, расцвел буйным цветом; и тюремное начальство, те из них, что похитрей и побойчей, старались повернуть расцветший беспредел в свою пользу, в итоге – взятки, что раньше поощрялись, находясь на достаточно скромном уровне, теперь приняли неслыханные размеры. За соответствующую мзду можно было заполучить любые наркотики, можно было устроить свидание с женщиной, убить сокамерника и быть уверенным, что подкупленное начальство закроет на это глаза и вытащит тебя из неприятной ситуации. За большие деньги можно было даже устроить побег. У Азиза по тюремным меркам были большие деньги, он был игроком и играл по-крупной, был и искусным шулером, но ни разу не был пойман на шулерстве, зная, чем это грозит: такого прямо на месте могли казнить с молчаливого согласия «пахана» или, как его еще называли, «бугра». И Азиз стал серьезно задумываться, как бы купить побег из этой давно надоевшей теперь уже северной тюрьмы. На тот момент он отсиживал срок в тюрьме «Черный беркут» в Свердловской области, куда его перевели, пока страна не распалась на отдельные независимые государства. Но вскоре он узнал по своим надежным каналам, что кто-то уже опередил его, но опередил весьма неудачно: такой побег, о котором он стал серьезно задумываться, закончился печально – ээк, честь честью купивший побег, был застрелен тюремной охраной прямо на территории тюрьмы. И Азиз решил не топиться.

Несмотря на полную конфискацию имущества во время ареста, ему удалось кое-что припрятать на черный день в надежде, что если удастся вернуться в родной город, будет на что жить. Он передал двоюродным братьям драгоценности, которые

скупал на излишки денег, превращая купюры в более надежную валюту – бриллианты, цена на которые неизменно росла, и те клятвенно уверяли его, что сохранят для Азиза все до единого камешка, но... Жизнь в очередной раз доказала Азизу, что нельзя полагаться на кого бы то ни было, когда дело касается больших денег; в дальнейшем родственники покинули родной город и на деньги Азиза вполне комфортно обосновались вдали от родины, а где конкретно – никому не известно.

«Что ж, – подумал Азиз, узнав об этом предательстве братьев, с которыми дружил в детстве. – Без денег жизнь не кончается, без денег жизнь начинается всерьез».

Все, что из хороших добрых, но, видимо, не совсем продуманных побуждений предпринимало новое руководство огромной страны, грозившей распасться на глазах всего честного народа, оборачивалось своей противоположностью. И любое начинание в масштабах государства в итоге провоцировало еще более мощную волну взяток, вымогательств, крупных криминальных преступлений. Одним из таких «добрых» начинаний было введение по всей стране «сухого закона», спиртное перестали продавать, и тут же появилась «водочная мафия», заработавшая миллионы и миллиарды на незаконной продаже алкоголя, а пьяницы и алкоголики стали тысячами погибать от употребления денатурата, дешевого одеколона и всякой другой дряни, не имея возможности купить обычную водку.

Тут на руку ему села бабочка, бледное, продолговатое тельце с прозрачными крылышками, потом другая, он поднял руку, оторвав от клавиатуры компьютера, поднес поближе к лицу, к глазам, очень близко ко рту, дышал на них, но они не улетали.

«Храбрые бабочки, – подумал он. – Откуда они здесь? Окно высоко, не могли долететь...»

И тут он увидел внучку, Арзушку, она смеялась и в раскрытых ладошках, будто предлагая ему выпить воду, держала несколько таких же бабочек.

– Ах, ты, Арзушка... – произнес он ласково, нежно. – Это ты их принесла? Какие же они красивые...

За долгие годы в тюрьме, в колонии строгого режима или, как по-современному сейчас называется: учреждение максимальной безопасности (спасибо правительству, что обезопасило нас от остального человечества), где никогда не переводились карты (так же, как и спиртное, разнообразная выпивка, а в последнее время и тяжелые наркотики), истрепанные колоды, некоторые откровенно крапленые, или новенькие хрустящие нераспечатанные пачки девственных колод, Азиз научился виртуозно играть в любые карточные игры, а тасовал колоду так искусно, будто фокусы показывал, и те эки, что не играли, подходили посмотреть, полюбоваться его искусством. Вот где сказался его настоящий талант. Были примитивные игры, как, скажем, в «дурака», или «21», но были матерые игроки в покер, игра, которая особенно была популярна среди тюремной элиты. Азиза обучил всем тонкостям этой игры сокамерник, вполне культурный, даже интеллигентный зэк, преподаватель какого-то технического института, отсидевший срок за наезд со смертельным исходом. Азиз оказался талантливым учеником, основательно усвоил эту игру, где очень важно было умение разгадать намерение противника и по выражению лица его понять, блефует он или нет. Таким образом, в этой игре, к которой пристрастился Азиз, приходилось быть, кроме всего прочего, и умелым физиономистом, даже в какой-то мере психологом. Игра развивала воображение, аналитическое мышление, заставляла активно работать ум и интуицию и по сравнению с примитивными карточными играми напоминала шахматы рядом с простецкими, незамысловатыми шашками. И некоторые из зэков тоже быстро усвоили покер, и игра, как правило, проходила интересно, и выигрыши были немалые, потому что и деньги тут крутились немалые, что не пресекалось начальством, имевшим свой доход от этих

немалых, крутившихся.

В камере сидел старик, как говорится, с незапамятных времен, срок его не раз продлевался за различные преступления уже в стенах тюрьмы, как, впрочем, и у Азиза; над ним, стариком, даже незлобиво с юморком насмехались. Старик был в команде, и без него редко когда обходились в игре. Пришла пора ему выходить, отсидел срок – ничего не поделаешь, – так старик этот просил-умолял тюремное начальство не выпускать его (он говорил: не прогонять его), тут уж над ним все стали откровенно потешаться и хохотать вместе с начальником тюрьмы.

– Куда же я пойду, я всю жизнь, считай, провел в «крытке», у меня на воле никого и не осталось, век воли не видать! Куда вы меня гоните, барин?! (так обычно заключенные называют начальника тюрьмы).

И он цеплялся за нары, за хохочущих товарищей-зэков, за все, что подвернется по пути, когда тюремная охрана волоком тащила его за ноги к выходу.

– Ну, вот, один покерист покинул наши ряды, – посмеивались игроки, но всем было откровенно жаль старика. И в самом деле, в какой мир он возвратится? Это же совершенно другой, незнакомый мир, страна, город, не похожий на тот, из которого попал он в зону много лет назад.

Азиз с каждым разом оттачивал свое мастерство и почти всегда забирал солидный куш; и он был бесконечно благодарен за уроки игры уже давно покинувшему их компанию «учителю», обучившему его не только тонкостям карточной игры, но и умению распознавать все, что скрывается на самом деле за непроницаемым, невозмутимым выражением лица противника. Его благодарность была сродни чувству признательности талантливому шахматиста за игру с гроссмейстером, которому он проиграл, но и научился многому.

Прошло уже четыре года, как Азиз вернулся в свой родной город, трудно и тяжело привыкая к нему, ко всем новшествам, что произошли с ним, с его городом за время его отсутствия. Местные бизнесмены и финансисты, молодые сопляки банкиры зарабатывали теперь такие деньги, которые ему и не снились даже в самые лучшие дни, когда он считал себя королем, мог позволить себе многое за деньги и за что был приговорен к большому сроку, чудом избежав высшей меры наказания за статью, по которой проходил: «Хищение государственного имущества в особо крупных размерах». Но свою «нишу», где можно было неплохо обеспечить себя, он все же нашел и чувствовал себя в этой «нише» вполне комфортно.

Ночью он плохо спал и в тревожном, беспоконном сне видел Софью такой, какой она была много лет назад, в годы студенчества.

– Что ты там пишешь ерунду? – спросила она без всякого любопытства в голосе. – Оправдываешься? Мечтаешь о прошлом?

Он не захотел остаться в долгу и съязвил:

– Ты после смерти значительно поглупела.

– Откуда знаешь, что я умерла?

– В сумасшедшем доме не живут так долго, тебе сейчас было бы около семидесяти, ты не намного младше меня.

– Да, меня больше нет... И я хочу сказать тебе: не бойся смерти, – и повторила шепотом, проникновенно. – Не бойся смерти.

– Что именно ты этим хочешь сказать?

– Только то, что сказала.

Наступила долгая, глубокая пауза, которую, казалось, и он, и она боялись нарушить.

– Я порой думаю, как бы сложилась моя жизнь, как бы сложились наши жизни... если б только они на самом деле сложились... Если б мы поженились, создали семью, у нас были бы дети, внуки и маленькая Арзу, Арзушка, которую я обожаю, моя лю-

бимая внучка, повелительница бабочек...

Вновь возникла пауза, она не вторгалась в его молчание, ничего не спрашивала, ожидая и зная, что он продолжит.

– Жизнь у меня не сложилась, – проговорил он ровным голосом, словно констатировал факт, заполнял устную анкету. – Я много лет провел в тюрьмах... Тогда еще была другая страна, та, в которой мы были студентами, и которая буквально лет через пять после моего ареста стала разваливаться. Мне страшно не повезло, еще бы года два-три, и, может, не было бы никакого ареста, но в то время судили меня по законам советской державы, и статья была тяжелая, чуть ли не под расстрельная... Кстати, мог бы и «вышку» схлопотать запросто, статья 93-1, Уголовного кодекса СССР, но вовремя подсуетился, нашел нужных людей, отдал бабки, огромные, надо сказать, бабки, и статью заменили на пятнадцать лет тюремного заключения, но большой срок дали... Вот в чём мне повезло – жив остался... Я отбывал срок в разных лагерях, в разных тюрьмах, везде по своему неугомонному характеру совершал уже в зоне новые преступления, однажды чуть не убил своего сокамерника, тот в кому впал, судили по новой, статья «Нанесение тяжких телесных повреждений», накидывали сроки, и вот только под семьдесят лет я освободился, нелепо было держать человека столько лет в заключении за так называемое «преступление», которое сейчас на глазах у всех вполне законно совершают крупные бизнесмены и финансисты, зарабатывая миллионы. Так что формулировка: «Освобожден по отбытию наказания» – это уже из российской тюрьмы. Да, попутешествовал немало: Казахстан, Россия, Азербайджан, – горькая улыбка появилась на его лице, – везде побывал... Мне жаль, что я предал свое призвание... Не люблю громких слов, но в данном случае иначе не скажешь, так и есть – предал. Ведь ты знаешь, я так хорошо начинал... У меня было будущее... И вот уже четыре года, как я вернулся и живу в своем родном городе, но никак не могу привыкнуть к новому времени и к моему новому городу, в котором почти никого у меня не осталось, никого и ничего, кроме воспоминаний... Многое прошло мимо меня, от многого я был отторгнут из-за нелепого закона провалившейся в тартарары страны. Не думай, что в тюрьме я не знал, что творится на моей родине, туда просачивались новости, еще как просачивались! Развалилась огромная страна, «союз нерушимый» распался на глазах, как картонный домик, моя страна стала независимым государством, и мне было жаль, очень жаль, что я не участвовал во всем этом... Сейчас моя родина победила в войне и вернула наши земли, но опять же без меня, я и не мог участвовать... Что ты смеешься? Говорю не характерные для меня слова?

– И не думала смеяться, – равнодушно ответила она.

– Да... Мне почти семьдесят... Я устал, очень устал, душа моя устала, не тело, тело еще послужит, несмотря на болячки, а душа устала, душе моей девяносто лет, а может, и все сто. У людей обычно бывает наоборот – душа остается молодой, и все этим хвастают: вот у меня душа молодая, не ощущаю своих лет... Много обид я проглотил за свою жизнь... У кого-то я однажды вычитал, кажется, у Лермонтова: «Обида – пилюля, которую не каждый может спокойно проглотить, некоторые разжевывают, и тут пилюля становится еще горче». Много пилюль я разжевал за мою непутевую жизнь, так много, что хоть бери автомат, выходи на улицу и шмаляй всех без разбору, устрой душе праздник... Да, чего уж... Я лишний на этом празднике жизни, как говорил Бендер, и вернулся как не очень желанный гость... И мне теперь ничего не осталось, кроме воспоминаний... воспоминаний и о тебе тоже... И я часто вспоминаю... Да, ты права: мечтаю о прошлом, как ты хорошо сказала... – он помолчал и прибавил после паузы. – Как бы хотелось вернуться назад и все исправить, прожить по-другому тот отрезок жизни, когда я был ослеплен дешевыми, никому не нужными ценностями... А?... Ты что-то сказала?... Наверно, много болтаю? Это и понятно: мне обычно не с кем разговаривать, кому еще я могу рассказать про такое?..

Она не отвечала, и, поглядев туда, где она минуту назад сидела, он ничего не увидел.

Через два дня он был приглашен на юбилей одного напарника по игре и отказаться не мог; напарник, или коллега, как уважительно называли друг друга постоянные участники игры, был примерно его ровесником – отмечали семидесятилетие; это был надежный профессионал в игре, достигший степени «Акула», как и сам Азиз, окрещенный сокамерником «Вундеркиндом» в игре в покер, так как обучился игре и всем хитростям и тонкостям игры всего за четыре месяца, что означало рекордные сроки, но в тюрьме времени было много, и потратить свое эковское время на обучение этой прославленной игре было не самым худшим времяпрепровождением. На зоне было множество карточных игр, от примитивного «дурака» до самых сложных и замысловатых: «штос», «бостон», «винт», даже испанский «мус», не очень популярный за пределами Испании, однако в тюрьме играли в разные игры, а карты для разных игр не переводились, но на первом месте, конечно, стояла умная, интеллигентная, аристократическая игра в покер, разумеется, для умных, интеллигентных эков и для тех, кто хотел примкнуть к этой категории сокамерников. Так что в тесной компании солидных, богатых картежников-миллионеров были двое виртуозов, достигших высот и звания «Акула», – это Азиз и юбиляр, которого звали Санан, и все обращались к нему уважительно Санан-муаллим. И не только он, Санан, но и все участники игры были уважаемые, очень богатые и известные люди в городе. Тут был бизнесмен, зарабатывавший на недвижимости и уже построивший четыре новостройки, был владелец нескольких пляжей и престижных ресторанов, был владелец нескольких десятков ювелирных магазинов, где наряду с драгоценностями и золотыми изделиями продавались заоблачно дорогие часы всемирно известных брендов, ну, и остальные им под стать, в том же духе, торгующие всем, чем только можно торговать в своих магазинах – от нижнего белья до супердорогих автомобилей.

Не участвовать в юбилее коллеги по игре считалось бы оскорбительным для того, а Азиз не собирался в этой компании никого оскорблять еще и потому, что почти все они с легкостью расставались с деньгами при проигрыше и, как и он, получали огромное эстетическое удовольствие, даже наслаждение в процессе игры.

Юбилей проводился на яхте хозяина, Санана. Подарки были в конвертах, и только Азиз принес огромный букет, подходящий для пожилого мужчины, составленный из разнообразных цветов по совету опытного продавца. Тягаться с остальными и соревноваться, чей конверт увесистее и толще, у него не хватило бы духу: в этой компании он зарабатывал деньги, они – веселились.

Неожиданно для Азиза, стеснявшегося своего подарка и лихорадочно придумывавшего, что бы такое сказать смешное, остроумное, чтобы цветы остались бы в тени сказанного, Санан букету искренне обрадовался: это было необычно, чтобы ему, матерому мужику, дарили цветы. Единственной женщиной в собравшемся мальчишнике была жена юбиляра, и уж она точно оценила подарок Азиза, судя по её радостной улыбке.

– Вот это подарок так подарок, – сказал, увидев букет, один из напарников-игроков, мужчина лет пятидесяти, Казым. – Как я сам не догадался! – иронично, с поддельной досадой проговорил он.

– Ловлю на слове! – откликнулся живо Санан. – В следующий раз жду от тебя букет голландских роз.

– Роз? – рассмеялся самый младший из партнеров Сеймур. – Разве мужчине дарят розы?

– К тому времени он уже не будет мужчиной, – ответил, от души рассмеявшись, Казым, и все присутствующие поддержали его смех, а Санан, вовсе не обидевшись, а улыбаясь,отреагировал:

– Это еще посмотрим, кто из нас первый не пройдет испытание... на мужские способности...

Ему показали глазами на вышедшую на палубу яхты супругу, и он не стал развивать свою мысль.

Огромный стол с привинченными к полу ножками был уставлен самыми изысканными блюдами и эксклюзивными, элитными винами. Азиз впервые видел такую роскошную батарею знаменитых вин: «Каберне совиньон», «Пино nero», «Пти вердо», впрочем, для более грубого вкуса были тут и бутылки дорогого виски и водки. И самые вышколенные официанты из известных ресторанов ожидали хозяина и гостей за креслами, почтительно склонив головы и готовые к услугам.

Первый тост традиционно выпили за юбиляра, хотя он возражал, что, по традиции, следовало бы поднять тосты в адрес приглашенных: «Добро пожаловать», но никто его не слушал.

– Мы и так видимся чуть ли не через день, – перебил его Расул, такой же, как и именинник, почтенный, благообразный пожилой мужчина в очках, седовласый с хорошо поставленным актерским голосом. – Так что нечего переходить на официоз и делать вид, что еще не надоели друг другу, – закончил он под смешки присутствующих. – Значит, за тебя, дорогой юбиляр! Вот сейчас скажу неожиданный тост, который мне очень нравится и который я говорю только в адрес близких друзей.

– Так, так, интересно, – произнес Санан. – Что ты там еще придумал неожиданного...

– Дай бог тебе, дорогой наш юбиляр, дорогой Санан, прожить сто тридцать лет...

Шутливые возгласы перебили аксакала:

– Вах!

– Молодец!

– Хорошо сказал!

– Подождите, – перебил возгласы присутствующих Расул. – Я скажу еще лучше, если не будете перебивать.

– Говори, дорогой, поскорее, – попросил Санан. – Не терпится уже начать, помираю с голоду!

– Дай бог тебе прожить сто тридцать лет, но если вдруг обманешь нас и проживешь сто двадцать, то пусть пресса напишет про тебя: безвременно ушедший талантливый бизнесмен и хороший семьянин Санан...

– Плагиат, плагиат! – раздался веселый голос из-за стола, принадлежавший Казыму. – Читали это в Тик-токе...

– Ну и что, что читали, – возразил Расул. – Хорошие слова можно и украсть для хорошего человека...

Азиз, слушая веселый говор за столом и наблюдая за гостями, которых уже много раз видел в другой ситуации, вдруг подумал: «Интересно, а какое преступление совершили все они, наживая свой первый миллион?»

Пиршество продолжалось очень весело, раскованно, и мальчишник не нарушался присутствием жены именинника, которая скромно удалилась в каюту и там ожидала, если понадобится, не желая, чтобы выпивавшие мужчины чувствовали себя скованно в её присутствии.

– Вот ты, – обратился Санан к Азизу, когда уже основные тосты были произнесены, когда выпили и за юбиляра, и за каждого присутствующего за праздничным столом, когда веселая компания уже разбилась на общавшихся по двое, по трое друг с другом, когда уже стало шумно и все хотели говорить, что-то доказывать друг другу, но никто не хотел слушать, когда уже кто-то обронил тарелку, подхваченную услужливым официантом, а кто-то разбил дорогой фужер. – Вот ты сколько времени провел в тюрьме? – спросил Санан, обращаясь к сидящему рядом Азизу. – Наверняка есть

у тебя интересные случаи, наблюдения, а?.. Расскажи... Ведь ты все-таки писатель...

Все как по команде замолчали, разговоры оборвались на полуслове, гости притихли за столом, уставившись на Азиза и ожидая его ответа. Конечно, присутствующие хорошо знали, откуда пришел к ним почти четыре года назад новый участник игры, напарник (а пришел он по рекомендации известного криминального авторитета, пославшего Санану свою рекомендацию и поручительство за Азиза из тюрьмы), но никто не стал возражать, несмотря на темное прошлое и мрачную биографию Азиза, когда выяснилось, что новенький – отличный игрок в ранге «Акула», и равный ему по виртуозности в игре был, пожалуй, разве что только Санан.

– Да... – сказал Азиз, улыбаясь. – Это «все-таки» правильно сказано.

– Не обижайся, – извиняющимся тоном проговорил Санан, уже изрядно выпивший, еле сдерживая своё желание обнимать и целовать всякого, к кому обращался. – Мы здесь все-таки люди простые, далекие от такого высокого творчества. Писательство – дар божий, – объявил он с видом знатока, подняв кверху указательный палец. – Послушайте! – прикрикнул он грубовато на товарищей. – Я к вам обращаюсь! Я говорю: писательство – дар божий.

Поминутно то у одного, то у другого тихо тренькал телефон, кто-то шепотом отвечал на звонок, кто-то отписывался на сообщение, кто-то просто отключал телефон, готовясь выслушать рассказ Азиза.

– Как-нибудь в другой раз, – сказал Азиз мягко, не оправдав их ожиданий. – Не хочется портить такой праздник уважаемого юбиляра.

– Ну, как знаешь, – послушно согласился Санан, привстал со своего кресла и все-таки облобызал Азиза, что было им давно задумано. И сейчас задумка реализовалась.

– А скажи, Азиз, – обратился к нему Расул. – А эта много лет назад нашумевшая книга, я тогда еще совсем молодой был... «Всадник на коне», кажется...

– «Всадник в ночи», – поправил его Казым. – У меня есть дома эта книжка...

– Вот-вот, именно, – подхватил Расул. – Это не про тебя написано?

– Нет, – ответил Азиз. – Просто совпало. Почти одинаковые судьбы...

Наступила долгая пауза, какая бывает в шумных компаниях близких друзей за дружеским столом, когда о многом за долгие годы знакомства и товарищества, казалось, давно уже было говорено и переговорено, когда никто не чувствовал себя неловко за затянувшуюся паузу и никто не старался побыстрее заполнить её первым, что придет в голову, все ощущали себя очень комфортно. Эту паузу, однако, прервал Эльнур, владелец двух огромных супермаркетов и десятков мини-маркетов в разных районах города.

– Господа, – обратился к присутствующим Эльнур. – Друзья мои! Я предлагаю поднять бокалы и выпить до дна за здоровье нашего президента и гениального Главнокомандующего...

– Верховного Главнокомандующего, – поправил его Санан.

– Да, точно, Верховного. Недавняя наша победа в сорокачетырёхдневной войне...

– Блестящая победа, – вставил Казым. – Оглушительная наша победа.

– Да, точно, – согласился Эльнур, ревниво поглядывая на поправившего его Казыма. – Точно – блестящая и... как ты сказал?

– Оглушительная, – напомнил Казым.

– Да, именно так. Эта победа нашего народа, нашей доблестной армии доказала всему миру, что наш президент, наш народ и наша армия...

– Доблестная, – дополнил Расул.

– Это я уже говорил, – возразил Эльнур.

– Не перебивайте его больше, – попросил присутствующих Санан. – А то он до утра не закончит.

Все дружелюбно, доброжелательно похихикали.

– Одним словом, друзья, за здоровье нашего дорогого, родного президента.

Ура!

Все дружно поднялись из-за стола, трижды прокричали «Ура!», перечекались бокалами и расселись по местам.

И Азиз вставал и кричал «Ура!». Да, за этим столом собрались тертые калачи, им пальца в рот не клади.

– Завтра, дорогой мой, – обратился к нему Санан, – наш день, день покера, ты не забыл? Приходи, не опаздывай... Я уже предвкушаю... – и он потер ладони, будто готовясь попробовать предлагаемый деликатес.

– Я столько играл в покер, – ответил Азиз, тяжело, несколько картинно вздохнув, – что эта игра стала мне сниться по ночам...

– Что ж, – произнес Санан, – не самое плохое сновидение.

– Если исключить последнее, – проговорил Азиз.

– А что последнее? – полюбопытствовал Санан, пьяно улыбаясь и раскачиваясь в своем кресле, как мальчишка, которому захотелось пошалить. – Что-то нехорошее, упаси Аллах?

Азиз, как и все в этой теплой компании, был пьян, и в эту минуту чувствовал, что вот сейчас скажет лишнее, то, что не надо бы говорить, то, что сейчас будет не к месту, но, тем не менее, сказал; порой удержать язык бывает нелегко, и он подводит, ляпнет такое, что лучше бы уж промолчал.

– И вот вижу: мрачная, полутемная комната, – начал он, сокрушенно мотая головой, – играю в покер, но с кем? С кем!?

– А с кем?

– Вместо игроков какие-то размытые силуэты, неясные тени, жуткие существа тянут ко мне свои щупальца... И будто бы я им... Будто бы я им...

– Что ты им? – нетерпеливо спросил Санан. – Что ты им?

Он внимательно слушал среди общего гомона за столом, среди хохота гостей, звона бокалов, песен приглашенного известного певца, на которого уже никто не обращал внимания, и он, бедный, затюканный всеобщим невниманием, пел все громче и громче, чтобы оправдать обговоренную сумму. Было весело.

А Санан все же внимательно слушал Азиза, не теряя привычки делового человека, умевшего слушать в любой ситуации: а вдруг услышит что-то нужное.

– Да нет, – проговорил Азиз. – Не стоит.

– Говори, раз начал, – недовольно произнес Санан, – не то я могу подумать, что ты что-то скрываешь от меня, от нас всех, от друзей...

– Ладно. Ерунда такая, – сказал Азиз. – И показалось мне, что этим существам за карточным столом, за покером... что я проигрываю им свою жизнь...

Санан некоторое время молча смотрел на Азиза, ожидая, что тот продолжит, но выждав паузу, недовольным тоном спросил:

– Это все?

– Да. Все.

– Не бери в голову, – махнул рукой Санан. – Кому нужна твоя жизнь, чтобы делать еще на неё ставки?

– Это верно, – кивнул Азиз. – Никому.

Расходились далеко за полночь, многократно перецеловав друг друга. Капитан яхты пришвартовал роскошное судно к берегу, сбросили трап, и гости на неверных ногах, что-то продолжая говорить заплетающимися языками непонятно кому, сошли на берег в самом удобном месте, как говорится, не намочив ног, прямо в центре городского приморского парка, благо, в такой час никого тут не было, кроме парочки-тройки бомжей, ночевавших на скамейках; вышли на знаменитый бакинский бульвар, хотя никому и в голову не могло прийти, что здесь может пришвартоваться

судно. Ожидавшие у края бульвара на улице роскошные машины с шоферами-телохранителями приняли каждая в свое чрево пьяных хозяев и умчались по улице в ночь.

Азиз остался один на пустынном бульваре и решил прогуляться, раз уж оказался тут.

... – А когда вспоминаю тебя, – продолжала она, – начинаю понимать, как я тебя сильно ненавижу. Как ужасно ненавижу тебя!

– Не могу сказать о тебе того же, – ответил Азик. – Ты, пожалуй, – моё лучшее воспоминание. И только ради тебя я хотел бы вернуть прошлое, ради тебя мечтаю вернуть прошлое...

– Одного не могу понять, – сказала она с плохо скрываемой горечью в голосе, и было заметно, что у нее на самом деле все эти годы сердце болело за него, – как ты, имея все данные, все задатки, чтобы стать хорошим писателем, мог пойти на такое, мог так резко изменить свой путь, изменить своему призванию?..

– Громкие слова... Громкие, пустые слова... Я же говорю: после смерти ты значительно поглупела, – произнес он, стараясь обратить все в шутку, оборвать её так явно ощущаемую демагогию; стало неприятно. – Захотелось пожить, как настоящие люди живут, с размахом, без оглядки, чтобы ни в чем не нуждаться, не считать копейки, позволять себе то, что многие не могут позволить...

– Ага! – перебила она злорадно. – Например, слетать из своего города в Московский «Националь» выпить кофе... И заодно потрахать официантку...

– Нет, это мелочи, детали, детальки... А главное – то, что я сказал: деньги, власть, хотя в те годы деньги давали кажущуюся власть, не настоящую, политический строй в стране не позволял... Да... И, кроме того, перед глазами были примеры: эти люди много, хорошо зарабатывали, и это были смелые люди, настоящие личности, не то что остальное стадо баранов, они знали, что в то время многим рискуют и жизнь или судьба их может в любую минуту оборваться, но, тем не менее, без страха шли на риск, рисковали собой, своей жизнью, и я лично чувствовал при этом великолепный прилив адреналина... Нет, что ни говори, это была настоящая жизнь – ходить по лезвию ножа, зная, что этим ножом могут отрезать тебе голову!

– Глупые, глупые слова! – прервала она его сердито. – В то время писатели тоже жили неплохо, отлично зарабатывали. Вспомни, какие гонорары получали... И ты зацепил это время, был почти в струе, издал книжку, печатался в газетах, журналах, зарабатывал...

– Гонорары получали в основном за то, что активно лизали задницу власть держащим, мне было противно... Писать под диктовку... В то время только одну книжку издал, разлетелась, заговорили, передавали из рук в руки, как подпольные листовки. А сколько меня мордовала цензура за эту книгу!.. вспоминать не хочется... Попробовал, нет, извини-подвинься, не понравилось... А тут сошелся с крутыми ребятами, советскими подпольными миллионерами, «золотыми телёнками», Корейками, – произнес он с иронией. – Они были гораздо старше меня, в отцы мне годились, но, видно, приглянулся я им, пару раз подкинул хорошие идейки... Одна была просто потрясающая, мы эту идею реализовали вместе с моим тогдашним другом, он был директором трикотажной фабрики, его потом расстреляли. Однажды он меня спросил: «Вот ты молодой человек, знаешь, что нужно сегодня молодежи, давай покумекаем, что такое мы могли бы придумать, выбросить на рынок, от чего бы ни один парень или девушка не отказались?» И мы с ним придумали «водолазки», они в те годы – в годы нашей молодости – стали очень модными, раскупались молниеносно. Наша идея оказалась прямым попаданием в десятку, будто эти «водолазки» все – и молодые, и пожилые – давно и с нетерпением ожидали. Мы гребли деньги лопатой. Это был мой дебют, очень громкий дебют. Мне не было и тридцати пяти лет, а меня взяли в свою компанию крутые мужички-цеховщики, раскрутился, стал таким же крутым, в городе

у меня первого был «мерседес», когда другие ездили на советских тракторообразных драндулетах, пачки денег швырял в ресторанах... Какое уж тут писательство?! Все по боку! Я был хозяином жизни, королем!.. Но те же крутые мужички одернули, приструнили: «Скромнее надо быть!» Да, опасно было высовываться по самый пояс из окна стремительно летящего скорого поезда! Компаньоны остерегались, что я мог завалить общее дело... От «мерседеса» пришлось отказаться, пересел на «жигуленка»... Да, точно ты вспомнила, в Москву летал, кофе пить в «Национале»! Кто еще мог себе такое позволить? Мы создали «водолазки», хотя это было чуть ли не в конце XIX века – водолазы надевали такие свитера под своё снаряжение, чтобы металлические части водолазного костюма не холодили плечи. Отняли у водолазов и швырнули толпе: пользуйтесь! Мы создали трикотажную мафию. Представь себе и это в разгар советского режима полных запретов: запрета на гласность, запрета зарабатывать и обогащаться, запрета быть талантливым бизнесменом, запрета жить, жить, как тебе хочется, жить, жить, черт возьми!.. Поначалу мы контролировали другие города, у нас завелись крутые ребята, мы их посылали, чтобы выбивать деньги, были банды, мы их содержали, чтобы они разбирались с нашими конкурентами. Наш босс любил собирать бриллианты в бутылки, у него дома бутылки, полные бриллиантов, были подвешены к лопалям вентилятора на потолке, они медленно вращались, и подсвеченные бриллианты сверкали, как вспышки молний. Он мало кого впускал в эту комнату, но я был ближний круг, хоть и самым молодым... Да, такие дела... Я был охвачен азартом, деньги, как мусор, пачки по тысяче купюр. Не обходилось и без жертв, на то и мафия, а ты говоришь – литература...

– Я говорю?

– Литература – моё спасение, но в те времена у меня и мысли не было, что меня надо спасать... А сколько добрых дел мы делали: помогали больным детям из неимущих семей, оплачивали их лечение и операции, у нас в городе, несмотря на социалистический самый справедливый строй, медицина, как и другие области жизни, была далеко не бесплатной, за все приходилось платить, мы обеспечивали одиноких стариков, никто не уходил от нас с пустыми руками, кроме аферистов, но их наш босс умел раскусить, глаз был наметанный. Я никому никогда этого не рассказывал, никому, кроме тебя...

– Мне можно, – сказала она. – Ты же сам с собой говоришь. Ты напиши.

– Да, в книге я напишу и это, и многое другое. Но главное – тогда жить было интересно. Пошли бандитские разборки за территории распространения товара, но в других городах этот процесс невозможно контролировать и остановить, и скоро многие трикотажные цеха прорвались на рынок, реализуя свой «левый» товар и загребая миллионы на таких модных ходовых «водолазках». Я сказал: мне еще и тридцати пяти не было, мальчишка, можешь представить, с каким азартом я влез в это опасное дело. Родители сдерживали, как могли, но я будто с цепи сорвался, деньги застили мне глаза и чувство осторожности, я чувствовал себя хозяином жизни... И все кончилось очень печально: любителя заполнять бутылки бриллиантами расстреляли, на допросах он сдал всех, многие получили по десять-пятнадцать лет... И вот я... угомонился.

Он помолчал, но и она не вставляла ни слова, будто ей было вовсе не интересно.

– Не скрою, поначалу в тюрьме было жутко, как бы я ни выёживался, по ночам чуть ли не волком выть хотелось, хоть и, вспоминая своих стариков, молил бога, чтобы они продержались, чтобы наше лихолетье не сломило их, чтобы передал им мои силы, но сил у меня самого оставалось немного. И прикрывался, как умел, своим ершистым характером, никому не давал спуска, как бывает в жутком сне, когда ужасно, страшно боишься чего-то, что притаилось и ждет в темноте, и ты ждешь прыжка его, но тут начинаешь сам кричать и грозить, сам идти навстречу этой жут-

кой опасности, чтобы прикрыть, спрятать свою трусость, чтобы уверить его, что не боишься, потому что знаешь, что твоя боязнь питает его храбрость и жестокость. Однажды ночью хотели меня зарезать, так я был им как кость в горле, но я отбил у них охоту меня резать, объяснил, как выражался Бендер, что я против. Обошлось. Дальше пошло ровнее, стал привыкать. Человек ко многому может привыкнуть...

– Еще одна твоя крылатая фраза из Интернета?

– Не язви. Это я так ляпнул. Изжеванная-пережеванная мыслишка. Но человек не может привыкнуть к подобной жизни, которую и жизнью не назовешь. По-настоящему мне делалось порой жутко, чуть не свихнулся. Я человек, привыкший к размаху, к широкой жизни, и вдруг – среди десятков сокамерников-зэков, вонявших, ругавшихся, оскорблявших, напрашивавшихся на драку; я буквально задыхался, появлялись какие-то неясные видения, случались депрессии, рвался убежать и в самом начале предпринял глупейшую попытку, за что накинули срок. Ну... говорить не хочется...

– А ты напиши, – сказала она.

– Напишу, Бог даст, напишу, когда смогу, как смогу... – он помолчал, посмотрел на неё, вспоминая её, когда она была точь-в-точь такой много лет назад, студенткой... – Ты так невозмутимо слушала меня, будто все это уже знала, – сказал он.

– Конечно, знала, – ответила она просто, как само собой разумеющееся.

– Да... – произнес он шутливо, – ваша небесная канцелярия неплохо работает, информация поставлена, что надо!... Видимо, все же крепка во мне была авантюрная жилка...

– Да, это верно, – грустно подтвердила она. – И так крепка, что лучшие свои годы ты провел в тюрьме...

– Ну, что ж, в тюрьме тоже люди, и часто встречаешь хороших, не все же преступники, – ответил он задумчиво, что-то вспоминая, помолчал, поглядел на неё такую же, какой она была в институте почти пятьдесят лет назад. – Я скучаю по тебе, Софья... – произнес он тоскливо. – Мы сейчас так много лишнего, ненужного наговорили, вернее – я, а хотелось сказать тебе совсем не то... Я сейчас понимаю, что по-настоящему любил, наверное, только тебя...

Она молчала, отведя взгляд.

– Почему ты молчишь? Ты мне не веришь? Посмотри на меня.

– Мне пора, – сказала она совсем не то, что он ожидал.

– Я люблю тебя, – сказал он. – Посмотри, посмотри на меня, мне в глаза... Но её уже не было.

Проходили дни, недели. Он пытался работать, заставлял себя, порой получалось, оставался доволен, но при попытке отредактировать эмоции, заходил в тупик, опускались руки, и написанное так и оставалось фрагментом, сценкой, эпизодом, и интерес к написанному пропадал, таял...

Была ночь, в окно нахально глядела полная луна, будто подглядывала, следила за каждым его жестом. Азиз посмотрел на идеальный ярко-желтый круг в черном небе и шутливо подумал: «Полнолуние. Пора превращаться в волка».

Он сидел за столом, перед окном, и перечитывал написанное за сегодняшний день, вроде неплохо, остался в целом доволен, но пока не мог сказать себе: «пошло», и писать дальше уже не хотелось, прокрадывались посторонние мысли, и среди них, посторонних, вспомнилось, что в конце недели он приглашен на свадьбу сына Сана. Он избегал шумных компаний, с недавних пор толпа утомляла, даже когда эта толпа была не шумной, утомляла одним своим видом, необходимостью что-то говорить, на что-то отвечать.

В дверь постучали. «Почему стучат? – подумал он. – Есть же звонок. И... в такое время...»

Включил настольную лампу, чтобы убедиться, что свет не отключили, хотя это было совершенно лишним, монитор компьютера назойливо совал ему в глаза неоконченный текст, убедился, пошел открывать.

Эту квартиру Азиз нашел и снял сразу по приезду в свой город, и вот уже почти четыре года он живет в ней, квартира – маленькая двушка в старом четырехэтажном, архитектурном доме в центре города рядом с зеленым сквером, облюбованным пенсионерами-домошниками; ему было комфортно в этой квартире, цена приемлемая, хозяин доволен им, аккуратным квартирантом, вовремя вносящим квартплату; последний этаж, так что никто не прыгал над головой в железных валенках и не прерывал ночного сна, одним словом: с квартирой все было нормально и даже лучше, чем нормально, и до сих пор он успешно скрывал от своих богатеньких друзей, обладавших виллами (и не только у себя на родине), свое местожительство, чтобы не засмеяли его, впрочем, ему это было безразлично; однако положение его в компании местных нуворишей, которым он дорожил, так как это положение приносило немалый доход, могло пошатнуться, уважение растаять, как случайный снег в августе, а Азиз этого не хотел: компания его вполне устраивала, так же, как и квартира, и он считал, что, наконец-то, удачно нашел свою, именно ему принадлежащую нишу в этой жизни, конкретнее – в конце жизни, хотя кто его знает...

Он, полагая, что кто-то из соседей, которые в отличие от жильцов в многоэтажках, в этом старинном доме все же порой общались между собой, или пришел хозяин квартиры в столь неурочный час получить деньги на день раньше, что иногда бывало, посмотрел в глазок двери. Но никого не увидел. Он хотел уже отойти, но стук повторился. И опять за дверью никого не было.

Азиз открыл замок и резко распахнул дверь. На пороге стояла Софья.

– Не ожидал? – спросила она. – В глазок меня не видно, да? Это естественно.

Увидев её, он подумал: «Круг сузился до предела».

– Опять я, – сказала она. – Ты ведь подумал: теперь, кроме привидений, не с кем общаться, правда? Я могла бы появиться и без стука, просто не хотела тебя напугать...

– Не стой в дверях, – сказал он, внимательно приглядываясь к ней, её лицу. – Проходи. Ты вроде в прошлый раз была помоложе, точно как в студенческие годы.

– Время идет, – загадочно ответила она.

– Время идет? – не понял он. – Разве там... там тоже есть время?

– Время есть везде, только оно не везде одинаково. Там не стареют, если чиста совесть.

– Вот это да! – воскликнул он в изумлении, постарался пошутить в ответ на тему чистой совести, не получилось.

– Это еще не все. Когда ты умрешь, я сразу догоню тебя в летах, перескачу через пятьдесят лет и приду попрощаться.

– Может, скажешь, когда и мне пора? Дашь полезную информацию. Я бы подготовился.

– Люди не могут выдержать такую информацию, да и потом – никто не знает, – ответила она. – Ты не пишешь?

– Да где мне теперь? – отмахнулся он от её вопроса, который время от времени поднимал в нем голову и помучивал. – Так... балуюсь...

– А что теперь? – сказала она. – Теперь самое время. Смотри, как неоперившаяся молодежь строчит и прозу, и сценарии на патриотическую тему, самая на сегодняшний день в вашей стране проходная тема, ей открыты все двери. Пиши, прославляйся и зарабатывай.

Он усмехнулся её наивности.

– Не все так просто, – потом, помолчав, прибавил. – А ты знаешь, что сказал мой любимый Джойс про патриотизм?

– Это который Джойс? Джеймс Джойс?

– Он самый. Так вот, мой любимый Джойс сказал, кстати, в пику тому, что говорил президент Кеннеди: «Готов ли я умереть за Ирландию? Пусть Ирландия умрет за меня».

– Слишком самоуверенно. Гораздо лучше сказал Пушкин: «Я презираю мое отечество, но не позволяю этого иностранцу».

– Где ты вычитала? У вас там, что, тоже библиотеки имеются?

– Не говори ерунды, – сказала она. – Я знаю, ты начал писать... Это хорошо.

– Это мучительно, – сказал он. – Я слов не нахожу, подолгу вспоминаю, потом махну рукой и ищу в интернете, но это уже поражение... Память не та, что прежде. Пишу, да... пробую... Буквально выцеживаю из себя, хотя у меня такой, как говорится, богатый жизненный опыт, такой интересный материал... Но не идет, что ты тут делаешь?! – с досадой воскликнул он и замолчал удрученно.

– А чем ты занимался до моего прихода?

– Играл с внучкой.

– У тебя есть внучка?

– Да, конечно, внучка Арзушка и внуки. Ей три годика... Нет, меньше. Кажется, два... Я лежал на диване, слушал песню из телефона и дирижировал голыми ногами, и тут она появилась и стала хватать меня за пальцы и заливалась, как колокольчик, смеялась.

И он сам тихо рассмеялся, вспомнив свое видение.

Наступило молчание, настолько глубокое, что она почувствовала, как он несчастен, как он одинок и несчастен.

Она не прерывала молчания, но ему хотелось поговорить, и это был удобный случай, ведь говорить с ней – это было все равно, что высказываться перед самим собой, а другого благодарного, постоянного и заинтересованного слушателя здесь за четыре года он так и не нашел.

– В детстве я, ну, это я тебе, кажется, рассказывал...

– Нет, – сказала она.

– Нет? – усомнился он. – Думал, что рассказывал.

– Нет, расскажи, – попросила она.

– Наверное, это уже неинтересно, – сказал он, но, тем не менее, начал рассказывать, потому что только ей он мог говорить об этом: о своей жизни, о своем детстве. – В детстве одно время я возомнил себя художником, скульптором. Рисовал я плохо, но лепить любил, и получалось. Были примеры перед глазами: у нас двое родственников, близких, мои дяди, были довольно известными скульпторами, заслуженными и так далее, один из них поощрял мою увлеченность, возню с глиной, иногда похваливал; вот я и возомнил себя настоящим скульптором, много ли подростку надо, чтобы загореться, когда его хвалит маститый профессионал? Потом интересы поменялись, мне стало скучно лепить, моя увлечённость зашла в тупик, но зато появилась другая – я стал писать... Конечно, поначалу всякую чушь, но потом вроде бы пошло... Я, видимо, всегда склонялся к искусству, и лепить я тоже не бросал, баловался, чисто дилетантски, на даче держал бочку с хорошей глиной, любил разминать её и в это время усиленно размышлял о делах «наших скорбных», как говорил бандит из известного фильма... Да... Искусство меня всегда манило, это было моё слабое место, ахиллесова пята, так сказать... Ну, а дальше ты знаешь. Мы познакомились в Литературном... И прочее, и прочее...

– Нашу совместную жизнь ты называешь – и прочее, и прочее?..

– Разве у нас была совместная жизнь? – удивился он её словам.

– Если исключить физическую близость – была, еще как была, – возразила она.

– Если исключить не исключаемое... – возразил он задумчиво.

– Но мне интересно как раз то, что произошло после...

– А разве ты не знаешь? – удивился он. – Мне казалось, что там, где ты пребываешь, нет ничего неизвестного о том, что происходит здесь... с людьми... которые не безразличны...

И вновь наступила пауза.

– Могу рассказать, хотя и рассказывать об этом нечего... Меня словно подменили, я стал другим человеком, познакомился с крутыми советскими нуворишами, что занимались большими делами, стал с ними сотрудничать, подавать ценные идеи, что помогало им еще больше зарабатывать... Вот где открылся у меня настоящий талант. Люди однажды утром просыпаются знаменитыми, а я проснулся... совсем другим человеком и подумал: что за нелепую копеечную жизнь я влачу? Я же тебе говорил об этом...

– Нет, расскажи, – сказала она. – Хочу послушать.

– Мне дали максимальный срок (советская власть почему-то не любила советских миллионеров), и адвокат утверждал, что мне дико повезло, потому что грозила «вышка». Повезло... Как бы не так... Я купил это везение, купил на свои кровные деньги... Я опередил свое время лет на десять. Лет через десять и даже раньше становиться миллионером стало уже безопасно в изменившейся стране, – он замолчал, поглядел на неё, слушавшую с невозмутимым выражением лица, помолчал, потом сказал, нарушив хрупкую, напряженную тишину: – Я все хотел спросить: почему ты не приходила ко мне там, когда я сидел? – произнес он через минуту.

– Я не могла, – сказала она просто. – Тогда я была еще жива... А если бы и пришла, тебя приняли бы за сумасшедшего и упрятали в психушку, разговаривал бы сам с собой.

– Да, да... Значит, только сейчас?..

– Уже пять лет.

– Ясно, ясно... – произнес он.

И вновь молчание воцарилось между ними, разговор явно не клеился.

– Скажи что-нибудь, – попросила она. – Чтобы я знала, что не зря прихожу.

– Что же тебе рассказать? – задумался он.

– Я сказала: скажи, а не расскажи, – поправила она его.

– Ну, я стал умнее, в смысле – более информированным, многое узнал... – тем не менее, стал именно рассказывать он. – Ты не представляешь, сколько я там перечитал книг за эти годы...

– Где там?

– Да в «крытке», где же еще? В тюрьме, в зоне... Куда бы меня ни переводили (я даже толком не знал, почему меня переводили, сначала интересовался, потом махнул рукой: «крытка» она и есть «крытка», не воля же), везде были тюремные библиотеки... И были даже очень колючие книги: Шопенгауэр, Фред, Юм, Гумилев, никто их не брал, кроме меня, тюремная цензура, видно, прошляпила этих философов. Иногда с первого раза не понимал, приходилось перечитывать, но эти книги научили меня думать, мыслить... Даже в институте я так много не читал...

– Еще бы! – перебила она с непонятной горечью в голосе. – Там у тебя были более важные дела.

– Да, читал много, – не обращая внимания на её реплику, продолжил он. – И начальство поощряло, было спокойнее, когда ээки читали в свободное от работы время. Не поощряли только некоторые сокамерники, дешевки, издавались, но это только поначалу, потому что с ними я быстро разобрался: одному поломал нос, другому сломал ключицу. Ну, и мне, конечно, доставалось, столько зубов выбили за эти годы!.. Все почему-то любят бить по зубам, по рту, по губам... Теперь импланты, дорогая операция, посмотри – голливудская улыбка, – он, шутя, картинно разинул рот.

– Били по рту, может, потому, чтобы ты не раскрывал свой рот и не оскорблял их, как всегда оскорблял меня, унижал, втапывал в грязь. – Помолчала, он не стал

возражать, невольно вспоминая их давние отношения. – Да, со студенческих лет в тебе мало что изменилось, – сказала она.

– А зачем?.. Жил, как все, плыл по течению... – он помолчал, задумавшись. – О чем это я? Ах, да!.. Ну, вот, после такой короткой воспитательной беседы больше ко мне не совались. Но и читателей там было немало, людей серьезных, рассудительных, любящих самообразование. Хорошие, полезные советы давали. Поначалу я следовал их советам: писал в разные инстанции прошение об освобождении, но в разваливавшейся стране творился такой хаос, такой бардак, что, видно, было не до меня. И я постепенно привык, как тот старик-сокамерник, который не хотел выходить на волю... Да-а... Всякое бывало... А в последней тюрьме, куда меня перевели, я даже немного выучил французский...

– Почему французский? – удивилась она. – Чтобы шершеляфамить? Тут ты очень даже успешно шершеляфамишь, несмотря на свой солидный возраст, ни одной юбки не пропускаешь...

– Не преувеличивай, ради бога. Скажешь тоже – ни одной. Многие юбки пропускаю. Мне просто противна сегодняшняя мода, не могу смотреть на их разукрашенные тату ляжки, вот чего не могу принять: смотришь – красивая девушка, а расписана по всему телу, как индеец племени ацтеков.

Она с равнодушным видом, молча слушала. Что бы она ни говорила, на лице её не отражалось никаких эмоций – ни улыбки, ни удивления, ни огорчения или ужаса: лицо её оставалось совершенно невозмутимым, как маска.

– Какое может быть там шершеляфамить? – продолжил он, приглядываясь к ней. – Хотя\, имея деньги, можно было и женщину заказать... Еще немного, и я попал бы в Книгу рекордов Гиннеса по продолжительности пребывания, но какой-то хмырь американский опередил меня... Шестьдесят восемь лет отсидел в общей сложности...

– Наверное, отличаются наши тюрьмы от американских, – сказала она с видом знатока, наморщив лоб, словно напряженно думая, и тут лицо её ожило, вспоминая (верно, она услышала его мысли о том, что лицо её не выражает никаких эмоций), и он так любил у неё такое выражение лица – наивное и в то же время готовое принять любые возражения к своим высказываниям. – Там даже на выходные отпускают домой, а в камерах есть телевизоры.

– Не в американских, хотя, может, в частных, не знаю, там не сидел, – сказал он, невольно любуясь выражением её лица, выражением её глаз, которые он давно не мог так ярко представить себе, не мог вспомнить. – Это в Норвегии и Дании, кажется... Нет, насчет французского очень просто: у них была скучнейшая библиотека, в последней тюрьме, куда меня перевели: всё справочники разные, уголовные кодексы, так что я могу теперь сдавать экзамен на прокурора, и еще был разговорник французского... Хочешь, признаюсь тебе в любви на французском?

– Удивил. Это выражение и дети знают.

– Ты теперь единственный человек, с которым я могу поговорить нормально, – признался он, – ты одна...

– Ты с собой любишь говорить, тебе никто не нужен, в этом весь ты. Но у тебя должны же быть какие-то родственники. Не общаешься?

– Да, есть двоюродные сестры, братья, кто-то здесь, кто-то уехал, захватив мои денежки... Но кто захочет поддерживать отношения с человеком, столько лет проведшим в заключении, меня считают рецидивистом.

Она покивала головой и сделала жест, как будто хочет выйти из комнаты.

– Только не исчезай внезапно, – попросил он, – у меня появляется такое ощущение, что ты издеваешься надо мной. И я... как бы... как бы раздваиваюсь...

– Это не от меня зависит. Я не принадлежу сама себе, – загадочно произнесла она.

– Скажи мне, как там?.. Ну, ты понимаешь, что я хочу знать.

– Ты этого никогда не узнаешь, пока не умрешь, – и на этих словах она вновь стала таять, исчезать и пропала.

Он посмотрел на старое кресло, в котором она сидела, не было никаких следов, никакой вмятины на сиденье, будто никто и не сидел на нем. Когда она вошла, он по привычке, машинально, как соседям, что иногда заходили к нему, предложил ей тапочки, но нагибаться и доставать из шкафа в прихожей было лень, и он скинул с ног свои. Она стояла босиком – он впервые обратил на это внимание – и обулась в его домашнюю обувь. А когда она ушла, исчезла, растворилась, он вновь надел свои тапочки и вдруг... явственно ощутил медленно тающее тепло её ног в своей обуви. Этого не может быть! – подумал он, потрясенный.

Проснувшись однажды под утро, Азиз, машинально посмотрев на старинные настенные часы с маятником, оставленные стариком-хозяином, не желавшим ничего менять в квартире из-за квартиранта, обнаружил, что стрелки на циферблате движутся с несвойственной им скоростью в обратном направлении. Он протер глаза, включил фонарик на телефоне, что всегда держал под рукой, направил яркий луч на часы. Часы, заметив недоверие жильца, густо, с хрипотцой прозвонили два раза, хотя за окном начинался рассвет. Азиз, не веря своим глазам, зажмурился и вновь бросил напряженный взгляд на циферблат: бежала минутная стрелка, словно почуяв беду, вслед за ней, не уступая ей в скорости, устремилась похожая на короткую пику часовая, и всё назад, назад, и все быстрее, быстрее, пока странное, необъяснимое, обволакивающее чувство возвращающегося детства не охватило его, заставив страшно забиться сердце, как у прибежавшего домой обиженного малыша, спрятавшегося под одеялом, где у него было целое убежище от всего внешнего мира.

Свадьба была невообразимо роскошной для нелюдимого Азиза, редко появлявшегося на тусовках, на которые его и приглашали редко. На огромной даче Санана на берегу моря была воздвигнута сцена для зарубежных знаменитостей, которых простой смертный, например, Азиз, мог видеть только по телевизору и в интернете; специально был приглашен повар из Турции – тоже знаменитость, выставивший для гостей редкие яства, названия которых Азиз слышал впервые:

Икра «Royal Caviar», белая икра «Алмас», черные и белые трюфеля, омлет с лобстером, золотые суши и роллы с жемчугом, пудинг «Фаберже», фруктовый сок «Нони», дыни «Юбари», сыр «Пуле», водка «Diva», текила «Ley 925» и многие, многие другие деликатесы, названия и цены которых могли свести с ума простого пожирателя копченой колбасы с кефиром на ужин. Оформление свадьбы не уступало сервировке стола: салюты, фейерверки, выводящие на вечернем небе имена молодоженов, американская детская площадка «PlayNation», собранная ко дню свадьбы специально, чтобы дети приглашенных высокопоставленных родителей не скучали в компании взрослых; армия вышколенных официантов, по глазам угадывавших желание гостя, и прочее, прочее, отчего Азиз сразу же почувствовал себя не в своей тарелке, а подходя со своим жалким конвертом-подарком к Санану, с видом победителя стоявшему в окружении гостей в смокингах, передававших ему портфели-дипломаты (которые тот, в свою очередь, передавал своим доверенным людям, стоявшим за его спиной), Азиз и вовсе струсил, и даже мелькнула мыслишка – а не дать ли дёру, пока не поздно. Но было поздно. Санан его заметил, и праздничная улыбка на его лице стала еще более праздничной: он искренне был рад гостю и даже не обратил внимания на конверт в руке того.

– О-о! Кого я вижу, – радостно произнес Санан, обнимая Азиза, и тот мгновенно оттаял.

Хозяин стал знакомить новоприбывшего гостя с людьми в смокингах, которые в ту минуту были поблизости.

– Познакомьтесь, друзья мои! – громко произнес он. – Это мой друг Азиз – гений игры в покер!

Отовсюду раздались слабые восклицания, что должны были выражать восхищение, и даже одиночные аплодисменты.

– Рекомендую, – продолжал Санан. – Он игрок с большой буквы. Но не только в покер. Играет во все игры, какие только есть на планете Земля.

Гости, заинтересовавшись словами Санана, стали подходить и окружили хозяина с новым гостем, и в центре круга любопытных, сытых, довольных жизнью смокингоносителей стояли Азиз с Сананом.

– Но это еще не все! – интригуяще провозгласил Санан. – Он такие карточные фокусы показывает, что перед ним Гарри Гудини, ну, просто... ну, просто пшик!..

– Гарри Гудини был великий иллюзионист, – подсказал один из гостей с важным видом, внимательно разглядывая Азиза, окидывая взглядом его старомодный костюм и зверски вычищенные туфли.

– Вот я и говорю, – не смущаясь репликой, продолжал громогласно вещать Санан, так что и дамы теперь подтягивались к собравшейся кучке, предвкушая какую-нибудь потеху, которой хочет угостить гостей хозяин дома. – На каждого Гарри Гудини у нас найдется Азиз с винтом...

Все расхохотались. Азиз напряженно улыбался, готовый к еще большему унижению, когда уже независимо от себя мог взорваться, что не раз с ним бывало и кончалось, как правило, печально, как для издевавшегося, так и для самого Азиза.

– Вот у меня с собой и свежая колода есть, нераспечатанная, – обратился с широкой улыбкой Санан к Азизу. – Покажи тот фокус, который ты у меня на дне рождения, помнишь? Это был шедевр! Уверю вас, дамы и господа, получите удовольствие, не расходитесь, – попросил он гостей, которые и не думали расходиться.

– Нет, сейчас не получится, – сказал Азиз, отстраняя руку хозяина дома с колодой карт.

Гости разочарованно загудели, завздохали, улыбки исчезли.

– Почему не получится, дорогой? Очень даже получится, – настаивал Санан.

– Нет, нет, – не соглашался Азиз. – Для этого нужно особое настроение, ну... вдохновение, что ли...

«Вдохновение, – подумал он. – Какое славное, забытое слово, давно и хорошо забытое...»

– Вдохновение? – не унимался Санан. – Да зачем тебе нужно вдохновение? Гони его прочь, вдохновению! – нарочно искажая слово и играя простолюдина, посоветовал Санан под смешки окружающих.

Азиз посмотрел на колоду в руке Санана, которую тот теперь чуть ли не под нос совал ему, забрал у него карты и положил себе в карман.

– Дома проверю, – сказал он шутливо. – Может, они крапленые.

Санан расхохотался, и появившееся минуту назад напряжение, которое все уже явственно почувствовали, спало, и над шуткой Азиза все облегченно рассмеялись, вторя хозяину дома, и некоторые из гостей даже похлопали, оценив ответ Азиза.

Азиз улыбался, но уже понял, что его представляют как диковинку, которая может развлечь гостей. Впрочем, может, Санан был далек от мысли именно так представлять его гостям, скорее по простоте душевной – что время от времени обрушивалась на него от избытка чувств, – он знакомил гостей с Азизом и хотел продемонстрировать его таланты. Тем не менее, вручив свой тощий конверт, что имел жалкий вид по сравнению с набитыми портфелями, вручив свой подарок, который Санан не хотел принимать, но, подумав, взял, чтобы не обидеть товарища по игре, Азиз, погуляв по территории огромной дачи, полюбовавшись на детей на площадке и подумав, как хорошо вписалась бы сюда и его внучка Арзушка, как ей было бы здесь интересно, он решил незаметно покинуть роскошную свадьбу.

У ворот его догнал Эльнур, один из друзей по карточной игре.

– Ты что, уже уходишь? – спросил он удивленно. – Не нравится свадьба? Подожди, самое интересное еще впереди. Пошли, дёрнем по маленькой. А если пожелаешь, можно и по большой, – Эльнур расхохотался, думая, что удачно пошутит.

– У меня дела, – сказал Азиз. – Срочные.

– Какие дела могут быть в такой день?! – возмутился Эльнур, обхватив за плечо Азиза и подышав ему в ухо парами спиртного, но изысканного спиртного. – А давай мы и тебя женим, а? Я сам, лично найду тебе невесту! Целку найду, обещаю, век воли не видать, как говорили у вас в зоне. А? Ха-ха-ха! Найду! – горячо обещал Эльнур, ударяя себя в грудь.

– Ты забыл, сколько мне лет? – не обижаясь на его пьяные слова, сказал Азиз. – В мои годы золотую свадьбу справляют...

– Ну, так заодно и золотую справим, – развел руками Эльнур, закончив жест объятиями.

Азиз, улыбаясь в ответ, тоже обнял Эльнура и покинул дачу с настежь гостеприимно распахнутыми воротами, в которые все еще въезжали запоздавшие гости.

Только на свадьбе у Санана Азиз вдруг пронзительно понял, что в сущности над ним издеваются, принимают за шута, которому никогда не сравняться с ними, не подняться до их уровня, никогда не стать настоящим товарищем; в тесной компании картежников это было не так заметно, во-первых, потому, что там почти не разговаривали, всё внимание компании было сосредоточено на игре, и, кроме того, не было ситуации, чтобы полностью проявить свое отношение богатых нуворишей к нему, Азизу; так посидев, поиграв, расходились до следующего раза, и никогда Азиз так откровенно не ощущал такого несерьезного к себе отношения, как привелось ощутить на свадьбе сына Санана. Но этот случай заставил его задуматься. В итоге он решил выйти из состава покеристов, покинуть компанию, потому что, раз начавшись, это отношение могло развиваться только в худшую сторону, а он не привык изображать шута и веселить компанию. «Может, они и неплохие люди, – думал Азиз, – но мне там не место, даже если они неплохие. Возможно, что все это время они терпели меня только как профессионального игрока, картежника, но не как равного, не как товарища».

Несколько дней он бесцельно слонялся по улицам, не отвечал на звонки приятелей. И однажды совершенно случайно – как свежий ветер пахнул в лицо, напоенный запахами далекого прошлого, ветер – увидел в руках прохожего свою книжку, изданную в этом городе лет сорок назад. У него перехватило дыхание. Он подошел, волнуясь, к прохожему, примерно одним с ним лет, мужчине.

– Извините, вы не могли бы продать мне эту книгу? – произнес он чуть ли не виноватым тоном, понимая нелепость ситуации, которую сам же создал.

Прохожий внимательно посмотрел на Азиза, почему-то посмотрел и на книгу в своей руке, будто забыл, что именно держит.

– Нет, не могу. Это же настоящий раритет.

– А где вы взяли? – не желая быть назойливым, спросил Азиз.

– Где взял? Дома, из своей домашней библиотеки. Вот несущим внукам, пусть прочитают. А вы, простите, кто?

– Да так, – отмахнулся Азиз. – Погулять вышел.

– Не похоже, – подозрительно произнес дотошливый мужчина, показывая ему книгу, – имеете какое-то отношение?..

– Вообще-то, да, – признался Азиз. – Я автор.

– Не может быть!

– Да, – подтвердил Азиз, улыбаясь, так же, как и незнакомец.

– Правда? – еще раз спросил, чтобы увериться, прохожий.

– Святая правда, – положив руку на сердце, произнес Азиз. – Я автор. – И Азиз назвал свое имя, – могу рассказать, что там написано.

– Вот повезло! – неожиданно воскликнул мужчина. – Книгу, конечно, я вам не отдам, но, может, напишете дарственную надпись моим внукам. Хочу приобщить их к чтению книг. Вы же знаете, молодежь сейчас мало интересуется чем-нибудь, кроме айфонов, телефонов, интернета, а читать книги надо.

Скрепя сердце и не подавая виду, как разочарован, Азиз почти под диктовку въедливого незнакомца (который, кстати, прежде чем дать ему на подпись, все-таки расспросил Азиза о содержании произведения) сделал дарственную надпись и отделался от назойливого прохожего, хотя назойливым его принудил быть сам Азиз. У него не осталось ни единого экземпляра этой книги, и, конечно, для Азиза это было бы подарком, если б этот любитель раритетов согласился ему продать.

...Шло время, и Азиз постепенно втягивался в работу, он начал писать, часами сидел за компьютером и... Долгое время не получалось, но он упорно, терпеливо пробивал, как скалу, свою бессловесность, словно в ожидании того, что из скалы безмолвия хлынет источник, чистый, прозрачный, из которого он, счастливый, будет утолять свою жажду, как было прежде в далекие, полузабытые годы. Но он ничего не забывал и прекрасно знал, что обладает отличным материалом, из которого непременно может выйти интересная книга, может, даже роман, жанр, который сейчас востребован во всем мире. Только бы разбить эту скалу, эту немую скалу, скалу безмолвия, что не дает пролиться свежему потоку слов. А слова жгли, теснились в груди, просились на волю, как сам он в свое время всеми силами старался выйти из неволи. Поначалу было невероятно трудно, он буквально выцеживал из себя каждое слово, и не всегда это слово было точное, искомое, оно стиралось, и вновь искалось то единственное, которое, как пуля в барабане револьвера, как удар финки в сердце, как шарик, попавший в нужную ячейку-цифру в рулетке, находило свое и только свое место. Сказывался долгий перерыв в творчестве от юных лет, когда хорошо начиналось и по глупости утратилось, обесценилось, чему не придавалось должного значения; утратилась энергия, может, даже писательская смелость, когда говорил и писал он, невзирая ни на что и не считаясь ни с чем, и выходило и смело, и ново, и привлекало массу поклонников... Но теперь долгий застой, перерыв многое погубил, и это многое приходилось мучительно тяжело восстанавливать. Однако ничто сейчас он не променял бы на эти мучения, надеясь и даже будучи уверен, что он вернется... вернется... к своей прежней личности, к прежнему Азику, Азизу, оставленному в далекой талантливой, честолюбивой юности... Слова Набокова, что он вспомнил очень кстати, тоже поддерживали его в этом тяжелом труде: « Лишь то, что писано с трудом, легко читать». «Что ж, будем писать с трудом, – думал он. – Что бы там ни было, это наслаждение, мучительное наслаждение». Он вспомнил и один из любимых фильмов, что часто пересматривал в интернете с нелепым названием «Малавита» (так звали собаку), как будто нельзя было назвать иначе, более завлекательно, но фразу, что произносит герой Де Ниро, и то, как он произносит, помнил отлично: бывший бандит и мафиози, которого играет знаменитый Роберт Де Ниро, описывающий свою жизнь, свои воспоминания в эпистолярном жанре, говорит ЦРУ-шнику, приставленному к нему, отговаривающему его, потому что это опасно, по следам публикации его враги-мафиози могут найти его и убить. Убить!

«Мы все умрем, – говорит он. – Но умереть за это, – и показывает ему листы бумаги с напечатанным на машинке текстом, – стоит». Так или примерно так, и это – прекрасные, великолепные слова. Да, умереть за это стоит, и только люди, никогда не вкушившие от этого пирога счастья, никогда не поймут и будут думать – чем этот охламон занимается, тогда как мог бы сейчас зарабатывать большие деньги?

Он лежал без сна среди ночи и вспоминал свою книгу сорокалетней давности, очень хотелось теперь перечитать её, самые удачные, на его взгляд, места, эпизоды, сравнить, правильно ли он запомнил, буквально ли?.. Но её не было под рукой; он вспоминал финал романа, концовку, другие удачные места из книги, которой зачитывалась в те годы почти вся молодежь города, и, вспоминая, писал заново, писал в уме по-новому, редактировал, позабыв старую истину о том, что самое яркое и сильное впечатление получается от первого варианта, от выплеснутого вдохновением, что вышло из-под пера... «Как нельзя силой воли восстановить эрекцию в минуты соития, так же нельзя силой воли заставить себя написать талантливую вещь, если не пишется», – вспомнил он еще одно выражение из своей книги, встреченное недавно на просторах интернета.

И он упорно продолжал вспоминать, так, будто перелистывал книгу, вспоминал лучшие страницы, эпизоды из своей первой книги, великолепную концовку, финал произведения, да и все остальное, читающееся на едином дыхании... но где оно теперь, это дыхание, где эти строчки, эти слова, в которых он утопал, слова, продиктованные настоящим вдохновением? Вспомнил давно забытое ощущение счастья, когда прежде писал; утраченное, такое редкое, недоступное многим ощущение счастья, окатывающее сердце горячей волной, волной, приносящей новые, еще более пронзительные слова, находившие каждое свое место... Острое чувство тоски жгло сердце. В уме явственно прозвучали последние перед прощанием слова Софьи: «У тебя все получится...» И теперь эти слова, как никогда еще не бывало, потрясли его, как пощечина, приводящая в чувство растерявшегося, потерявшего себя человека... хрупкий, тонкий налет сна соскочил с него мигом; проснулось в душе непредсказуемое, неуправляемое, капризное; он не понял, что произошло (нечто похожее на пробуждение от летаргического сна, хоть он никогда и не пребывал в подобном сне), но приподнялся в постели, не ощущая своих старых возрастных болячек ни в пояснице, ни в сердце, сел к столу, включил настольную лампу – яркий свет, как взрывом, озарил его сознание, – не включая компьютера, взял первый попавшийся чистый листок и стал на нем писать, продолжать недавно начатое, неясное, непонятное, слабое и беспомощное; но теперь продолжение этого беспомощного на глазах наливалось силой и мощью, обрастало мудростью, пришедшей в его пожилые годы на смену юношеской смелости и импульсивности. Он писал, не вникая в суть написанного. Потом, потом, – успокаивало подсознание, – еще успеется, еще поймешь, а пока пиши... И он писал, писал лихорадочно, обрывая слова на половине, не дописывая, боясь не успеть, торопясь поймать ускользающую мысль, не забыть необычные образы и оригинальные сравнения, поймать и запечатлеть на бумаге; хватал новые чистые листы, вырывая из блокнота и торопливо заполняя словами, как сквозь сон, как сквозь сон... И воспоминания, давние переживания, ощущения и потрясения, что он переводил на бумагу, описывая свою жизнь, постепенно оживили в нем дыхание творчества, он сквозь сон, сквозь ночные звуки с улицы стал все явственнее ощущать, как тонким ручейком струятся хрупкие чувства, мысли, превращаясь в точные, нужные слова; как ручеек этот, что он, боясь дышать, боясь спугнуть, осторожно, нежно направлял в нужное русло, становится все шире, сильнее, мощнее, разливаясь, превращаясь в настоящую реку, могучую, несущую яркое, незабываемое, будто только вчера случившееся, подбрасывает в память нужные слова. Он сидел среди ночи, позабыв о боли в позвоночнике, мелкие и крупные возрастные болячки, позабыв свой возраст... и пока боялся назвать то, что делает работой, чтобы не сглазить, нет, он пишет, слава Богу, просто пишет.

Так он работал несколько недель, работал буквально на износ, падал возле письменного стола мертвецки усталый и засыпал; и просыпался только для работы, ему больше ничего не нужно было, кроме этого ощущения счастья, которое он сумел вернуть. Но ослабело тело, истощился организм, и когда однажды утром он случайно

глянул в зеркало, он не узнал себя, он резко похудел, выглядел больным, утомленным до предела. «Наверстаю, – подумал он. – Тело – не душа, все приведу в порядок».

«Сам процесс, когда я работал, как шахтер, как землекоп, выкапывающий из недр земли, из глубин почвы ценный клад, сам этот процесс, повторившийся в точности через сорок с лишним лет, когда я был молод и полон сил и писал с бешеной скоростью, стремясь к уже замазавшему вдаль, в тумане, в полусне финалу, был уже счастьем, потому что эта дорога, по которой я бежал, летел, и была главной целью, сама дорога (я поздно понял это), и я благодарен своей судьбе, благодарен своему Богу за то, что это случилось в моей жизни, что я пробудился, возродился после долгих нерадостных лет».

Азиз описывал свою жизнь со всеми ошибками, проблемами, потерянными годами, с мимолетными, как бабочки, женщинами, с пустыми удовольствиями, не оставившими в душе никаких следов, отчего душа его постепенно окаменела, как скала, затаив глубоко в себе светлый родник, что никак не мог выбиться на волю; описывал жизнь с несостоявшейся единственной любовью, вовремя не оцененной, с раздвоением своей личности, когда ему казалось, что все, что кажется, могло бы быть на самом деле, могло бы быть самой реальной реальностью, и он жил в этой придуманной реальности... И однажды он почувствовал, что прорвалось, что слова, которые мучительно вспоминались, прорываясь сквозь скупую, уставшую память, потекли огромным мощным потоком, и рук, пальцев не хватало, чтобы поймать и запечатлеть, напечатать, и быстроты и скорости не хватало, чтобы ловить каждую мысль, пока она не ускользнула, и впечатать на экран монитора, и тут же устремиться за другой, потому что мысли переполняли его душу, его сердце, его голову, а память, словно проснувшись после долгой спячки, подкидывала все новые и новые воспоминания и слова, будто издеваясь, будто испытывая – вспомнит, не вспомнит, – и этот спринтерский бег утомлял, убивал, учитывая возраст и утраченную энергию, но не отпускал, и он не хотел, чтобы отпускал, потому что это обрушилось на него внезапно, как появившийся ниоткуда ледяной водопад в унылый жаркий, душный день. Перед ним на столе стояли бутылки с водой, и он время от времени, одним глазом глядя на экран компьютера, другим следил за своей рукой, протягивающейся к бутылке с водой, и даже курить бросил на тот период, когда лихорадочно писалось.

И он воспрянул. То, что искалось мучительно долго, память подбрасывала шутя – лови! – слова, так долго не приходившие, полились потоком. Он воспрянул, позабыв свои болячки, что нажил за свою нелегкую жизнь, позабыв усталость, ухудшающееся зрение, одышку, неврастению и все прочее, не главное, не нужное теперь, потому что нужное и главное отчетливо заблестало, показывая единственный давно ожидавший его путь – путь в новую жизнь.

Дописав последнюю главу предположительно романа, он встал из-за стола, не было сил даже бросить взгляд на экран монитора, и рухнул на ковер перед письменным столом. Уже засыпая, вспомнил, что надо было не забыть записать название книги: «Мечты о прошлом». Но – потом, потом, – подумал он и заснул, как убитый.

Во сне явилась Софья. «Ну, вот как некстати, – подумал он, – я говорить не в силах».

– Тебе не надо говорить, – сказала она. – Теперь я могу спокойно покинуть тебя. У тебя все получится.

И на глазах у него во сне она из двадцатилетней студентки, которой являлась ему все эти годы, вдруг превращается в старуху и растворяется, исчезает, исчезааает...

«Софья, не уходи, – думает он, плача, как ребенок. – Как же я? Как без тебя?..» – и плачет, плачет.

– И в семьдесят можно начать сначала, – слышит он голос уже невидимой Софьи.

«Кажется, пошло. Кажется, пошло, Софья!» – крикнул внутри него какой-то долгожданный новый человек. Пусть знает, если уходит. Пусть знает, если покидает его, и пусть будет покойна...

За последние годы он много читал, пересмотрел массу фильмов, некоторые, полюбившиеся смотрел по нескольку раз, и теперь, когда внезапно закралась нежданная мысль, что пишет он о себе, как в первой своей книге, так и в этой – описание его, Азиза, жизни; и следует ли это расценивать как слабость романа, как узость темы, когда он смог охватить в основном только судьбу главного героя? Эта мысль заставила его вспомнить один из его любимых фильмов «Гений», о жизни классика американской литературы Томаса Вульфа. Он вспомнил эпизод из фильма и прилизительный диалог, когда редактор книг Томаса Вульфа говорит ему:

– Вы только о себе пишете.

На что Вульф отвечает:

– А как же иначе?

И это верно. Писатель лучше всех знает только себя, да и то не до конца, чей же образ он должен раскрывать прежде всего, он сам и есть главный герой, а кусочки его, автора, становятся остальными персонажами; и так, разрываясь на кусочки, он создает свои книги.

Закончив роман, Азиз буквально заставил себя набраться терпения и хотя бы несколько дней выждать и не перечитывать то, что получилось. Он даже не включал компьютер, чтобы выйти в интернет и просмотреть новости, боясь соблазна не удержаться, открыть и начать чтение написанного материала, еще рано, рано, – уговаривал он себя, крепился. Но бывало, он несколько раз за день подходил к компьютеру, все-таки включал, просматривал сайты и газеты, узнавал новости, убеждался, что в социальных сетях число идиотов не уменьшается (а что они выделявали с языком, это же спаси и помилуй! Что с его родным азербайджанским, что с его родным русским, гласные почему-то попали в немилость, и теперь слова пишутся преимущественно из одних согласных: пжлст, оч, тчн, просто закодированный язык или, как говорил Набоков, – слова с отгрызенными хвостами), и уже готов был открыть рукопись, прочитать хотя бы начало, но сдерживался, зная, что надо отойти от материала, хоть немного забыть его, чтобы можно было посмотреть свежим взглядом. А свежий взгляд был необходим, он много читал за свою жизнь, но писал очень мало, можно сказать до сих пор, до этого романа, который открылся ему как откровение, почти не писал, просто время от времени небольшие зарисовки, проба пера, ничего серьезного, в надежде, что это несерьезное может перерасти в серьезное... И вот, наконец, героически выждав неделю, он приступил к чтению своего произведения, своего детища, книги своей жизни, говоря высокопарно, точнее – думая высокопарно, но в данном случае высокопарно думать можно было, как бы он ни относился с иронией ко всей этой высокопарной демагогии, чепухе, ко всему бла-бла-бла, труд этот был для него очень важен, он мог утвердить его как личность, подтвердить, что жизнь все же прожита не зря; а мог сбросить в пропасть забвения, в зияющую пустоту все годы, прожитые непонятно зачем, непонятно кем, потому что, если он не найдет себя, себя, как он есть в этом произведении, то можно поставить точку на всей своей жизни, и зачем тогда все?..

С такими невеселыми, тревожными мыслями Азиз приступил к чтению. И... О, Боже, что же сразу бросилось в глаза, как опытному, изощренному читателю, но далеко неопытному, почти можно сказать начинающему в его солидном возрасте прозаику?! Сразу всплыло неумение работать со словом, выстраивать фразу, доводить сюжетные линии, лепить живые образы, которые могли бы вызвать у читателя (каковым в настоящее время он и являлся) хоть какие-то эмоции: положительные, не-

гативные, хоть какие-то...

Предстоял долгий и тяжелый труд, – он это сразу почувствовал. Работа, рутина, но она была обязательна, и никуда от этого не денешься, надо было отшлифовать, где нужно, безжалостно сокращать, как бы ни были ему дороги любимые строчки и абзацы, написанные иной раз в полубредовом, полубессознательном, лихорадочном состоянии, многое требовалось дописать, пояснить, в то же время не полностью раскрывая завесу над таинственными, загадочными недоговоренностями, и требовалось от читателя (умного, чуткого читателя, который он, как автор, надеялся, у него будет) прочувствовать эти таинственные недоговоренности, а потом уже – понять.

Когда писалось – лихорадочно, уверенно, лихо, – все казалось прекрасно, все казалось получается...

Азиз принялся за рутину, за редактирование, принялся, как говорится, доводить до ума роман, и это отнимало сил и времени гораздо больше, чем написание, которое взбудрило, разбудило его и показало дорогу к новой жизни, такой желанной.

Он работал уже вполне обдуманно, неторопливо, рационально, постепенно и в такой работе находя удовольствие, даже наслаждение. По утрам выходил прогуляться, утолял свой зверский аппетит, накопленный за время работы, в хороших ресторанах, рано утром прогуливался на любимой своей улице, на приморском бульваре, почти безлюдном, и однажды встретил, как ни странно, в такое раннее утро, Расула, одного из приятелей по карточной игре.

Расул, увидев Азиза, кажется, обрадовался, пошел, прибавив шагу, к нему навстречу, широко улыбаясь; Азиз же удивился, что такой деловой, занятой человек, у которого время – деньги, рано утром прогуливается по бульвару.

– О-о, кого я вижу! – воскликнул Расул вполне искренне, раскинув руки для объятия. – Сколько лет, сколько зим! Совсем пропал, на звонки не отвечаешь, водиться со старыми друзьями не желаешь. Нехорошо, нехорошо... – полушутливо проговорил Расул.

Однако, хорошо или нехорошо, по его мнению, поступал Азиз, тем не менее, Расул его крепко обнял.

Гораздо лучше его разбиравшийся в людях, повидав, можно сказать, все стороны жизни, Азиз не был так уж обрадован встречей, но виду не подавал, много раз подобные ему, так называемые, друзья обнимали его дружески, держа нож за спиной.

– Ну, как ты, рассказывай, как здоровье, чем занимаешься, как живешь, все хорошо? – расспрашивал Расул.

Из всех заданных вопросов Азиз решил ответить только на последний.

– Все хорошо, – сказал он спокойно, не интересуясь Расулом и старой компанией, что прозвучало подчеркнуто невежливо по отношению к собеседнику.

Возникла неловкая пауза, которую Расул, как ни старался, не мог нарушить, не умея ничего придумать. Азиз же спокойно смотрел на него, ожидая, когда же тот оставит его в покое.

– А... А тебя не удивляет, что я в такую рань гуляю по бульвару? – проговорил Расул, беспомощно стараясь не дать потухнуть разговору.

– Ну, и почему ты гуляешь в такую рань? – стараясь подчеркнуть, что его вынудили поддержать разговор, спросил Азиз.

– А ты знаешь новость? Санан стал главой исполнительной власти... не скажу, какого района, – загадочно сообщил Расул.

– Знаю, – сказал Азиз. – Я просматриваю прессу. И скажу откровенно, я не удивлен. Я всегда знал, что он взлетит еще выше. Что ж, передавай привет. Желаю удачи и новых вершин. А то, что ты в такую рань гуляешь по бульвару, и указывает мне, хозяином какого района он стал. Дедуктивный метод Шерлока Холмса. Он взял тебя в своё ведомство?

– Угадал! – радостно сообщил Расул. – И совсем недавно. Теперь я его заместитель.

– Поздравляю.

– Спасибо. А ты не желаешь к нам присоединиться снова после большого перерыва? Честно говоря, тебя за столом не хватает...

– Ничего не поделаешь. Придется вам обходиться без меня, – и, понизив голос до степени конфиденциальности, Азиз таинственно сообщил. – Я поменял, так сказать, профиль жизни, профиль профессии... много чего поменялось...

– Не расскажешь? – с любопытством спросил Расул.

– Может, скоро узнаешь, – оставаясь загадочным, ответил Азиз.

К верхнему ярусу бульвара, выходящему на оживленный проспект, подкатил новенький «Лексус Іх».

– Мне пора, – сразу же заторопился Расул. – Пока! – и почти бегом устремился к машине, уселся, и машина резко взяла с места.

– Пока, – запоздало ответил Азиз, глядя вслед роскошному автомобилю.

«Видно, старый друг, но новый хозяин вызвал», – подумал он и порадовался в душе, что у него никогда не было хозяина, никогда его никуда срочно не вызывали, никто и никогда не заставлял его надевать в летнюю жару костюм и галстук, он был сам себе хозяином, но, оглядываясь на то, чего он добился в своей жизни, все-таки был не очень хорошим хозяином.

Все связи с прошлым, с компанией, где он так комфортно устроился и загребал большие выигрыши, взамен продавая им эстетическое удовольствие от его виртуозной игры, закончились, и он был рад поставить точку в их отношениях, потому что этот род заработка с некоторых пор, а именно – как он начал писать, работать над книгой – его стал тяготить, и он решил сбросить эту неприятную ношу с плеч. Что-то подсказывало ему, что такие заработки – не совсем то, к чему надо стремиться, он не получал от выигранных денег настоящего удовлетворения, даже порой появлялось ощущение, что это нечестные деньги, что он почти украл их, потому что игра с ними, с партнерами, представлялась ему так, будто он играет с наивными детьми, будто он детей обыгрывает, пользуясь их неопытностью, хоть опыта некоторым из их компании было не занимать; но, с другой стороны, иногда появлялось прямо противоположное ощущение, что его партнеры намеренно подыгрывают ему, поддаются, делают недопустимые, глупые ошибки, чтобы он взял очередной немалый куш; ему казалось, что он читает по их глазам, по еле уловимому выражению, когда они почти незаметно переглядываются между собой, особенно пожилые матерые игроки и крутые по жизни мужички, и это тоже было неприятно. «Что бы там ни было, дело прошлое, Бог с ними, – подумал Азиз, – теперь у меня другие заботы, и... и настоящая работа». Так он подумал. До сих пор он суеверно боялся называть профессиональной работой то, над чем трудился; трудился, надо сказать, на износ; но боялся, что произнеся это слово, что употребляют между собой профессиональные писатели – «работа», он может невольно сглазить то, на что положил немало труда. Но этот этап прошел, прошел период неуверенности в себе, и теперь он именно так и подумал, и убежденность, что он именно работает, с каждым днем все больше крепла в нем, и работа эта доставляла ему истинное наслаждение, несмотря на всю её тяжесть: было физически трудно сидеть за компьютером по несколько часов, трудно потом вставать из-за стола и разгибаться, память не всегда услужливо подбрасывала нужные слова, как в начале, когда и мысли, и слова, в которые они облекались, текли потоком – только успевай! – трудно было не повторяться, не повторять самого себя из его первой такой успешной и смелой книги, трудно было понять, заимствует он из знаменитых произведений, или это его родное, придуманное им самим; одним словом: много проблем возникало по ходу написания, в процессе.

Но вот – книга закончена. И теперь, как он поначалу полагал, его ожидает ру-

тина, рутинная работа по редактированию, по сокращению, если понадобится, по дополнению, если будет необходимо... Но и в рутине он искал и находил приятные моменты, и постепенно, работая, стал понимать, что это не совсем рутина, и даже вовсе не рутина, а самое что ни на есть настоящее творчество. То, что родилось, вышло из чрева его души, теперь следовало помыть, одеть, причесать и в итоге – расцеловать, как любимое дитя. И он стал трудиться с такой же отдачей, любовью и наслаждением, как в те дни, когда работал, создавая...

И когда все было закончено, он перевел на флешку роман, сделал распечатку на листах (по объему и структуре материал все-таки можно было назвать романом, ну, Бог с ним, это неважно, просто роман звучит современно, жанр востребованный, так будем же топтать в ногу со временем) и стал думать об издании, не забывая перечитывать, оставлять и вновь перечитывать через несколько дней, недель, потом вновь перечитывать, через месяц... Время летело, в глазах рябило от букв, слов, абзацев, но при самом дотошном, скрупулезном чтении все же находилось – правда, все меньше и меньше – то, что требовалось исправлять.

Но когда он перевел на бумагу, на бумажные страницы свое произведение, его стали преследовать новые видения. С придуманной семьей, что была, как уютное местечко в мозгу, в сознании, было давно покончено, это видение оставило его в покое, работа отодвинула выдуманную спокойную жизнь в кругу детей и внуков, бешеный темп работы не позволял ему направлять свою фантазию на постороннее, куда-то еще, кроме работы, вся его фантазия была направлена на рукопись, все было подчинено только этой книге. И он в своей работе чувствовал себя вполне комфортно: не зря врачи утверждают, что трудотерапия – панацея от многих заболеваний, в том числе и от такой серьезной, как раздвоение личности... Но труд должен быть в радость, только в таком случае... Впрочем, я не врач, – обрывал он свои мысли... Но теперь, когда Азиз держал в руках листы с отпечатанным текстом, и невольно, по дотошной своей привычке, несмотря на многократное исправление, вычеркивание, дополнение, редактирование, все-таки вновь и вновь искал, к чему бы придраться (как в породистой ухоженной собаке покупатель тщетно ищет блох), теперь новые повторяющиеся видения стали преследовать его по ночам во время беспокойных снов.

Он видел себя, шагающего дождливым, слякотным зимним утром по безлюдной улице. Еще не рассвело, холодно, и тут он встречает человека, молодого мужчину, явно приезжего с рюкзаком за плечами, в толстой теплой куртке. Рюкзак, куртка и весь облик прохожего чем-то неуловимым напоминают ему самого себя в зале ожидания железнодорожной станции. Мужчина выжидающе смотрит на него, и он, поймав, не скажет ли чего, спрашивает:

– Хостел ищете, гражданин?

«Турникет ищете, гражданин?» – вспомнилась во сне фраза из булгаковского романа, читанного и перечитанного, и он почему-то залился тихим, идиотским смехом.

Мужчина, не отвечая, подходит к нему, сбрасывает с плеч рюкзак и из него достает рукопись Азиза, такую знакомую, такую родную, что Азиз вздрагивает, увидев листы со своим текстом в руках чужого человека. Мужчина протягивает листы Азизу.

– Это тебя прославит, – говорит он чревовещательным голосом, вроде бы подражая предсказателям.

– Мне не нужна слава, – искренне отвечает Азиз и протягивает руку, чтобы забрать своё.

Но прохожий не отдает, заведя руку с романом за спину.

– А что же тебе нужно?

– Не знаю... – не сразу отвечает Азиз. К чему такой откровенный разговор с чужим человеком?

– Не знаешь? – удивляется мужчина.

– Знаю, – на этот раз уверенно отвечает Азиз, кивком подтверждая свою уверенность.

– Так что же?

– Чувствовать себя живым.

– Живым? – усмехается мужчина, не понимая слов Азиза.

– Когда я писал это, – Азиз показывает на свою рукопись в руках у прохожего, – я чувствовал себя живым, – говорит Азиз, не будучи уверен, что его понимает этот незнакомец. – И даже если бы я умер во время работы, я знал бы, что я жил, жил по настоящему все эти дни, недели, месяцы. Я жил! Я жил! – кричит ему в лицо Азиз.

И тут мужчина отшвыривает рукопись далеко от себя, ветер подхватывает листы, дождь, превратившись в сильный ливень, льет на разлетевшиеся страницы, а мужчина, закинув свой рюкзак на плечо, медленно уходит прочь, идет по улице и исчезает вдаль за пеленой дождя.

Вот такой сон. «Пойти к толкователю, что ли, – шутливо думает Азиз. – Как уже известно, рукописи не горят, а под дождем они промокают? Надо бы спросить у Булгакова...Что же хотел сказать этот Нострадамус с рюкзаком?»

Но все когда-нибудь кончается, как поется в глупейшей песенке, а раз кончается, так давай сейчас и покончим, вместо того, чтобы дожидаться естественного конца: такова убогая мысль в той же глупейшей песенке. Стоп: мысли некстати. Так вот, когда все совершенно закончилось, работа закончилась точно, конкретно, категорически и бесповоротно, Азиз стал думать об издании своей книги. Он многое пропустил в этой жизни, был далек от писателей, издателей и даже не думал о том, что неплохо бы напечатать роман в каком-нибудь органе печати, устроить отзывы в прессе, как поступают многие прыткие современные литераторы, разрекламировать на разных популярных сайтах, вступить в Союз писателей, даже не ощущая такой потребности из-за абсолютного отсутствия стадного чувства, и прочее, прочее... А когда подумал, то... махнул рукой: пошли они все... Он писал эту вещь, чтобы утвердиться, чтобы вновь поверить в себя, не для рекламы, а для себя, писал свою жизнь, а рекламировать свою жизнь он не собирался...

Тем не менее, издавать книгу надо было, и Азиз стал узнавать, как бы это сделать, и столкнулся с тем, что государственных издательств, что были в дни его молодости, в дни его первой нашумевшей книги, почти не осталось, были коммерческие, куда нужно было приходиться со спонсором или с карманами, набитыми деньгами, чтобы заплатить самому за выпуск своей книги. Что ж, это было естественно и логично: пока твои книги не приносят прибыль, ты должен сам за это расплачиваться. С другой стороны, то, что автор должен платить за издание своей книги, попахивало самодеятельностью, а не профессионализмом, и это ему не нравилось.

Однажды, прогуливаясь по безлюдной улочке далеко от центра города, он совершенно неожиданно встретил бывшего заключенного, сокамерника, с которым вместе «мотали срок». Бывший зэк, мужчина лет пятидесяти, тоже его заметил и уже торопливо подходил, так что уклониться от встречи не оставалось возможности. Впрочем, Азиз и не хотел уклоняться, хотя встреча была ему не по душе. Пока мужчина подходил, Азиз старался вспомнить его кличку, «погоняло», и понял, что никакой клички у старого знакомого не было, «погоняло» Азиз вспомнил бы сразу; то есть он не принадлежал к воровской братве, и в «крытке» был обычным «фраером»; но лицо его Азиз вспомнил моментально, на лица у него была отличная память, не зря же, завидев в толпе интересное лицо, мужское или женское, он по давней своей привычке тут же начинал придумывать судьбу носителю физиономии, судьбу, более или менее подходившую под его облик: такая у него была игра, которая невольно развивала и профессиональные писательские навыки. Так что своего бывшего сокамерника он узнал сразу.

Азиз остановился и подождал знакомого. Тот подошел, и несколько секунд оба молча, вспоминая, разглядывали друг друга, как волки, обнюхивающие чужаков-соперников в стае. Азиз ничего плохого не мог вспомнить о бывшем товарище, тот, видимо, тоже. Крепко, как-то враз, порывисто обнялись.

– Пройдемся, – предложил Азиз.

Они молча прошлись немного и уселись на скамейку возле какой-то школы, где было подозрительно спокойно, и он вспомнил, что время каникул.

– Может, пойдём выпьем, отметим встречу, а? – предложил мужчина. – Деньги у меня есть.

– Нет, я не пью, – ответил Азиз.

И, даже не вспомнив ничего позорного и компрометирующего про старого знакомого, Азизу все же была неприятна эта встреча, ничего хорошего из прошлой жизни она не напоминала, а все плохое он уже описывал в своей книге.

Видимо, мужчина почувствовал скрытую неприязнь в Азизе и поторопился признаться:

– Я здесь проездом, навещал родных, а завтра уезжаю к себе домой, на Урал.

Мужчина оказался словоохотливым и многословным, каким был сам Азиз в первые дни по выходе на волю, когда старался подавить свою словоохотливость во время встреч со знакомыми. Этот же, напротив, разливался соловьем, рассказал, за что отсиживал срок, что был бухгалтером в фирме, которые в те годы росли, как грибы после дождя, что фирма брала большие кредиты, а все бумаги, минуя директора, подписывал он по указке того же директора, все кредиты за ним, бедным-несчастливым, числились; вот все, кроме него, вышли сухими из воды, а он, божий одуванчик, фраерок, отсидел пять лет. Вот такая история.

Хотя в тюрьме все про всех всё знали, и Азиз вспомнил статью, по которой посадили сокамерника, тем не менее он вежливо и внимательно все выслушал так, будто слышал впервые.

Закончив свое признание как на духу, как перед следователем (чем немало удивил Азиза), как перед страшным судом, мужчина успокоился, помолчал, потом сказал:

– Тебя я отлично помню. Ты настоящий мужик. Железный!

Помолчали, и пока молчание не сделалось неловким, мужчина спросил:

– А ты как? Чем занимаешься?

Азиз не сразу ответил, будто раздумывая, стоит ли говорить, но потом, не желая выглядеть невежливым, все же произнес:

– Писал книгу.

Фраза вышла несколько высокопарной, тут он к тому же невольно и голову чуть задрал, так что собеседник остался озадаченным с раскрытым ртом: издевается?

В короткое время он нашел издателя, потому что их было, как собак нерезаных.

– Да, – сказал издатель (это была пожилая, миловидная дама, как выяснилось, несмотря на свою миловидность, обладавшая твердым мужским характером, прекрасный профессионал, знаток своего издательского дела). – Да, мы, конечно, издаем и на русском, но сами понимаете, язык нашей родины – азербайджанский, вы не хотели бы перевести на наш родной национальный язык? С такой фамилией, как ваша, было бы вполне логично издать книгу на своем родном... – она замолчала, выжидая, что он ответит.

– Как-то не думал об этом, – признался Азиз, – но мысль неплохая. А как это сделать?

– Вы не подумайте, мы издадим книгу на русском, – несколько торопливо произнесла женщина. – Это просто мой совет. Если хотите, могу вас познакомить с отличным, талантливым переводчиком. Работает в нашем издательстве. Публика сейчас

больше азербайджаноязычная, можно издать солидным тиражом, ну, конечно, относительно солидным, читателей больше на азербайджанском, чем на русском языке. Но свой родной язык в любом случае надо знать, – несколько менторским тоном закончила она.

– Понял, – сказал Азиз, выждав паузу: не продолжит ли она поучать. – Знаете, мое поколение выросло на русском языке, хорошо это или плохо, но это факт, это исторически так сложилось, ничего не поделаешь, и чувствовать себя виноватым за то, что я вырос и учился в другой стране, где превалировал русский язык, где прошло мое детство и юность, я не собираюсь... Кстати, и выдающиеся творческие интеллигенты нашей страны были русскоязычные, если помните.

– О! Конечно, помню, – сказала женщина и внимательно посмотрела на Азиза, чуть улыгнувшись.

Он тоже внимательно посмотрел на неё: очень привлекательная, полноватенькая, лет под пятьдесят, круглолицая, белотелая (на этом взгляде она несколько убрала ноги под себя, хоть под столом они не были ему видны), даже можно сказать – сексуальная. Закончив визуальное обследование, ему вдруг пришла в голову дикая мысль, а что если сказать ей: «Мадам, у меня не было женщины полгода. Мадам, жё не манж па сис жур». Эта дикая мысль заставила его еле сдерживать дурацкий смех. Но она тоже изучающе смотрела на него. Вот сучка!

– Мы, конечно, издадим вашу книгу, – сказала она несколько сухим, официальным тоном, видимо, его более чем откровенно раздевательский взгляд отрезвил её, тоже взглядом знатока разглядывавшую пожилого, но молодежавого на вид, подтянутого, с несколько потасканным лицом мужчину, что (потасканное лицо) говорило, по её мнению, о бурной жизни гостя, короче – характеризовало его (опять же в её понятии) как бабника, и эти полуседы усыки, и эта тщательная старомодная выбритость, тогда как все ходят заросшие, крупные, натруженные руки, подозрительный маленький шрам над правой бровью и внимательный, несколько насмешливый взгляд больших карих глаз; и она, поднявшись со стула, на котором сидела за приставкой к огромному письменному столу, напротив него, пересела за свой рабочий стол, уставленный папками, бумагами, мобильными телефонами (в количестве трёх штук), тем самым подчеркивая официально, что хозяйка здесь она, и ей не нравится, когда её так откровенно разглядывают. – Теперь нам надо уяснить, за какую сумму – можете сказать приблизительно – вы хотите издать книгу, какой объём, на какой бумаге, какая будет обложка, каким шрифтом наберем текст и...

– Простите, – перебил её Азиз. – А содержание вас не интересует?

– Очень даже интересует, – тут же откликнулась женщина. – Надеюсь, ничего крамольного, аполитичного, все в патриотическом ключе? После нашей великой победы в сорокачетырехдневной войне, во главе с президентом и Верховным Главнокомандующим, после победы нашей доблестной армии, нашего народа... – на этих словах она обернулась и посмотрела на большой портрет президента на стене за её спиной. – Сейчас патриотическая тема просто необходима, очень актуальна, это, как говорится, на злобу дня, все пишут именно на эту тему... Наши подлые, психически больные соседи, над которыми мы одержали блестящую победу, все никак не угомонятся, все считают себя выше других народов и наций. И кто же, как не мы, писатели, ученые, издатели, должны ответить на их абсурдные факты и гнусные инсинуации. Мы недавно издали книгу одного автора на эту тему, он известный профессор, историк, отлично их разоблачил.

– Интересно, – сказал Азиз. – Вы знаете, в Уругвае, в середине XIX века бытовало такое понятие – «Артигизм», не знаю, существует ли это понятие до сих пор, не думаю. Артигизм – подчеркивание национального превосходства уругвайцев. Это понятие произошло от имени Хосе Хервасио Артигаса, руководителя войны за независимость, – сообщил он и мельком взглянул на женщину, стараясь по выражению её

лица понять, удалось ли произвести впечатление своей эрудицией. – Так вот, – стараясь подыграть ей, продолжил Азиз, – нашим соседям тоже следует придумать нечто похожее, а то они долго и нудно доказывают свое превосходство. А тут одним словом: раз – и артигизм! – он улыбнулся, продемонстрировав свои новые зубы.

Кажется, впечатление произвести удалось. Можно ли теперь произнести волшебную фразу: «Мадам, жё не манж па сис жур»? – подумал он.

– Отличные у вас знания, – похвалила она. – Энциклопедические.

– Спасибо, – улыбнулся он еще шире. – Много читаю.

– Но самое актуальное в наши дни, я еще раз повторю, – назидательно произнесла она, – это патриотическая тема. Наша литература, к стати, и кино тоже нуждаются в произведениях на патриотическую тему.

– Да, да, конечно, – проговорил Азиз поблекшим, вялым голосом, согнав улыбку с лица. – Я понимаю... – перешел он на свой родной азербайджанский язык, но, сказав несколько слов, вновь вернулся к русскому языку, на котором общаться ему было гораздо легче и комфортнее. – Но у каждого писателя есть своя любимая, близкая ему тема. Конечно, профессионал может писать обо всем, но на свою тему ему писать удобнее, интереснее... Ведь человек обычно рассказывает о том, что лучше всего знает... Вот и я в данном случае описывал свою жизнь, это моя жизнь, и мне кажется, она может быть интересна и познавательна для других людей. Да... Но литература гораздо больше, гораздо шире любой темы...

– Но, тем не менее, – перебила она, заметив, что он увлекается и говорит с ней чуть ли не назидательным, поучительным тоном; в этом кабинете главным человеком была она, и она не должна позволять каждому посетителю поучать и указывать. И самолюбивая дама решила расквитаться с ним и поставить автора на место. – Тем не менее, – повторила она. – Сейчас, когда нас переполняет чувство гордости за нашу родину, за нашу долгожданную победу, за нашего уважаемого президента и Верховного Главнокомандующего, мы и в искусстве, и в литературе должны показать свой патриотизм, и первым делом должны знать свой родной язык, уметь грамотно говорить и писать на нем, своем родном, азербайджанском языке. Вот вы попытались во время нашего разговора перейти на азербайджанский язык, но говорите на нем не очень свободно и потому сразу же перешли на русский. Надо знать свой родной язык, надо учить.

Азиз в какую-то минуту почувствовал себя провинившимся учеником перед рассерженной учительницей, учеником-двоечником, который не осмеливается перебивать её.

– Литература универсальна на любом языке и гораздо обширнее темы патриотизма, – все же проговорил он.

– Да неужели? – искренне удивилась она.

– Представьте себе, – сказал Азиз и вдруг спросил. – А как вас зовут?

– Меня зовут Сара ханым Мамедова. На двери моего кабинета табличка.

– Очень приятно, – сказал Азиз, подчеркнуто невежливо уставившись на её грудь. – Вы такая... привлекательная, Сара ханым.

Женщина совершенно неожиданно для Азиза, привыкшего к веселым девкам и почти полгода обходившегося без них в связи с работой над книгой, когда не оставалось сил не только на секс, но и на простую прогулку, чтобы подышать воздухом, вдруг вся вспыхнула, будто её оскорбили, и уже открыла рот, чтобы что-то произнести, когда Азиз торопливо опередил её.

– Это комплимент, – заметив посуровевшее выражение лица хозяйки кабинета, тут же пояснил он. – Просто комплимент.

– Делайте такие комплименты, знаете где...

– Где? – с искренним любопытством спросил Азиз, но ответа не последовало.

Итак, с первым издательством не вышло, не сошлись, не снюхались, хотя Азиз

был бы не прочь обнюхать её поосновательнее, так вроде бы ничего – дорогой парфюм с явным переизбытком.

Это была первая осечка, первая неудача от контакта с новым, еще не известным ему издательским миром после того, как, выйдя из добровольного заточения, когда он полностью, с головой ушел в свое произведение и почти ни с кем не общался, он обратился с просьбой об издании своей книги; и эта неудача наглядно показала Азизу, что он разучился общаться с людьми, а может, и вовсе никогда и не умел, не имел возможности научиться, потому что огромную часть своей жизни вынужден был общаться с существами из темного логова, жившими по своим законам, жестоким и в то же время смехотворным для нормального человека законам.

Порой, пребывая в дурном настроении, Азиз вспоминал свою молодость и задумывался над прошедшими годами, пролетевшим над его головой временем, и ему казалось, что вся его жизнь напоминает карточную игру, игру в покер, в которой он сдуру проиграл огромную часть своей жизни... Но вот наконец его игра пошла, фортуна повернулась к нему с улыбкой, и сейчас – он в выигрыше, какими бы потерями ни пришлось расплачиваться за этот выигрыш. Многим пришлось пожертвовать за эту игру, за этот покер, и что его ждет впереди?..

Однако от фиаско с первой попытки у Азиза не опустились руки: ведь главное было сделано, и сделано, на его взгляд, добротнo и интересно; каждый раз, вспоминая свою рукопись, у него сердце сжималось от радости, обливаясь горячей волной счастья. Можно было бы, конечно, и с обидчивой дамочкой начать сотрудничать (и её, и всех остальных издателей в первую очередь интересовала материальная состоятельность автора, а в этом смысле у Азиза пока не было проблем), но что-то его сдерживало, и, скорее всего, то, что ему не хотелось отдавать в такие руки очень для него родное, ценное; в романе не было ничего искусственного, неискренного, а в этой даме он почувствовал очень много неестественного, в особенности – склонность к дешевой демагогии, и отдавать такому человеку свое родное он поостерегся, предчувствуя могущие возникнуть в процессе работы неприятные трения.

И вскоре он нашел нужного человека, молодого энергичного издателя, с которым не возникло никаких проблем, хотя тот тоже даже не поинтересовался о чем книга.

«Ну, Бог с ним, – подумал Азиз, – чукча – не читатель, чукча – издатель». Он был безмерно счастлив, что в его стране, как и во всем мире, теперь не было цензуры, с которой он намучился более сорока лет назад, и книга, его нашумевшая книга, можно сказать, увидела свет в результате чуда; и многие об этом потом говорили, не понимая, как советская цензура могла пропустить такую крамольную книжку; но, с другой стороны, ему было обидно, по-ребячьи обидно, что никто не интересуется содержанием, о чем этот роман, как он писался, откуда пришла идея, на собственном ли опыте написан роман; и он мог бы рассказать многое другое, но никто не интересовался, и это было до слез обидно, до ребячьих слез (Боже мой, думал он порой в такие моменты, неужели впадаю в детство, нет, вроде рановато); а он бы тогда рассказал, как он описывал свою непутевую жизнь, как, не разгибаясь, сидел перед компьютером и писал до изнеможения, как пересыхало во рту, а он время от времени мог только протянуть руку и торопливо выпить стакан воды, не мог терять время, отвлекаться, потому что забывались мысли, фразы и слова под наплывом новых мыслей, фраз и слов; тогда бы он рассказал, как трепетно он перечитывал каждый день написанное накануне, как били в глаза стилистические и орфографические ошибки, но подсознание шептало: «Потом, потом, надо докончить, написать вчерне, болванку, написать сегодняшнюю часть, потом, потом, спеши, спеши», и он спешил, как в лихорадке, писал, как в полусне, чуть не теряя сознания от боли в спине, от боли в го-

лове, от боли в сердце, но и голова, и сердце были переполнены словами и не обращали внимания на всякие там боли, на всякие там мелочи, потому что в данную минуту не было ничего важнее того, что он делал. И если б даже он умер в одну из таких минут, он умер бы счастливым.

Четыре года ушло на игру, он играл, выигрывал, зарабатывал на черный день, но подспудно, почти неощутимо внутри него, в душе его, в уме шла подготовка к возвращению, подготовка к возвращению к писательству, чего он и боялся – страх охватывал все его существо – и в то же время страстно желал.

И вот настал день, когда Азиз с трепещущим сердцем держал в руках свою книгу, отлично изданную, толстенькую, как опрятная, желанная вдовушка, одуряюще пахнувшую типографской краской, красиво оформленную художником, с яркой обложкой и интересными иллюстрациями, рассыпанными по страницам; держал в руках, перелистывал и текст в книге, уже до боли, до рези в глазах знакомый, теперь смотрелся несколько иначе, был каким-то не совсем привычным, не совсем родным, каким-то официальным, что ли, отстраненным, и порой Азиз даже не узнавал свои фразы, слова в книге, но это была попросту магия напечатанного текста, и надо было по привычке, повспоминать... Он полистал, потом посмотрел выходные данные, где был проставлен маленький тираж, как и было заранее обговорено, и он знал, что время больших тиражей миновало, осталось в прежней стране, а еще и потому, что он писал на русском, и книга была издана на русском языке, и это тоже был язык утраченного государства, по которому, надо сказать, Азиз не скучал, не испытывал никакого чувства ностальгии; а на родине у него был свой родной язык, и надо было писать и издаваться на этом родном языке, хотя и тут читателей было немного. Ничего не поделаешь: маленькая страна, маленькая, но любимая, как моя пенсия, – думал он, не утрачивая чувства юмора. Но ничто, никакие мелочи не могли погасить чувства радости, сердце Азиза трепетало, когда он смотрел на свое имя на обложке книги, трепетало, как у мальчишки, впервые встречающегося с любимой девушкой, трепетало, как много лет назад, когда он вот так же держал в руках свою первую книгу. Он рассматривал, перелистывал свою книгу и был бесконечно счастлив, что она получилась, что он написал хороший, интересный роман, продиктованный пробудившимся талантом и настоящим вдохновением, которые он долгие годы стремился возродить. И тут Азиз вспомнил слова героя фильма, почувствовавшего вкус писательского творчества: «Мы все умрем, но за это и умереть не страшно». Так, или примерно так. Да, за это не жалко было умереть. И хоть он ничего не получил за книгу, никакого вознаграждения, никакого гонорара, а напротив – сам оплатил издание романа, все равно, – думал он: «За это и умереть не жалко».

О деньгах он до сих пор серьезно не задумывался. «Как-нибудь проживу, – беспечно и шутливо, не по возрасту несерьезно думал он. – Будет день, будет пища. В крайнем случае, ломану магазин, не зря же я столько лет отсидел...»

И ему самому шутка показалась удачной, и он от души расхохотался, а так как в это время (воскресный полдень, прекрасная погода) он шел по улице, на него стали с опаской оглядываться прохожие. И он остановился посреди людной улицы и крикнул им, оглядывающимся, раскинув руки, в одной – книжка.

– Да! Я писатель! – заорал он на всю улицу.

Тут же сверху, из окна дома, мимо которого он проходил, отреагировали:

– Пошел в жопу!

– Я писатель! – проигнорировав приглашение, еще раз прокричал он, раскинув руки, как крылья, словно хотел взлететь, словно хотел обнять всех, обнять всю толпу, весь этот город, который жил своей жизнью, и которому было наплевать на писателей.

Ушлый издатель, разумеется, нагрел руки на книге Азиза, приняв его за пожилого графомана, тешащего свое честолюбие, издавая книжки, которые никто, кроме

него, читать не будет, но автору было безразлично: каждый зарабатывает, как может, ничего, пускай он немножко обманул меня, что это меняет? Главное вот: то, что у меня в руках, и это может быть именно то, что после меня останется...

Книга заживет своей жизнью, так же, как и первая, которую и через сорок с лишним лет ищут, читают и перечитывают; кто-то будет ругать, кто-то хвалить, к литературе это не имеет никакого отношения, скорее – как правило – имеет отношение к автору, кому-то он не нравится по каким-то не разглашаемым причинам, кому-то – наоборот. Конечно, думал Азиз, не мешало бы сделать небольшую рекламу, чтобы знали, что вышла такая книга, но она ведь, как ребенок, которого родители поставили на ноги и указали путь; не будете же вы делать рекламу своему ребенку: вот, мол, родился, пол, рост, вес... Он идет, растет, крепнет и много чего встречает на своем пути...

А поначалу он хотел посвятить книгу Софье, но потом подумал и... не посвятил. Она, эта книга, была гораздо больше, чем память о Софье, она была попыткой охватить не только любовь, но и всю нелегкую жизнь автора, всю его любовь и нелюбовь, огорчения и страдания, стремление быть счастливым и нежелание быть несчастным...

И, закончив книгу, он решил назвать роман «Игра в покер». Было много вариантов названия, и все они подходили, все вытекали из содержания книги, и пока писалось, все, толкаясь и отодвигая друг друга, кричали: «Я хочу, я хочу быть названием, выбери меня, я лучше всех!». Но большая часть его жизни, теперь, когда он смотрел на неё с высоты своих прожитых лет, напоминала игру, игру в покер, зачастую очень рискованную, но в самом конце он все же оказался в выигрыше. И сейчас он отчетливо видел, как опасна и рискованна была его игра, и очень редко – спокойная, когда на руках оказались сильные карты. Сейчас, вспоминая, как многим он рисковал в своей жизни, на ум ему пришла расхожая фраза, эффектная, эпатажная, но далекая от истины: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского». Он часто и многим рисковал, но шампанское довелось выпить только сейчас, только в последние месяцы, когда работалось до потери сознания; и Азиз был благодарен судьбе за это шампанское, что огнем опалило кровь, разбудило душу его, заставив позабыть о надвигающейся старости... И в то же время эта книга была продиктована мечтами о том, что если бы вернуться назад и все изменить, всё, всё, всё... Только жизнь не книга, и её не перелистаешь вспять, не вернешься к первой главе...

И всё же, всё же...

Жизнь коротка, но это – длинная дорога, если ты занимаешься любимым делом, продлевающим твои дни на этой земле, делом, за которое и умереть не жаль.

На сердце сделалось горячо, заныло сердце, затрепетало, замечталось...

«Сейчас пойду в бар и выпью стакан самого дорогого виски», – подумал он, радуясь, как ребенок.

«И после семидесяти можно начать сначала, – подумал он, – было бы только в твоей жизни то, за что и умереть не жаль».

СЕРГЕЙ ЖАДАН

Я бы рухнул лицом в этот снег

Я бы рухнул лицом в этот снег, если б мог,
пусть он мощным потоком собьёт меня с ног,
чтоб лежал он вокруг, как полуночный фон –
глубокий, как псалом.

Я хотел бы вкопаться в эти поля,
чтобы плодородная, чёрная земля
стала частью моей души,
как становятся океаном дожди.

И когда бы она просыпалась в ночи,
вслушиваясь в мрак за окном, в тиши,
свет высматривая там, где лишь чёрная вода –
я бы любил её и тогда.

Тайного языка росток, в час ночной.
Столько было всего между нею и мной,
что отдал бы я красноречья своего копье
тому, кто любит её.

Я хотел бы почувствовать начало конца
в чертах насторожённых её лица,
в темноте, в коей тонет она на ходу,
в снегу, на который я упаду.

Перевод ЛАЧИНА

АНДРЕЙ МАНСУРОВ

Грозный дракон

(Глава из романа «Подкладка изнанки Ада!..»)

«7.18. При обнаружении систем с планетами типов, перечисленных в пп. 3.4 – 3.19 настоящего Устава, командир звездолёта или лицо, временно исполняющее его функции, обязаны в течение стандартных земных суток поставить в известность Руководство Космофлота с указанием точных координат системы. После этого командир обязан дожидаться прибытия Экспертной Группы и представителя Космоадминистрации и передать в их распоряжение весь полученный материал по обнаруженной системе и планете (...).

7.21. Категорически запрещается при обнаружении систем с планетами типов, перечисленных в пп. 3.4. – 3.19 настоящего Устава, предпринимать какие-либо самостоятельные действия, связанные с высадкой на их поверхность: как любых автоматов для исследования и разведки, так и экспедиций, укомплектованных людьми. (...) Весь сбор первичной информации должен вестись только с орбит, исключающих возможность обнаружением туземным населением присутствия любых средств земной техники и людей. (...)

7.29. Виновные в нарушении пп. 7.18 – 7.28. настоящего Устава несут полную ответственность в соответствии с Параграфом 1583, подпункты а, б, с, д, ф Общегалактического Уголовного Кодекса, вне зависимости от того, было ли нарушение умышленным, или произошло по небрежности. (...) Нарушитель пожизненно лишается всех званий, категорий, льгот и права вождения космических кораблей любого класса. Пенсионное пособие начисляется по категории Зет» (...)

Устав Космофлота, издание 107-е, дополненное и исправленное.

«...вверх, по атласно-бархатистой коже её бедра.

От этой ласки, столь желанной и столь долго предвкушаемой, всё её существо содрогнулось в порыве сладостной истомы... Она, обмякнув в его крепких объятиях, как бы отдалась на волю победителя и лишь тихонько вздохнула.

Этот её многозначительный вздох словно придал ему новых сил!

Она услышала, как он засопел: снова нашёл жадными устами лепестки её влажных и раскрасневшихся от поцелуев губ и впился в них: словно хотел выпить до дна всю её душу! Её сознание вновь отказалось подчиняться трезвому рассудку – как оказалось и воспринимать всю остальную, столь холодную и циничную реальность! Ах, как же хотелось хоть на краткий миг позабыть тяготы и заботы этого злобного и жестокого мира и поддаться приказам его нежных и требовательных губ... Она уже готова всё позволить его сильным и чутким рукам!

А этот завораживающий, шепчущий слова безумной страсти прямо ей в уши голос!..

Да, от этого голоса она оказалась и впрямь – как под магическим воздействием!.. Гипнозом! Вот и сейчас – он продолжал шептать что-то нежное ей в ухо между жаркими и пьянящими поцелуями, а его опытные и смелые руки, живущие словно своей жизнью, делали своё дело: подняли обмякшую и более не сопротивляющуюся Розмари и перенесли в соседнюю комнату, бережно и осторожно уложив на кушетку.

Затем они же принялись споро освобождать пылающее страстью столь долго сдерживаемого желания разгорячённое тело от ненужной и уже мешавшей ей одежды!..

Вот, наконец, эти руки властно и настойчиво проникли туда, куда до сих пор она никому не позволяла даже прикоснуться, и принялись ласкать: так, как она мечтала, видела во сне, столь долго ждала!

Судороги восторга, сладостного предвкушения вновь пронзили её от макушки до кончиков крохотных изящных пальчиков ног... Неукротимый огонь всепоглощающей страсти бушевал теперь так, что, казалось, ещё чуть-чуть, – и он заставит вспыхнуть и одеяло на кушетке, и занавеси, и пол!..

Да и сами древние стены замка! Плевать на всё – лишь бы он ПРОДОЛЖАЛ!!!

– Ну же, ну!.. О-о-о!.. – только и смогла она простонать запёкшимися губами, закрывая бездонные зелёные глаза и впившись ногтями ему в затылок.

И он не разочаровал её! Зарывав, словно тысяча злобных тигров, он чуть отстранился, и она, наконец, почувствовала, как его напрягшийся, словно стальной...»

– Проклятье! – прорывал Джо, тщетно осматривая жалкие остатки маленького томика в поисках продолжения. – Когда я приучу его начинать с начала!

Правда, он знал, что заводить разговора об этом всё равно не будет – ведь это именно он высказался в том смысле, что никогда не станет читать подобный бред!

И ещё добавил, что это, мол, рассчитанная на молоденьких наивных девочек, ищущих неземной любви, и перезрелых старых дев, ищущих уже только разъяснения, чего они по дурости или излишней разборчивости упустили, слезливая и сентиментальная пошлятина! И что – «как это ещё на такое перевели бумагу!»

Вот и приходится теперь держать марку и делать вид, что никогда не читает...

Поворчав ещё и побряхтев, он и сам вырвал пару страниц из несчастной книжонки, размял, чтобы было помягче, и... Использовал по назначению.

Порядок.

Натянув штаны и заправив в них рубаху, он ткнул кнопку конвертера. Тот отозвался привычным довольным урчанием. Ну вот – хоть что-то на этой чёртовой посудине работает, как надо.

Джо всунул ладони в очиститель и покорно терпел, пока чуть ощутимые пары воды и мягкие щёточки промоют ладони и высушат их. Замигал зелёный. Он вынул руки.

Странно. И чего он так завёлся? Или эпизод из любовного романа о псевдорыцарских временах столь сильно распалил воображение?..

Покачав головой и сердито сплюнув туда же – в конвертер, – он вышел из гальяна¹.

Всё, что он думал по поводу отсутствия нормальной туалетной бумаги, он высказал Полу ещё месяц назад, когда обнаружилось, что её запасы иссякли, а его легкомысленный и оптимистичный компаньон проморгал столь необходимый, можно сказать, первоочередной важности, элемент снаряжения для человеческой составляющей их экипажа.

С другой стороны – чёртова туалетная бумага куда дороже дурацких книжон, которые Пол скупал оптом у старьёвщика Майло-марсианина. Так что – ладно, они как-нибудь дотянут до следующего возвращения на базу. В Клайд.

Джо снова усмехнулся – зато вот о не-человеческой компоненте Пол не забыл!

Витамины, песочек, зеркальца, палочки и разнообразные меловые игрушки для Половских любимцев занимают огромную коробку на полке в трюме. И запасов непортящейся зерносмеси в холодильнике им хватит лет на тридцать.

Хотя живут они не больше десяти.

¹ Гальян – туалет на корабле.

Остановившись в кают-компании, где и троим было бы трудно разминуться, Джо с притворным раздражением наблюдал, как двое волнистых попугайчиков поют, и старательно и методично превращают натуральный, а следовательно, и чертовски дорогой каркас своей клетки в мелкую труху, нагло игнорируя развешанные для «зачточки» клювов веточки. Тоже, кстати, от настоящих деревьев! А, следовательно, дорогие – как сиблит.

Распевал бодрые песни, конечно, самец, обращаясь к зеркальцу со своей обожаемой персоной. То, что жена долбанула его полминуты назад так, что полетел пух, несколько не умеряло его энтузиазма и громкости голоса.

Каркас же грызла, само собой, самка. Была бы размером чуть побольше, и можно было бы её использовать, как универсальный измельчитель отходов в конвертере. Или – вместо мясорубки.

Как успел заметить за последние три года совместного обитания на корабле Джо, она отличалась и более склочным характером, и прочным клювом: иногда без всякого повода начинала гонять по всей клетке бедолагу самца. Вот тогда перья и пух летали по всей каюте, забивая решётку климатизатора. Бедный «мачо».

Со стороны – чистый ангел. Даром, что с крыльями! Если бы только не распевал дурацкие бодрые песни пятнадцать часов в сутки. Заткнуть не реально – разве что накрыть плотным тентом на условную ночь.

Впрочем, если быть до конца откровенным, с присутствием на борту попугайчиков со всем комплекующим бараклом Джо вполне смирился. И даже получал удовольствие, глядя, как иногда эти живые датчики нормального состояния атмосферы чешут друг другу в голове и кормят из клюва в клюв, проявляя нежность и трогательную заботу о дражайшей половине, которую лишь полчаса назад уронили на пол и выдрали полхвоста...

Всё-таки – живые существа!

Проверив, хватает ли «придуркам», как он, презрительно кривя рот, называл их при Поле, воды и корма, он прошёл в рубку. Идти недалеко – кораблик у них крохотный, тонн на восемьсот.

Пол, развалившийся в кресле пилота и закинувший ноги в сомнительной свежести носках на главный пульт, читал очередную книгу. Джо отметил, что в кричащей суперобложке этой преобладают зелёные тона – значит, напарничек перешёл от чтения любовного к популярно-историческому. Наконец-то. Потому что обложки деттивов с чёрно-кровавым, или мелодрам – с розовым колером, намозолили глаза до дрожи.

Кресло штурмана скрипнуло под всеми двумястами двадцатью фунтами Джо, приняв, хоть и со скрипом и зудом сервомоторчиков, форму его немаленького зада.

Джо бегло проглядел записи в бортовом журнале, которые автоматически вёл Главный компьютер корабля, выведя его себе на вспомогательный экран. Сделал он это скорее автоматически, чтобы хоть чем-то занять себя: если бы в пучине пространства появилось хоть что-то, заслуживающее внимания, сработала бы звуковая сигнализация. Да и рубка ожила бы включившимися дисплеями обзорных экранов и проснувшимся пультом с главным экраном в полстены, который в таких случаях номинал слегка спятившую Рождественскую ёлочку. Только – плоскую.

Ни-че-го. Сухие цифры на мониторе не сообщали ни о чём интересном.

Вокруг ничего не было, и ничего не происходило. Автонавигатор продолжал методично-привычные поиски ориентиров и совершал полупарсекковые скачки каждые две минуты. Побочные явления гиперпереносов или, как называли их пилоты, «прыжочков», земная наука успешно преодолела полтора века назад. Как и гигантские ускорения – с помощью гравикомпенсаторов. Теперь люди могли позволить себе роскошь свободно передвигаться по кораблю и выполнять любую работу, а не лежать в компенсационном баке с кислородной маской на лице и проводами по всему телу.

– Что, опять кончилось на самом интересном?.. – вполне дружелюбно поинтересовался Пол, оторвавшись, наконец, от книги. На приветливом от природы, хоть и грубовато вылепленном веснушчатом лице сияла милая и как бы наивная улыбка.

Джо, понимавший, что напарничек уж наверняка точно рассчитал, где вырвать, совсем было уже надумал, какую шпильку он отпустит, но вовремя сдержался – заметил нетерпеливые искорки в уголках лукавых глаз. Тогда Джо вполне серьёзно спросил:

– А я тебе никогда не рассказывал анекдот... или не совсем анекдот о том, как оправдали одного мужика, убившего свою жену?

Пол чуть покачал головой, и от прищурившегося Джо не укрылось, как посерьёзнела его мина, и он чуть ли не услышал, как бешено завращались шестерёнки в голове Пола в ожидании подвоха.

Что ж – всё правильно. Когда четыре года почти каждый день видишь и общаешься с каким-либо человеком, поневоле станешь узкоспециализированным психологом! И будешь чутя партнёра, со всеми его слабостями, привычками, тараканами в голове и прочими прибабахами – чуть ли не лучше себя!

Естественно, и тот отвечает тебе тем же.

– Так вот. Когда судья попросил подсудимого рассказать, как всё было, муж сказал, что обожает детективы – вот прям жить без них не может!.. А жена, зная это, на сороковой странице каждого надписала, кто убийца...

Короче, формулировка в оправдательном приговоре звучала так: «В связи с издевательством в особо утончённой форме считать невиновным, оправдать полностью и освободить прямо в зале суда!»

– Ага. Понятненько. Неужели так пробирает?

– Нет. – Теперь уже Джо фыркнул. – Но если ты ещё раз забудешь туалетную бумагу, уже я буду вырывать из книг самые интересные сцены.

– Да ладно тебе! Чтоб узнать, какая сцена интересна, а какая – нет, нужно же вначале прочесть! А тебе же лень!

– Тоже верно. А я сам читать и не буду. Вон: Мать за меня прочтёт. И скажет.

Мать – главный компьютер их корабля, даже не булькнула от возмущения в ответ, как иногда делала. Вместо этого вдруг завывла сирена, и на пульте проснулись и замигали разноцветные лампочки индикаторов, огромный экран прорезался точечками звёзд, и...

– ... твою мать! – Пол даже спустил ноги на пол, – система с планетами!

– Чёрт, – Джо был куда сдержанней. – Похоже, так! Одна – даже с кислородной атмосферой. Мать! Ты уже выводишь нас на орбиту?

– Разумеется. Однако как законопослушный компьютер не могу не напомнить статьи семь восемнадцать и семь двадцать один Космоустава о том, что любые действия...

– Да знаем мы. Пожалуйста, замолчи и работай!

Этим Мать и занялась, лишь, как послышалось Джо, возмущённо фыркнув через трансляцию. Им оставалось просто сидеть и ждать. Иногда вяло переругиваясь.

Собственно говоря, работа космических авантюристов – самостоятельных Предпринимателей – отнюдь не усеяна, как считают романтично настроенные мальчишки, лепестками роз и невероятными приключениями, погонями и сказочными приключениями, хотя именно это назойливо навязывалось дурацкими фантастическими фильмами и книгами – как древними, так и современными.

На самом деле девяносто девять процентов времени уходит на сон, еду, ремонт и... Просиживание штанов в кресле, где ты нужен – как экскаватор в сауне. Поскольку всю работу делают Главный компьютер и встроенный в него Астронавигатор.

А человек – лишь хрупкий и медлительный придаток к этим великолепным механизмам. Вечно скучающий, слоняющийся из отсека в отсек, работающий на трена-

жёрах, чтоб не лишиться окончательно мышц, и иногда вяло переругивающийся с напарником... Пока корабль делает своё дело.

И делает – на совесть. Поскольку по-другому и не умеет.

Вот это и называется «романтикой свободного поиска».

Понятно, что в таких условиях от психологической совместимости двух обязательных членов экипажа (а именно с таким минимальным числом людей разрешает летать чёртв Космоустав! Потому что без «живого» общения космическая «шиза» косит буквально за два-три года. А вылечить её не смог пока никто. Ни в одном «дурдоме») зависит не то что слаженность действий, а и жизнь!

– Рассказывай. – Джо рассматривал планету, которая теперь занимала почти половину огромного экрана. А что: симпатичная планета. Перистые облачка кое-где перекрывают очертания не то – континентов, не то – больших островов. А вообще-то площадь океана явно намного больше, чем на родной старушке-земле...

– Расстояние до местного солнца – одна и две десятых астроединицы. Сутки составляют двадцать шесть часов. Крупных спутников нет. Гравитационный индекс – один и ноль три стандартного. Давление атмосферы – семьсот восемьдесят три миллиметра ртутного столба. Кислород – двадцать два и четыре десятых процента. Остальное – азот и почти так же, как на земле: пары воды, криптон и прочие благородные в виде тысячных долей. Ну, и углекислый газ. Среднесуточная температура у земли – восемнадцать Цельсия.

– Понятненько. Что там с зондами? – это, потирая руки в предвкушении, влез Пол.

– Включаю картинку.

На боковых мониторах возникла вначале дёргающаяся и расплывчатая, но быстро стабилизировавшаяся картинка с первого, а чуть позже – и второго зондов.

– Сканеры показывают присутствие живых организмов. Кролики. Олени. Птицы. Мыши. Насекомые. – Мать выводила на экран укрупнённое изображение того, что захватили сканеры – в схематичном виде, голубыми голографическими линиями.

Ну, и ни фига они от земных, привычных, не отличались.

– Хорошо. Значит, жить можно. Как насчёт людей?

– Пока – никак. Живых нет.

– Как это – живых – нет?! Ты на что это намекаешь? Что остались только мёртвые?!

– Нет. И мёртвых не осталось, – голос компьютера, как всегда, был мягок и спокойно-нейтрален. – Все давно рассыпались в прах. Если точнее – три тысячи девятьсот лет назад. Вот, вывожу на центральный то, что сохранилось из архитектуры.

На центральном возникли руины – судя по планировке, огромный когда-то комплекс. Сейчас белеющий невыгорающим мрамором обвалившихся колонн и обрушившихся стен и балок потолков. Травы и кустов вокруг, как обычно, росло полным-полно. Спасибо, хоть джунглей, как в Южной Америке, не имелось. А то там до XX века необнаруженными оставались пирамиды высотой с небоскрёб...

– Похоже на храм. Нет, на храмовый комплекс.

– Нет, Пол, – Джо пригляделся внимательней. – Больше похоже на древнюю крепость. Смотри: стены поистине циклопические. – Действительно, комплекс руин окружали неровным угловатым овалом когда-то высокие и толстые, а сейчас лежащие пологими валами-холмами стены из метровых блоков. – Мать, что за материал у стен периметра?

– Известняк.

– А у зданий?

– Мрамор. Гранит. Базальт.

– Чёрт. Понятно, почему стены обвалились, а здания хоть как-то, но – стоят. И что, на других островах такие тоже есть?

– Нет. На других островах даже следов глинобитных хижин не видно. Я засекала орбиты только это. И только на самом большом острове.

– Отлично. Готовь челнок. Мы вылетаем сразу после обеда.

– Не могу не напомнить, что...

– ...пункты Космоустава с семьёю восемнадцать по... И прочее. Хватит бубнить. Накрывай на стол и направляй челнок.

Вблизи руины производили странное впечатление.

Размером. Монументальностью. Объёмом вложенного труда. Блоки защитных стен оказались ещё больше, чем Джо показалось с орбиты. Колонны имели добрых три шага в диаметре. Когда Храм стоял целым, наверное, достигал десятков метров в высоту и чуть не сотни – в длину. Колоссальная была построечка, ничего не скажешь.

Однако поживиться оказалось абсолютно нечем. Джо и Пол все ноги сбили, обыскивая выступающие на поверхности обломки и кирпичи, но даже завалящей древней пуговицы не нашли – тут и их мощные металлоискатели оказались бессильны: похоже, сгнило и проржавело всё.

– Не повезло, блин... – Пол, с лица которого тёк пот, снова выругался. Джо было плохо слышно космослэнг – маска глушила слова. Он и сам с защитной нащёпкой на носу и рту напоминал себе тарбийца – словно лысый урод с вытянутой мордой.

Мать соизволила сжалиться:

– Может, вам интересней будет ознакомиться с данными гамма-сканирования?

Джо откинул рамку планшета на рукаве. Возникло голографическое изображение храмового комплекса. Затем оно повернулось, став боком, и под храмом обозначился наклонный коридор, уводящий чуть не на километровую глубину.

Разглядывая тонкие линии голограммы, Джо подумал, что общение с ними не проходит даром: компьютер буквально издевается. Вначале ждёт, пока они устанут, как собаки, а затем преподносит то, что давно выяснил с помощью аппаратуры зондов.

– Мать! Ты – настоящая свинья! Почему не сказала сразу?! – Пол фыркнул от возмущения. Джо благодушно помалкивал. Поймать Мать на прямом издевательстве не удавалось никогда. У неё всегда есть «разумные» оправдания:

– Я обнаружила этот ход лишь две минуты назад. Потому что до этого зонд с гамма-сканером обследовал по вашему же приказу соседние острова архипелага. На предмет пещер и бункеров. И никакая я не свинья. Я – самообучающийся и послушно выполняющий приказы компьютер восьмьсот тридцать второго поколения.

Джо заржал. Пол насупился. Потом тоже хохотнул:

– Ладно, извини, Мать. Не хотел тебя обидеть. Покажи, где вход.

Чтоб попасть в узкий и тёмный проход со стёртыми и осклизлыми ступенями, всё равно пришлось разобрать приличный завал. Хорошо, что импульсная пила позволяла легко разрезать самые крупные обломки на приемлемые куски. Оттаскивали руками. Экзоскелет для таких работ подходил, конечно, лучше...

Да только вначале хорошо бы починить его. А нет запчастей. А на них – уже нет денег. А денег нет – потому что нет добычи. А добычи нет... Потому что не везёт. Ну, бывает и такое в «романтической» жизни авантюристов-космопроходчиков. Редко, но бывает. И довольно часто.

Фонарь и камера на плече предопределили порядок спуска: Джо двинулся впереди, освещая проход шириной меньше шага и в высоту – только пройти, не царапая макушки, шумно дыша и оставляя через каждые пятьдесят метров микроусилители для связи. Их он просто вынимал из кармана и кидал на пол. Вернее – на ступени. Запачканные, скользкие, раскрошившиеся не то от времени, не то – от частого пользова-

ния. Пол опять ругался.

Затем, когда Мать сказала, что они подходят к центральной камере, Джо приказал напарнику прекратить и это – мало ли... Ещё обрушится свод. Или какая змея выползет на шум: посмотреть, нельзя ли поужинать двумя глупыми землянами...

Камера не поразила. Ни размером, ни убранством.

Полукруглый свод, как и коридор, оказался высечен в граните. Украшений никаких не имелось. Стены даже не отшлифовали – так и оставили грубую угловатую поверхность, носившую явственные следы долот и ломов. Однако в противоположной стене круглого помещения имелся ещё проём – похоже, в соседнюю камеру. Убедившись, что в первой комнате взять решительно нечего (поскольку, кроме пыли под ногами, в ней ничего и не было!), прошли во вторую.

Ух, ты!

Здесь, в центре, имелось возвышение. На нём красовался настоящий каменный саркофаг. Высотой Джо до пояса и длиной в три шага.

Стены же камеры покрывала затейливая резьба – высечены были явно сцены жизни и быта расы, очень даже напоминавшей людей.

– Пол. Посмотри, что в саркофаге. Только близко не подходи. Я пока обойду стены. Может, Мать что сообразит по истории этих ребят. – Джо двинулся в медленный обход тоже круглого помещения по периметру, следя, чтоб камера на плече не тряслась и свет падал, как надо. Сам он тоже, конечно, пытался вникнуть.

Вот люди явно сеют. А вот – жнут. Пшеницу? Похоже. Вот – печи. А, нет, не для выпечки – в них нагревают что-то, что потом... Куют. Металлические орудия, стало быть. Вот здесь видно, что Храм величественно возвышается – действительно, метров на двадцать: люди рядом не достигают и десятой доли его высоты... А люди-то... Поклоняются. Во всяком случае, многие стоят на коленях и что-то протягивают вперёд: не то – дары полей, не то – изготовленные орудия, не то – убитых оленей.

А вот и предмет их поклонения: из входного отверстия наполовину высунулся...

Дракон?!

– Джо. – Только сейчас Джо осознал, что пауза уж слишком затянулась: Пол давно должен был увидеть, что же там – внутри. – Я думаю, тебе лучше самому взглянуть.

Джо сердито фыркнул:

– А то я и так не знаю, что там. Яйца.

– Точно! – в тоне напарника звучали и восхищение, и даже страх. – Но откуда ты?!..

– Нетрудно догадаться. На трёх картинах-рельефах толпа поклоняется боже-ству в виде дракона. Причём дракон показан так, словно его высекали с природы – чертовски реалистично, я бы сказал. Ну, а поскольку единственное полезное, что «производит» дракон, кроме «продуктов физиологических процессов», это – яйца, я так и подумал...

– А вот интересно – подумал ли ты, что они до сих пор живые?!

– Что?! – Джо, убедившись, что всё отснял, поторопился подойти и встать рядом с Полом. – Ух, ты! А ведь верно, будь оно неладно! Вот эта хрень, – он ткнул пальцем в массивную плиту из жёлтого металла, – наверняка что-то вроде индуктивного инкубатора. Ну, или аппарата поддержания жизнедеятельности! И зелёная полусфера – похоже, какое-то поле... Мать! Где тут аппараты для всего этого безоб-разия, и откуда подводится энергия?

– Поводи ещё сканерами вокруг и по саркофагу.

Джо так и сделал. Даже вокруг обошёл. Мать вроде как вздохнула:

– Энергия не подводится ниоткуда. Аппаратов жизнеобеспечения нет. Ну, во всяком случае, таких, что я могла бы обнаружить. Так что, как работает эта «хрень», не знаю.

– Мать! Слышать от тебя такое!.. Сердишься?

– Да. Сержусь, что не могу разобраться.

– Ладно. Тогда попробуй перевести эту штуковину. Я думаю, это как раз инструкция, как и что работает, и что с ней делать. – Пол указал на таблицу, высеченную прямо на внутренней поверхности дна саркофага, рядом с четырьмя крупными розовыми, и по форме напоминавшими казуарьи яйцами.

– Хм-м... Слишком мало слов. Точно перевести не смогу.

– ...рен с ним, давай неточно!

– «Нашедшему этот... скорее всего, всё же – саркофаг. Просим поместить эти яйца в тепло живого тела и, когда дети Баа вылупятся, выпустить их на поверхности».

– И... Всё?

– И всё.

– Чёрт. Ну, ладно – ты. Ты у нас владеешь девятьсот тридцатью семью основными языками Галактики, и ещё примерно одиннадцатью с половиной тысячами диалектов. Да и программы расшифровки как раз для такого случая у тебя самые продвинутые... Но не могли же эти балбесы, будь они неладны, рассчитывать, что сюда прилетит кто-то на космическом корабле и будет расшифровывать их тупое «послание»?!

– Нет, конечно. Они рассчитывали явно на кого-то с соседних островов. Или архипелагов. Восстанавливая недостающую информацию по методу Шерлока Холмса (хе-хе!..): местная, ну, то есть – этого острова, Цивилизация подвергла воздействию некоего глобального, но избирательно действующего катаклизма.

Что это было – не знаю. Но раз живы олени-птицы-мыши-комары, что-то, вряд ли связанное со всеобщей экологией. Скорее всего, как это в технологически развившихся, а нравственно – нет, Социумах, бывает, выдумали что-то специфическое, некий протовирус, или бациллу, или ещё чего на генетическом уровне.

Словом, лишь люди и драконы погибли.

– Хм-м... Правдоподобно. Зная людей. И... Прискорбно. А вот скажи, как они исхитрились поддерживать режим сохранения яиц без аппаратов жизнеобеспечения?

– С вероятностью девяносто один процент – с помощью волшебства.

– Чего?! – даже Пола проняло.

– Волшебство. Магия. Сверхсилы. Согласно определению в «Большом Вебстере» сорок второго издания, магия – это воздействие на предметы и людей не известными науке способами. Раз аппаратуры нет (а её нет точно!), энергетические поля может поддерживать заклятье, мобилизующее особым образом атомы металла плиты. Берущей энергию из воздуха. Или этого саркофага. Или стен. Во всяком случае, это я так понимаю ситуацию.

– А знаешь, звучит правдоподобно... – Джо ткнул локтем собиравшегося было возмущённо «выступить» Пола. – На Лимбусе-шесть мы, вроде, сталкивались с подобным.

– Угу. Чёрт, верно. Только они там желают сохранять вечно – своих сложных штабелями в подземельях «славных предков». Но методика наложения заклятий, наверное, схожа. Мы принимаем твою версию, Мать. Правдоподобно. С вероятностью девяносто один...

– А теперь ты нам вот что скажи, – перебил Джо. – Если яйца извлечь и пригреть об... хе-хе... «живое тело», они что – и правда оживут и вылупятся?

– Не вижу к этому никаких препятствий. Разумеется, если один из вас захочет таскать такую штуку на животе. Или ягодицах. Под одеждой. Тогда площадь нагрева и теплоизоляция окажутся достаточными для...

– Хватит! Я просто так, гипотетически, спросил! Не думаешь же ты, что среди нас и правда найдётся идиот... – Джо заткнулся, обнаружив, что Пол уже извлёк одно из яиц и пристраивает, расстегнув комбинезон, на животе. Но среагировал быстрее,

чем Пол успел взять и второе:

– НЕ ТРОГАЙ, твою мать!..

– Почему это?!

– Блин горелый... Раз уж так хочется стать «отцом» – фиг с тобой, я не буду сильно возражать... Давно мечтал посмотреть на дурь, которая тебя, наконец, прикончит... Или хотя бы образумит. Но! Ты вначале одного «высиди». Потом – выкорми. Воспитай. Посмотрим, как и что. Может, придётся куда-нибудь лететь и искать ему на обед девственниц. Или убажывать неземной музыкой... Я хочу сказать, ты уже сделал глупость. Ну так не увеличивай её четырёхкратно!

– М-м-м... Пожалуй. Тем более, что яйца уж больно здоровые. Все четыре я на животе точно не поместил бы. Пришлось бы обвес какой придумывать. Для ягодич.

– Могу себе представить, – фыркнул Джо. – Ты бы ещё перьев в ...опу навтыкал. Для правдоподобия.

– Пошляк был, пошляк и остался. Ещё и чёрствый. Одно слово – чурбан с глазами. Где же твоя гуманность? Любовь к живым созданиям? Ну, зверушкам, то есть?

– Испарилась. На Бандоме-три. Когда мне отгрызла полруки зверушка чуть поменьше, чем тут, на картинках. А ведь как мило выглядела. Пушистая, большеглазая. Улыбалась. Как бы. Ладно, хоть протез выглядит, как живой. – Джо потряс перед носом Пола искусственной кистью.

– Нет, ну я же не совсем идиот. Я не позволю штуковине с морскую свинку ростом отгрызть себе полруки! Да и этот... Как его... Инстинкт. Говорят, что то существо, которое при вылуплении первым видит птенец, и является для него матерью. Ну, или отцом. И птенец везде за ним ходит, как пришитый. И учится всему...

– Насчёт морской свинки, конечно, верно... Но он же вырастет. – Джо махнул рукой на барельефы. – Ладно. Я посмотрю, чему, кроме просиживания штанов в кресле и ковыряния в носу, ты сможешь бедняжку научить.

– Да ладно тебе. Думаю, учить «бедняжку» не надо будет: он и сам должен всё уметь! Инстинктивно. Зато представь, сколько бабла можно выручить, если продать в Нью-Йоркский Ксенолэнд настоящего огнедышащего дракона!

На третье утро Джо разбудили истошные выкрики и ругань, доносившиеся из каюты Пола. Сильно пахло горелым пластиком и тряпьем. Джо, мстительно улыбаясь (про себя!) и схватив огнетушитель, ринулся в бой.

Примерно как поле битвы каюта напарника и выглядела!

Когда затушили тлеющие остатки комбеза и простынь, Джо сердито буркнул:

– Матрац будешь покупать из личных средств. Ожоги помажь Ринолоном – он в аптечке. Я пока посижу с твоей «крошкой». – на всякий случай раструб огнетушителя смотрел «крошке» в пасть.

Правда, когда Пол выбежал, постанывая и прикрывая наготу рукой, Джо поспешил огнетушитель отложить. Потому что стало стыдно.

Потому что уж больно расстроенной выглядела кроха.

Милая. Симпатичная. Глядя в невинно-умильные глазки, можно было подумать, что она опечалена тем, что слегка поджарила «папочку». Или Пол предпочитает, чтоб его величали Мамочкой? Блинн...

Сам Джо уже обжёгся на паре таких «милашек» – одна отгрызла ему полруки, вторая плюнула ядовитой слюной, да так, что глаз еле-еле спасли лучшие доктора ксеногоспиталиа на астероидах. Так что к чешуйчато-кожисто-перепончатому «птенчику» он близко не подходил – хоть тот от носика до кончика хвоста не превышал руки, – а присел на поставленный напротив кровати стул и стал просто наблюдать.

«Птенчик» на неуверенно ступавших крохотных лапках ползал по сохранившемуся пружинно-проволочному скелету матраца и жалобно поскуливал, принюхиваясь.

Ага – вот в чём дело! Остатки булки, сыра и сухарей просто подгорели до черноты, поэтому он их сразу и не узнал! Видать, кроха-то... Голодна. Собственно, этого и следовало ожидать! Только вот сухари, сыр или молоко вряд ли ему...

Подумав, Джо встал и сбежал на камбуз. Кусок натуральной телячьей вырезки они приберегали для праздничного обеда. Если удастся найти что-то потенциально очень дорогое. Но сейчас, похоже, малышу мясо нужней. Да и не едят те, кто вылутился из яиц – молока.

Джо отрезал виброножом кусочек с палец. Подумал. Отрезал ещё три. Положил возле уродливой мордочки. Но так, чтоб держаться на безопасном расстоянии!

Ага. Всё верно. Дракончик, принявшись и потыкавшись мордочкой, с вожделением смешно не то – завыл, не то – зарычал и выпалил в кусочки мяса огненной струёй. (Хорошо, что Джо догадался положить их на кварцевый поднос, тоже захваченный из кухни! Впрочем, если б и не захватил, хуже Половской кровати от этого всё равно уже не стало бы. Вот и пусть спит теперь на стальном поддоне...)

Ах, вот чего малышу не хватало – запаха жареного мяса! Наверное, инстинкт велит поджаривать всё, что попадёт в поле зрения, и проверять – тот ли запах? А сейчас, посмотрите-ка: детёныш уплетает так, словно неделю не кормили! Джо хмыкнул. На третьем куске малыш немного притормозился. Похоже, насытился. Раскатисто рыгнул. Закатил хитрые глазёнки-бусинки. Однако кусок доел. И четвёртый прикончил. К этому времени вернулся Пол. Комбез ему пришлось одеть старый и грязный.

Джо буркнул:

– Фу! Тебе должно быть стыдно! Тоже мне – отец. В каком виде ты являешься перед отпрыском!

– Верно, верно. Потом переоденусь. Когда постираю запасной. Как он тут вёл себя?

– Дядю слушался, не шалил. Почти. Я скормил ему грамм двести лангета. Поджарил он его сам. Похоже, он может есть и сырое. Но проверяет на запах. С помощью огня.

– Да-а?! Ух, ты! Вот уж о чём бы я не подумал, так это о мясе... Хотел дать молока и сухарей. Но ты, конечно, прав. Крокодильчики тоже едят то, что поймает мать. Или – сами. Мясного.

– Вот именно. Поэтому придётся послать челнок с дроидом – пусть завалит какого-нибудь оленя. Или кроликов настреляет. У нас на борту натурального мяса – килограмма два. Слишком дорого оно, знаешь ли, для двух небогатых космопроходчиков!..

– Нет, погоди! Горючее же для челнока обойдётся дороже!

– А вот это ты хорошо сказал. Значит, стоимость горючего тоже вычтем из твоей доли!

К вечеру дракончик прикончил лангет, и Джо пришлось заняться разделкой двух туш оленей, которых привёз чёртов дроид. Тоже мне, охотничек ...ренов: Джо еле обрезал всё испорченное сгоревшее мясо возле ран-дырок от струй лазеров, в которые пролез бы кулак. Однако мяса получилось килограммов шестьдесят. Нормально. Хватит надолго.

Как наивно думал Джо. Пока не пришлось самому кормить дракончика на следующее утро: провозившийся и проусюсюкавшийся с малышом всю ночь Пол запросился отоспаться. Каюта напарника теперь ещё больше напоминала поле боя.

– По потолку он, что ли, тебя гонял?!

– Нет. По потолку он бегал сам, а я только успевал носиться за ним с подушкой: всё думал, сейчас грохнется! Ушибётся...

– Грохнется он, жди. Он летает получше десантного бота. – Джо еле увернулся от пикировавшей сверху штуковины, захлопавшей при приземлении на пол пере-

пончатыми крыльями. – Мяса-то хватает?

– Похоже, нет. Только что он осилил кусочек с доброго цыплёнка.

Джо, пока Пол ушёл отсыпаться, пригляделся к дракончику внимательней.

Дракончик у них подвижный. Вон как резво припустил из угла в угол: погнался за своей тенью. А сейчас катается на спине – чешется. Надо же – прямо котёнок. Или – щенок.

А что: и правда – симпатичный. Поджарое тело в чёрно-коричневых чешуйках. Изыщная длинная шея. Хвост, который малыш иногда, словно играя, складывает кольцами. Да и лапки уже не кажутся беспомощными – вон как лихо разрывают обивку подушки! Похоже, малыш опять проголодался: подошёл к сидящему снова на стуле Джо и, попискивая и взрёвывая, потёрся шеей о штанину комбеза. Хм-м... А глаза-то... Выразительные. В них явно – просьба. Ну, как не дать?!

Пришедший вечером Пол присвистнул:

– А кто тут говорил, что дитё нельзя перекармливать, а то у него будет несварение?

– Ну, я говорил. – Джо понимал, конечно, что нельзя кормить всегда, когда малыш просит... Но Полу же в этом не признаешься! Заприкалывает. – Но похоже, с метаболизмом у него... Какой-то он уж очень ускоренный. А само дитё резвое – только успевай выдёргивать из пасти явно несъедобную фигню. Кстати, извини за будильник. И тумбочку.

– Да ладно – вычтем, как ты говоришь, из твоих. А насчёт метаболизма... Да, пожалуй. Но то, что когда я уходил, в малыше был всего метр, а сейчас – два, точно виноват ты!

Джо не нашёл возможным отрицать очевидного факта.

Дракончика решили назвать Питером.

К концу третьего дня резвящийся, словно жеребец, Питер гонял малого и большого дроидов, «выряженных» Матерью в голопроэекцию кролика и оленя, по всему кораблю, и от струй огня по всем стенам оставались закопчённые чёрные полосы. Дракончик, однако, всё чаще попадал, за что дроиды давали ему заранее приготовленное мясо...

Джо и Пол, бегавшие позади питомца, только успевали орать: «Фас!», «Так его!», «Молодец, Питер!»

Но громче всех орала попугайчики, пока их не вынесли в грузовой трюм и не заперли. Однако подпалённый хвост самца немного отрезвил Джо – а то уж он было совсем присоединился к «усюсюканью».

– Нам пора подумать, как бы вернуть Питера домой, пока он ещё помещается в челнок! Да и весит он теперь... С полцентнера! А уж когда поднимается на задние лапы, чтобы облизаться. – Джо как раз отбивал (не слишком, впрочем, активно – скорее обозначал, что сердится!) очередную атаку хлыстообразного языка и ухмылялся на радостное поскуливание, – я лично на ногах с трудом удерживаюсь!

– Знаешь, как-то он подозрительно быстро растёт.

– Мать! Что там с метаболизмом этого слюнявого паршивца?

– Активней вашего в семь целых, девять десятых раза. И усвояемость продуктов на двадцать три процента больше. Он приспособлен к повышенному содержанию кислорода.

– Понятно. Благо, кучи за малышом убирает Пол. – Джо хохотнул и снова серьёзней. – И какого же он будет размера, когда рост закончится?

– В холке (если мне позволительно применять такое измерение не к коню или псу) – пять метров. В длину – восемнадцать. Рост закончится (ну, при условии своевременной и полноценной кормёжки!) через пять месяцев.

– Ну, нет! Тварюга такого размера у нас на «Ночном ястребе» не поместится! Да и еды... Мы – не рефрижератор, чтоб вместить столько мороженого мяса! Пол! Предлагаю немедленно отвезти дракончика на родину. Так сказать – домой.

– А мы же вроде собирались...

– Фига с два! Я не полечу на корабле с хулиганистым игривым паршивцем, который налетает изо всех углов одновременно и шершавым языком может запросто повертеть дырку мне в щеке! Он, наверное, думает, что охотится. Хватит, Питер! Фу, говорю, бессовестный дракон! Зализал всего... А нам бы надо показать ему в реале, то есть – на планете, на кого ему нужно будет охотиться.

– Да как ты можешь!.. Ведь он такой нюска... Ух, ты, моя прелесть! – Пол обхватил дракончика за сильно потолстевшую шею. Тот в ответ довольно заурчал, привстал и умудрился завалить Пола на спину. После чего от языка досталось и Половскому лицу.

– Ну, ладно. Твоя взяла. – Пол, уставший куда больше напарника за эти всего три дня, сопротивлялся предложению Джо не слишком сильно, – полетели. Только вот ещё что. Если мы не хотим, чтобы он снова «вымер», нужно «высидеть» и остальные яйца: вдруг там найдутся и самки?

– Мать! Найдутся там «вдруг» самки для нашего «нюски»?

– Что значит – «вдруг»? Я уже проверила. Остальные три яйца и содержат самок!

– А... Почему такая пропорция – один самец на три?..

– Это просто. Были бы два самца – они всё равно дрались бы до тех пор, пока не остался бы один. Сильнейший. Так в природе у многих животных – те же олени, моржи, быки, львы... А тут – рассчитано, что три самки быстрее восстановят этот вид.

– Н-да, пожалуй... Хотя... Им обязательно драться?

– Нет. Если территория для снабжения пищей окажется достаточно велика, не обязательно. Ну, то есть – им нужно пространство. Охотничьи угодья. Территория для популяции, словом.

– Уговорили, ладно. А как мы его в челнок-то заманим?

– Вот уж проблема! – Джо прошёл в камбуз и отрезал от остатков туши в холодильнике здоровенный кусище. – Питер! Ко мне, малыш! Дядя Джо даст чего-то вкусенького!..

Как ни странно, но научить Питера охотиться на настоящих кроликов оказалось нетрудно. За что Джо поблагодарил Мать: реалистично воссоздала псевдотела.

Непуганные зверьки даже не поняли вначале, что резво галопирующую штуковину размером с пони нужно бояться: струи огня настигали кроликов быстро и точно! (Вот уж когда Джо порадовался, что они с Полом догадались одеть на двоих асбестовые чехлы!)

На пятый день с момента «высидки» Питер отчалил. Похоже, отправился охотиться в дальний лес. Да и хорошо: они занялись оставшимися яйцами. Два пристроил снова у себя на пузе Пол, одно согласился «принять на грудь» Джо.

Самки выглядели, конечно, не столь представительно: у них не было ни шипарного гребня на голове, ни столь могучих передних лап.

Однако лангет они поглощали с не меньшим аппетитом.

Назвали по предложению Пола – Мими, Люси и, разумеется – Розмари...

Больше всего Джо боялся, что воссоединение не обойдётся без драки или недоразумений.

Однако прилетевший на свист Питер есть «девочек» не спешил. «Ну, так – не идиот же!» – как гордо заявил трёхкратный «отец». Джо всё удивлялся: в драконе

уже было «в холке» побольше его роста – два метра! Правда, теперь он обниматься не лез, а просто вылизал им лица и перенёс внимание на самочек.

Джо не удивился, когда после обнюхивания Питер рванул в ближние заросли и через пару минут притащил в пасти трёх кроликов. «Дожарили» их «девочки» сами...

Через три дня напарники прилетели прощаться.

Питер на зов явился, девочки – нет. Дракон облизал друзей, как обычно. Джо собрался с силами:

– Питер. Мы прилетели попрощаться. Нам... Пора домой. Прощайте, дети!

Он не ждал, что Питер ему ответил. Однако тот вполне явственно ответил. И Джо не удивило, что голос звучит в мозгу: а дракон-то – телепат!

– Дядя Джо! Папа Пол! – после чего питомец хитро посмотрел на них обоих искоса. – Я понимаю. Ведь я же вижу, что мы очень... Разные. Значит, вы мне – не родные. Но воспитывали даже лучше, чем родных! Спасибо, что помогли нам вылупиться и встать на крыло!

Наш род никогда вас не забудет!

Прилетайте снова, когда захотите – мы вам всегда рады!

Джо, отдышавшись, ответил за них двоих – Полу как раз что-то в глаз попало:

– Спасибо, Питер! А ты нам теперь и правда – родной. И как я рад, что мы не стали осторожничать, а высидели вас! Удачи вам в возрождении Рода! – они с напарником не придумали ничего лучше, как пообнимать чешуйчатого статного красавца за шею и грудь.

– Угу. Спасибо за все! Ну, счастливо, па, счастливо, дядя!

Когда машущая крыльями размахом в полчелнока громада скрылась за кромкой леса, Пол оторвал взор от неба. Протер глаза. Вздохнул. Джо и сам чувствовал сжимающие сердце волосатые когтистые лапы... Печаль.

Хотя, чего бы им печалиться?! Они сделали доброе (наверное!) дело. Драконы продолжают царить на этой планете. А вот люди...

В наушнике послышался голос Матери:

– Люди, насколько мне удалось расшифровать барельефы, – не местные. Они или прилетели... Или их привезли сюда. Раса драконов – аборигены. И их культура не строилась, как у людей, на материальных изделиях или архитектурных конструкциях.

– Почему раньше молчала?

– Не хотела вас расстраивать. А сейчас вы и так расстроены – дальше некуда.

– Ах, ты, психолог доморощенный! Ну, как на неё обижаться?! – Пол повернулся к Джо. – Права ведь!

– Н-да, точно. Ладно, полетели. Заглянем сюда лет через восемнадцать, посмотрим, как они тут.

– Вот-вот, посмотрим... Если живы останемся. Жаль только, что, кроме приятных воспоминаний, так отсюда ничего и не добыли...

– Это вы, папочка Пол, ничего не добыли. А вот дядя Джо и тётя Мать озаботились разжиться волшебной плитой. И если наши учёные смогут «расколоть» механизм её действия, с отчислений за патенты мы сможем безбедно...

Не восемнадцать, а все семьдесят!

ИГОРЬ ЕРОФЕЕВ

* * *

Спят укрытые туманом
одинокие поля.
Листья старые теряют
вековые тополя.
Плёт, утратив краски лета,
за левадами грустит.
Бог с притихшими звездами
еле слышно говорит.

Огонёк горит украдкой
на околице села.
Церковь с утренней зарёю
обнажила купола.
И пьянящей тишиною
дышат реки и леса,
И на землю опустились
молодые небеса.

* * *

Стены холодного цвета,
медленный фон дорог.
Изморозь нового света,
дом до трубы продрог.
Грустные лают собаки,
ломкое бьёт бельё.
Снега глубокие знаки,
скользких столбов цевьё.

Всё ли зимою в белом?
Белая ли зима?
Стынет покорным телом
смёрзшаяся страна.
Белее зимой горячка,
зависть зимой белей,
с белым лицом морячка
весточки ждёт с морей,

белые спят невесты,
белая вдоль тюрьма,
белому мало места,
в белом сойдёшь с ума,

белые стёрты пятна,
белый искрит мороз...
Кто-то ступает смелый
в белом венце из роз...

Чистые ждут берёзы.
Частые жгут огни.
Белые электровозы
тянут вагонов дни.
Выгнуты белым реки,
снега сечёт крупа.
По-чёрному не устали
белую пить пока.

Крестные вереницы
в белую врыты твердь.
Будет опять глумиться
белая с виду смерть.
Белых берёз халаты,
белых лесов холмы...
В белом лежат солдаты,
которых убили мы.

* * *

Синий – не только цвет, это долгая сущность неба,
из синего скроен мир, синим болеет небыль,
Синее есть везде, и даже за линией фронта,
синее – память глаз, синее – до горизонта.

Синее есть в крови и в каждой клеточке кожи,
оно в каждом кадре кино, да и в сценарии тоже.
Синее навсегда, синее пахнет полем,
синим живёт вода, синее лечат болью.

И иней бывает синим, только тот, что на проводах,
синим дышит живое, синее спит во льдах.
На синие фишки ставят, в надежде не проиграть,
солнечного приказа ждёт васильковая рать.

От синего тонет море, синим страдает смерть,
в каждой Пегаса строчке – синяя круговерть.
В синей тревожной дымке светятся города,
на крыши падает с неба синих дождей слюда.

Мы ничего не знаем про синие голоса,
что где-то есть синие горы и карликовые леса.
Синее занимает даже призрачные места,
подвластно оно лишь взору радужного Христа.

* * *

**Безнадёжье, бездорожье –
ни проехать, ни пройти:
колеи да буераки,
быть беде, как ни крути.**

**Заблудившись, отрезвели,
не пройдя и полпути, –
хоть бы лай какой собаки,
хоть бы лучик впереди.**

**А кругом – глухое поле,
сотни звёзд в ночи подоле
освещают торный путь:
мы придём... куда-нибудь.**

**А пока меня неси
ветерок по небеси,
где Господь сам наблюдает,
как бедуют на Руси,**

**как теряются и плачут,
терпят как и горько пьют,
но любовь в душе заначат
и по памяти живут.**

**Даже будь за всё в ответе,
даже не попав в струю,
я б из всех красот на свете
выбрал Родину мою.**

Живёт в г. Черняховск, Калининградской области. Член Союза журналистов и Союза писателей России, редактор литературно-краеведческого альманаха «Берега Анграпы». Входит в редакционный совет журнала «Берега» (Калининград). Модератор и соорганизатор международных литературных конкурсов: имени Твардовского «За далью – даль», конкурса-фестиваля «Русский Гофман», конкурса фантастического рассказа «Прыжок над бездной».

АЛЕКСАНДР ХАКИМОВ

КРАСНАЯ РУКА РОССИЙСКОГО КИНО

*(розыгрыш; безумие; гонка;
чем еще характеризуется современный кинематограф?)*

ВЕЧЕР С MOCKUMENTARY

Намедни в Центре современного искусства **YARAT** прошел необычный киносеанс... вернее, вечер, сопровождающийся киносеансом... По мне, так все без исключения вечера, проходящие в **YARATe**, интересны, но этот был выдающимся во всех отношениях: нам не только удалось просмотреть необыкновенный фильм, но и пообщаться – дистанционно – с его создателем, режиссером Федорченко. Но, чтобы мысли мои не приняли слишком уж встрепанный характер, давайте по порядку, и тогда все будет ясно, как Божий день.

Прежде всего – кто он такой, Алексей Станиславович Федорченко?

Он родился 29 сентября 1966 года в городе Соль-Илецк Оренбургской области, но с 1967-го живет в городе Свердловск (которому ныне возвращено его историческое название – Екатеринбург). В 1988 году Алексей Станиславович окончил инженерно-экономический факультет Уральского политехнического института, а в 2000-м – сценарный факультет ВГИКа (мастерская В. К. Черных, Л. А. Кожина и Ю. И. Розина). В 1988-90 годах Федорченко занимал должность инженера-экономиста оборонного завода НПО «Автоматика», а в 1990-2005 годах был экономистом, заместителем директора, продюсером, режиссером Свердловской киностудии. С 2005-го – продюсер и режиссер кинокомпании «29 февраля».

Награжден медалью «За заслуги перед космонавтикой». Член Европейской киноакадемии.

В августе 2013 года Алексей Федорченко приступил к съемкам ретро-драмы «Ангелы революции». Премьера фильма состоялась в октябре 2014 года на Римском кинофестивале, в программе «Кино сегодня». На нем Федорченко был удостоен специального приза – «Марка Аврелия будущего».

Художественный руководитель Римского фестиваля, критик и киновед Марко Мюллер назвал Федорченко *«совершенно оригинальной фигурой в современном российском кинематографе третьего тысячелетия. В первую очередь потому, что от фильма к фильму он изобретал новый стиль и жанр киноповествования: это и смесь документалистики с псевдодокументалистикой, и превращение драматического фильма в тонкую комедию»*.

Алексей Федорченко снял 7 игровых фильмов (в том числе и знаменитый фильм «Овсянки», и «Шошо», и короткометражный «Хроноглаз», и «Небесные жены луговых мари», и упомянутые «Ангелы революции»); 5 документальных лент (в том числе «Давид», «Дети белой могилы», «Австралия»); а также телесериал «Похищение воробья». Приличная фильмография, как видите. Но в YARATe мы смотрели фильм «Первые на Луне» – дебютную игровую полнометражную картину Федорченко, картину необычную, снятую в жанре «мокьюментари».

Тут, я думаю, уместно будет объяснить, что это за жанр такой.

Мокьюментари (*mockumentary* – так называют жанр на его родине, в США, от **to mock**, что значит «подделывать», «издеваться», и **documentary** – «документальный»). В русском языке применяется не вполне точный термин «псевдодокументальный фильм», или «псевдодокументалистика». Жанр появился в 1950-е годы как своеобразный протест против коммерциализации документального кино (следствием чего стали дезинформация и введение постановочных сцен). В псевдодокументальном жанре игрового кино все это доводится до абсурда. Мокьюментальные фильмы внешне соответствуют документальным фильмам, но их предмет, в отличие от настоящего документального кино, является вымышленным и специально «замаскирован» под действительность. Иногда иллюзия реальности создается за счет участия знаменитостей и прочих реально существующих людей. Мокьюментальные фильмы часто предстают в виде исторических документальных фильмов с хроникой и разного рода специалистами, обсуждающими прошедшие события. Такие фильмы зачастую целиком или частично являются импровизациями, поскольку импровизация помогает поддерживать видимость правдивости.

Вот в таком вот «подделанном» под документальное кино жанре и снята была в 2005 году картина Федорченко «Первые на Луне».

О чем она?

Это – якобы документальное свидетельство того, что еще в 1938 году в СССР была предпринята смелая попытка отправить космонавта на Луну. Гениальный конструктор придумал ракету, способную забросить человека на наш естественный спутник и, плюс к тому, специальный модуль, предназначенный для того, чтобы вернуть человека обратно на Землю. Пятеро кандидатов прошли строжайший отбор, среди них – девушка-спортсменка и лилипут, цирковой артист. В обстановке строжайшей секретности их готовят к полету на Луну. Но полетит кто-нибудь один.

Строгий режим, изматывающие тренировки. Все это активно снимают спецслужбы скрытыми камерами. В конце концов, выбор падает на военного летчика, капитана Ивана Сергеевича Харламова. Он обладает отменным здоровьем и всеми необходимыми качествами для первого космического перелета.

Его, облаченного в специальный скафандр, помещают в модуль, модуль заправляют в ракету-носитель, которую везут на стартовую площадку где-то в безлюдной степи. Деталь, вызывающая невольную улыбку: громадную ракету транспортирует к месту старта допотопный паровоз...

16 марта 1938-го; пуск! Но почти сразу же происходит авария, и связь с ракетой пропадает. Конструктор ясно представляет себе, что его ожидает; ему удастся бежать и скрыться на долгие годы где-то в Южной Африке...

«Зачищая» все и вся, как-либо связанное с неудавшейся экспедицией, спецслужбы убивают остальных кандидатов в космонавты, душат их, спящих, отравляющим газом. Чудом остается цел и невредим один-единственный кандидат, профессиональный водолаз...

А что же Харламов Иван Сергеевич? Погиб?

Через некоторое время после неудачного запуска в Чили падает странный метеорит, вызвавший переполох среди местного населения, темных, невежественных индейцев. Постепенно выясняется, что это не метеорит, а искусственно созданный шарообразный объект. Очень похожий на возвращаемый модуль «лунной ракеты»!

Так что же?..

И вот в конце XX века группа энтузиастов пытается изучить историю тех событий, восстановить по крупицам их ход, находит очевидцев или тех, кто их знал. Кое-что удастся выяснить, но далеко не все. Судя по имеющимся данным, Харламов не погиб. Он приземлился в Чили, приземлился порядком побитый, но все же живой. И как же должен был вести себя в данной ситуации не просто советский офицер, коммунист, но и участник секретнейшей миссии?

Разумеется, Иван Сергеевич скрывает свое истинное лицо и положение. Под видом обычного бродяги он сложным путем – через Полинезию, Малайзию, Китай – возвращается в СССР (где на торговом судне, матросом, где просто на лодке, где пешком). Путь домой занимает несколько лет. Вернувшись на Родину, Харламов пытается объяснить, что он – свой, участник первого в мире космического полета, правда, закончившегося неудачно. И куда же он, по-вашему, попадает после таких разговоров? Правильно, в читинскую психбольницу, куда же еще... Будь врачи хоть семи пядей во лбу, проект-то был строго секретным! Что им, светилам медицины, оставалось подумать о контуженом недотепа, лопочущем что-то о полете на Луну?!

Недотепа, между тем, сумел сбежать из психушки и раствориться, так сказать, в толпе. Бежать ему помогла влюбившаяся в него санитарка. Позднее чекисты мытарили ее и так, и эдак, вымогая признание, но женщина не выдала обстоятельств побега и местонахождение любимого. Местонахождение, собственно, было ей не известно. Любимый сменил имя и устроился атлетом в каком-то провинциальном цирке, выступая под имиджем Александра Невского, разбрасывающего псов-рыцарей. Время было послевоенное, публика принимала номер «на ура», понимая, что под видом псов подразумеваются разбитые недавно фашисты.

Дальнейшие следы первого космонавта теряются в безвестности. Но! Найденный в Чили, на месте падения возвращаемого модуля обрывок уцелевшей киноплёнки свидетельствует: **Харламов все-таки побывал на Луне!!!**

Вот такое вот... мокьюментари.

Признаюсь: создается полная иллюзия того, что журналистское расследование – реальное. Не знай я правды (а я видел этот фильм раньше, по телевизору, в «Ночном просмотре» у Гордона), принял бы все это за чистую монету.

В 2005 году фильм Алексея Федорченко получил ряд престижных наград, в том числе премии на Венецианском кинофестивале, на фестивале «Кинотавр», на фестивале в Загребе... Однако же на родине режиссера далеко не все приняли «Первых на Луне» доброжелательно; некоторые киноведы и кинокритики отметили, что «документалистика» получилась недостаточно убедительной, некоторые усомнились в целесообразности создания фильма на такую тематику, а кое-кто даже назвал работу Федорченко «кинохулиганством». Сколько людей, столько и мнений.

Но вернемся к вечеру в **YARATE**. Стараниями организатора вечера был налажен телемост Баку-Екатеринбург. Мы, зрители, получили возможность пообщаться с Алексеем Федорченко, так сказать, вживую. Мы задавали ему вопросы, он отвечал на них. Он рассказывал, как создавалась иллюзия документальности – с помощью исцарапанной пленки и стилизации под хронику тех лет. По словам Алексея Станиславовича, большая часть фильма снята была в Екатеринбурге, а вот подготовку космонавтов снимали в Челябинске, в институте авиации; там стоит техника из Звездного Городка, на которой тренировался еще Гагарин. И актеры работали без дублеров: сами крутились на центрифуге, на ренском колесе, на лопинге, а ведь это под силу лишь профессионалам. Вопросов задавали множество, задал вопрос и я. Мне, как поклоннику братьев Стругацких, интересно было – правда ли, что Алексей Федорченко планирует экранизировать фантастическую повесть Стругацких «Малыш»? Режиссер ответил: да, такие планы были, проект носил рабочее название «Космический Маугли»; но проект пришлось заморозить. Режиссер уточнил, что не собирался дословно переносить «Малыша» на экран, это был бы фильм по мотивам, ибо тема Kontakta интересует его, как режиссера, меньше всего... Еще Алексей Станиславович добавил, что ему очень хотелось бы экранизировать другую повесть Стругацких – «За миллиард лет до конца света»...

По моему мнению, вечер удался. А фильм мне понравился. Мне ли, фантасту, не любить и не ценить экспериментов, в том числе и в кино?

(Баку, 21 ноября 2017)

ТИТАНОВЫЕ ДЕТИ

30 сентября 2021 года в российский и украинский прокат вышел **«Титан»** – фильм французского режиссера Жюли Дюкорно, фильм-сенсация 74-го Каннского фестиваля, фильм, во время премьеры которого многие зрители падали в обморок, фильм, снятый в поджанре **«боди-хоррора»** (то есть фильмов о мутациях и трансформациях человеческого тела), фильм, бросивший вызов каннской иерархии и вызвавший раздрой среди прессы... и, тем не менее, получивший «Золотую пальмовую ветвь», ибо жюри разглядело в фильме Дюкорно «кинематографическую новизну, возникающую на пересечении авторского кино, жанрового аттракциона, радикального феминизма и социокультурной провокации». Жюли Дюкорно стала второй женщиной, получившей престижный приз (первой была новозеландка Джейн Кэмпбелл с фильмом «Пианино», в 1993-м).

Сюжет «Титана» вкратце. Главная героиня, маленькая девочка по имени Алексия попадает в автомобильную катастрофу и получает травму головы. Девочке вживляют в череп титановую пластину. Такое случается нередко, но в случае с Алексией приводит к ужасающим, необыкновенным последствиям: у подрастающей девочки развивается эротическое влечение к автомобилям (!), она занимается с ними сексом и даже беременеет! Из вагины Алексии вытекает машинное масло, во чреве ее растут и ворочаются что-то металлическое... По мере созревания в человеческом теле машинной жизни усиливается тяга Алексии к убийствам...

А когда ее объявляют в розыск – Алексия, изменив внешность, выдает себя за сына пожарного, который потерял своего ребенка много лет назад... Пожарный оказывается способен полюбить Алексию, невзирая на ее обман, и перенести эту любовь на новорожденного ребенка, пусть даже это невероятный гибрид человека и машины...

На пресс-конференции в Каннах режиссер сказала так: *«Фильм «Титан» – о принятии Другого, кем бы этот Другой или Другая ни были... В центре повествования – безусловная любовь, абсолютная любовь, без какого бы то ни было детерминизма. Для меня «Титан» – история любви».*

Когда новость о фильме «Титан», получившем «Золотую пальмовую ветвь» в Каннах, появилась на просторах Фейсбука, я, как водится, внимательно ознакомился с многочисленными комментариями пользователей. Это были Содом и Гоморра. Подавляющее большинство пришло в ужас от сюжета картины; сыпались слова «извращение», «духовная деградация», «психическое заблуждение» и тому подобное; спрашивали возмущенно: «куда катится европейское кино?», «куда катится европейская культура?» и, в конечном итоге, «куда катится человеческая цивилизация?» И лишь изредка звучали голоса, сокрушающиеся по поводу того, что цивилизация катится, в общем-то, туда, куда надо, что фильм смелый, новаторский, да только вам, сиволапым и дремучим совкам с заскорузлым консервативным мышлением, не дано понять новых веяний современного кинематографа...

Я вполне понимал как первых, так и вторых. Самого фильма я пока что не видел, так что ничего плохого о нем сказать не могу. Поэтому обратился к личности режиссера и ее прежним работам – это помогло бы мне во многом разобраться.

(Мысль о том, чтобы отвергнуть сразу же фильм с негодованием, мне в голову не пришла, да и прийти не могла, – как писатель-фантаст, я обязан держать пальцы на пульсе времени, в том числе и на пульсе современного искусства).

Жюли Дюкорно родилась в Париже в семье врачей, гинеколога и дерматолога, и это, как видим, отразилось на ее творчестве. В 2008 году Жюли окончила высшую государственную киношколу **La Femis** (Франция), где училась сценарному мастерству. Ее дебютная короткометражка **«Джуниор»** (2011) рассказывала о 13-летней девочке, которая после перенесенной желудочной инфекции начала сбрасывать

кожу, подобно змее; эта работа принесла Дюкорно приз **Petit Rail d`Or** за лучший короткометражный фильм на Каннском кинофестивале.

Так.

В 2012-м Дюкорно дебютировала на телевидении с драмой **«Съедобно»**. Главная героиня картины в юности была толстой, комплексующей, запуганной, одинокой; но прошли годы, и вот она успешна и хороша собой, но появляется проблема в виде нервной булимии...

Так-так.

Далее последовал фильм **«Сырое»**. Главная героиня, юная вегетарианка Жюстин, поступает учиться на ветеринара; в том же заведении учится ее старшая сестра Алексия. Жюстин под давлением старшей сестры проходит своеобразный обряд посвящения в студенты, и для этого требуется съесть сырые кроличьи почки; наутро Жюстин покрывается зудящей сыпью по всему телу, в больнице ей диагностируют пищевое отравление и выписывают мазь; а ночью она съедает сырую курятину... В общем, тяга к свежему мясу с кровью разгорается у бывшей вегетарианки не на шутку и в конце концов доходит и до каннибализма... Сестры превращаются в отморозенных людоедок...

Фильм «Сырое» получил приз ФИПРЕССИ (Международной Федерации кинопрессы) на международной неделе критики в Каннах и шесть номинаций на «Сезар» (Национальную кинопремию Франции).

Так-так-так...

По словам Дюкорно, ее, как феминистку, интересует женская телесность и ее приукрашенный образ в кино: *«Тело есть тело. В каждом фильме, который мы видим, женщины должны быть красивыми и подтянутыми, должны соответствовать определенным рамкам, но нет: женщины пукают, какают, писают, отрыгивают. Они настоящие люди с настоящими чувствами, и когда они падают, то они падают. Мы все равны со своими телами, так что идите к черту»*.

Во-от. А я-то думал, что после «Антихриста» и «Дома, который построил Джек» Ларса фон Триера меня уже ничем не удивить, ан нет: девица с титановой пластиной в голове, совокupляющаяся с автомобилями, зачавшая и родившая человекомашину... Дорогие мои земляки-кинорежиссеры, поняли, о чем кино снимать надо, чтобы попасть в обойму?!

Шутки шутками, а сейчас надо собрать мысли в кучу и сформулировать свое отношение к творчеству Дюкорно вообще и к ее «Титану» в частности...

Проще всего было бы счесть режиссера человеком с психическими отклонениями, дорвавшимся до кино и воплощающим на экране свои больные фантазии. Но это было бы слишком просто. Если такие вещи снимают – это еще половина яблока; сейчас снимают еще и не такое, а иные художники сооружают инсталляции из фрагментов самых настоящих трупов, и картины порой рисуют чуть ли не дерьмом (кровью месячных – точно). Вторая половина яблока – это когда конструкции из мертвечины или дерьмописи вызывают оживленный, неподдельный интерес публики, доходящий до ажиотажа, а фильм о девице, сношающей с автомобилем, получает «Золотую пальмовую ветвь» за «кинематографическую новизну»... Значит, такова сейчас тенденция. Значит, такие сейчас времена. Значит, такие нынче вкусы.

Хорошо это или плохо?

В первую очередь, это неизбежно. Если вы найдете время посидеть, подумать минут 10-15 и осмыслить современный мир во всем его многообразии, непостижимым образом стыкующийся где-то там с однообразием, то поймете: это действительно неизбежно. Мир изменился. Человек изменился. Сдвиг по фазе: многое из того, что раньше считали непотребством, ныне считается чуть ли не шедевром. Многие из того, что всегда считалось шедевром, ныне держат за шлак. Сейчас во всех видах искусств главенствуют фрики или люди, душевно не здоровые. В принципе, в этом ничего ка-

тастрофического нет: творения как фриков, так и душевнобольных заслуживает внимания, там можно найти немало интересного, это ведь нестандартное мышление, взгляд на привычные вещи под непривычным углом, в этом есть что-то от фантастики!

Другое плохо. Плохо, если будет решено патологию возвести в ранг нормы, а норму низвести до уровня плинтуса. И тогда над показанной историей простой, но чистой и большой любви обычных людей, навроде любви Петрарки к Лауре или Матера к Маргарите, будут потешаться, тыкая в нее пальцем и вопя: «**Отстой!!!**», а благоговей станут перед очередной историей любви между человеком и стиральной машиной или отношений между городскими каннибалами... И тогда творцы-традиционалисты вынуждены будут подлаживаться под патологию-норму, дабы попасть в тренд, чего-нибудь урвать и вообще не выглядеть «белой вороной». Или напротив – пойти на принцип и противостоять в гордом одиночестве всему этому валу новизны и смелости, подвергаясь насмешкам и обструкции. И совсем плохо, когда нельзя будет назвать кошку кошкой, ибо это сочтут предосудительным. Тут поневоле вспомнишь Манифест режиссера Константина Богомолова, то место, где он говорит про Новый этический рейх, в котором *«человека натаскивают на любовь и лишают права свободно ненавидеть. Ты больше не можешь сказать «я не люблю...», «мне не нравится...», «я боюсь...». Ты должен соотносить свои эмоции с общественным мнением и общественными ценностями»*.

И верно: ведь все фильмы Дюкорно, по ее словам, о любви. «Сырое», например, через каннибализм рассказывает о сестринской любви и буллинге, а «Титан» повествует, как уже говорилось, о безусловной любви к Другому, каким бы он ни был... а кровавые аффекты в ее работах не для того, чтобы шокировать зрителя чрезмерным насилием, а лишь форма повествования об обществе и его проблемах... Что тут возразишь?

Повторяю: ни в косности мышления, ни в консерватизме меня обвинить нельзя; я фантаст, я всегда открыт для нового и необычного. Я и сам ведь писал в одной из своих книг: *«Сейчас и ранее фантасты писали о мире будущего; в будущем, когда все фантастическое сбудется и станет реальным, их фантасты начнут писать реалистические книги, и они-то и будут выглядеть самой настоящей фантастикой... Роботы-фантасты напишут книги о людях, разумные животные напишут книги о людях, инопланетяне – какие-нибудь мыслящие слизни, или думающая плесень, или разумные облака – напишут книги о людях, и это будет самая крутая фантастика: человек с точки зрения нелюдей...»* Так может, это будущее уже приблизилось и глядит на нас в упор? Может, и мы сами, и мировое искусство вошли в новую фазу?

Но чем тогда прорыв творца в необозримые пространства вовне отличается от погружения творца в бездны собственного безумия? И есть ли между ними разница? И если есть – то в чем она?..

(Баку, 10 октября 2021)

КРАСНАЯ РУКА РОССИЙСКОГО КИНО

...Две недели я хранил молчание, хотя мне очень хотелось высказаться по поводу полета на МКС российской актрисы Юлии Пересильд и оператора Клима Шипенко; из глупого, быть может, суеверия я решил не трепать их имена и обстоятельства полета, пока они там, в небе; теперь же, когда они оба и космонавт Новицкий благополучно вернулись на землю, я позволю себе взять слово.

Но прежде всего я хочу искренне поздравить Юлию, Клима и Олега (Новицкого) с благополучным приземлением. Случись что – я искренне горевал бы, как горевал по поводу гибели всех космонавтов и астронавтов, заплативших своими

жизнями во имя науки и человечества. Но слава Богу, все обошлось на этот раз, и можно перевести дух, а мысли перевести в слова.

Как я оцениваю полет ради первых в истории съемок художественного фильма на орбите?

...Древняя легенда гласит, что некий король, увидев с корабля зеленые берега Ирландии, сказал своим сыновьям: **«Первому, кто коснется рукой берега, я отдам эту землю во владение».**

Принцы бросились в море – как были, в одежде и при оружии – и поплыли к берегу. Младшему сыну очень хотелось стать властителем Ирландии, но он несколько отставал от старшего; еще немного, и старший брат коснется берега... Тогда младший сын выхватил меч, отсек себе кисть руки и бросил ее вперед. Таким образом, его рука коснулась берега первой; таким образом, земля досталась ему...

К чему я это вспомнил?

Мне полет Юлии Пересильд и Клим Шипенко видится именно такой вот рукой, рукой российского кино, поспешно отрубленной и заброшенной на МКС – для того только, чтобы опередить американский кинематограф, который в ближайшем будущем намеревался отправить в Космос актера Тома Круза, с той же целью: сняться в художественном фильме на орбите.

Почему я вижу так, в таком свете?

Как ни парадоксально это звучит, но я, ровесник космического века, фанат космонавтики во всех ее разновидностях, неизлечимый романтик, один, может быть, из последних романтиков на этой планете, – во всем, что касается таких дорогостоящих и серьезных вещей, как программы космических исследований, сразу превращаюсь в рационалиста и прагматика.

Каждый пилотируемый космический полет, каждый запуск межпланетного аппарата или спутника имеет конкретную, строго обозначенную цель. Во имя этой цели инженеры создают и подгоняют аппаратуру, космонавты до посинения тренируют свои тела и мозги, а технари запускают все это в Космос – на орбиту ли, к Марсу или Венере ли, или вообще за пределы Солнечной системы, как это случилось с «Пионерами» и «Вояджерами»...

Какова, с этой точки зрения, целесообразность запуска на орбиту профессиональной актрисы и профессионального кинооператора?

Ничтожно мала, считаю.

Даже во времена детства и юности мирового кинематографа условия космического полета успешно имитировали с помощью комбинированных съемок или компьютерных спецэффектов; невесомость смогли довольно достоверно изобразить в фантастических фильмах **«Космический рейс»** (1935), **«Космическая Одиссея 2001 года»** (1968), **«Москва-Кассиопея»** (1973) – с помощью специальных технических приспособлений. Операторы комбинированных съемок прошлого изворачивались, как могли: так, извержение венерианского вулкана в **«Планете бурь»** (1961) получили, снимая кипящую кашу, а Мыслящий Океан (**«Солярис»** Тарковского, 1972) – размешав в обыкновенном тазу воду с алюминиевым красителем... Получилось впечатляюще. А при нынешних технологиях можно снять любой реалистический или фантастический фильм о Космосе, вообще не вылезая из павильона. Современная компьютерная графика весьма достоверно изобразила бы и старт, и стыковку, и невесомость, и все остальное.

Но российское кино рискнуло запустить актрису и оператора на настоящей ракете на настоящую МКС. **«Главное в нашем деле – этот самый реализм»** (с). Тогда, может, этот самый реализм и окупит с лихвой все эти хлопоты с подготовкой, запуском, съемками на орбите и возвращением непрофессиональных космонавтов? Пусть не так эффектно, как на компьютере, зато по-настоящему!

Тут я не могу судить; правда, я сам принимал участие в съемках нескольких фильмов и воочию видел, какой это нудный, кропотливый и долгий процесс: установка света, запись звука, установка камеры и т. д., и т. п.; зачастую подготовка съемочной площадки длилась несколько часов, и все для того, чтобы снять эпизод длительностью в минуту или две! Можно ли соблюсти все эти правила в условиях МКС, в состоянии невесомости, в тесноте, среди космонавтов и многочисленных приборов?

Вот тут я, как честный человек, не должен делать никаких преждевременных выводов; вполне возможно, что Клим Шипенко – мастер, каких мало, и сможет при скудности имеющихся средств получить шедевральные картинки; судить о мастерстве актрисы Пересильд я тоже не могу, ибо до сих пор видел ее игру где угодно, только не в состоянии всамделишной невесомости... Поживем, как говорится, – увидим.

Но другой вопрос: это каким же гениальным должен быть сам фильм **«Вызов»**, чтобы и морально, и материально оправдать сложную и дорогостоящую миссию российских кинематографистов вкупе с Роскосмосом?!

Тут я мог бы съязвить и сказать, что, зная-де общий уровень современного российского кино, не жду от **«Вызова»** ничего сколь-нибудь стоящего, что это будет банальный проходняк, который забудут через месяц-два, и вспоминать потом будут исключительно из-за того, что часть съемок велась на настоящей МКС... но опять же как честный человек, не хочу делать преждевременных выводов. Посмотрю фильм, а там уже буду выносить суждения.

И еще: здесь я не хотел бы обсуждать три пункта. Первый: не пострадал ли морально настоящий космонавт, которого отстранили от полета ради запуска на МКС актрисы и оператора; второй: на чьи деньги вся эта затея производилась, на частные или государственные; третий: не девальвируется ли в глазах обывателей профессия космонавта, коли уж оператора и актрису сумели подготовить за столь короткое время (а профессиональные космонавты, как всегда утверждалось, тренируются годами). Это все темы отдельного разговора...

Но вот что я еще хотел бы сказать.

Разумеется, никто и никогда в Роскосмосе не будет интересоваться моим мнением; но если бы удосужились спросить...

В том случае, если съемки на борту МКС производились на государственные деньги, то я решительно заявил бы, что их следовало бы потратить по-иному. Как? По моему глубочайшему убеждению, Роскосмосу следовало бы подготовить и осуществить миссию по изучению некоторых спутников Юпитера и Сатурна, в частности, Европы, Ганимеда, Каллисто, Энцелада, Дионы. На них имеются целые океаны, скрытые под толстым слоем льда; специалисты предполагают, что в этих океанах могут обитать формы жизни. Неплохо было бы заняться Титаном, на котором тоже обнаружен незамерзающий океан под поверхностью. Что может быть интереснее и важнее, чем узнать – есть ли Жизнь еще где-нибудь, кроме Земли? Это была бы подлинная революция как в науке, так и в умах!

Разумеется, все эти миры должны изучаться с помощью автоматических межпланетных станций; последняя попытка долететь до Фобоса, спутника Марса, взять там образцы грунта и привезти их на Землю, закончилась неудачей (в январе 2012 года российская станция **«Фобос-грунт»** сгорела в атмосфере Земли, так и не сумев вырваться за ее пределы). К сожалению, и другой интересный и сложный проект Роскосмоса совместно с Европейским Космическим агентством, **«ЭкзоМарс»**, закончился ничем: в октябре 2016-го спускаемый аппарат вместе с марсоходом разбился при посадке на Красную планету (вот обидно-то!..)

Короче, вот на чем я посоветовал бы Роскосмосу сфокусировать главное внимание: на исследование подледных океанов юпитерианских и сатурнианских лун.

А полет на МКС Юлии Пересильд и Клим Шипенко?

Для меня он, как уже говорилось, является **«красной рукой российского кинематографа»**, брошенной с одной лишь целью: быть первыми, кто снимет фильм на орбите.

Ибо первых долго помнят; а кто помнит вторых?..

(Баку, 17 октября 2021)

ТРИ ВЗГЛЯДА НА ЖИЗНЬ

Не всем известно, что я когда-то планировал попробовать свои силы не только в литературе, но и в кино, точнее в кинодокументалистике. И самовыразиться не только посредством авторучки, но и с помощью гашетки кинокамеры. Как это делал, к примеру, прославленный итальянский режиссер-документалист, телевизионщик и писатель Фолько Куиличи (1930 – 2018).

При этом я осознавал, что кинодокументалистика, в отличие от писательства, требует немалых денежных затрат. А поскольку я отнюдь не султан Брунея, то следовало отыскать пути сотрудничества с богатыми зарубежными организациями, способными заметить тебя и «включить в обойму».

Надо сказать, что я не ограничивался одними мечтами, а предпринимал конкретные шаги. Так, в 2006 – 2007 годах я окончил курсы киносценаристов под эгидой **IFASC** (Ассоциации Кинодеятелей Южного Кавказа), обучался сценарному мастерству у европейских специалистов и получил соответствующий сертификат. Но все мои попытки продать европейцам сценарии своих фильмов окончились безуспешно. Оттолкнула ли их причудливая смесь реализма, фантастики и философии в моих проектах? Тема экологического кризиса? Разброс интересов? Не думаю. Причина в чем-то другом, и я так до сих пор не понял, в чем именно. Подрубленный отказами, я не стал обучаться дальше операторскому искусству, и сосредоточил все свои силы на писательстве, пытаюсь компенсировать на бумаге все то, что чаял показать на экране.

Но в личном архиве хранятся мои работы. Мне они кажутся интересными.

«Соприкоснуться с небом», например. Возможно ли познание и освоение мира исключительно путем духовных практик, или человечеству не обойтись без приростки?

Документальная кинодиалогия **«Больная земля» / «Больное море»**, о том, как беспощадно замусорена земля и загрязнены моря (в финале этой антиутопии дается фантастическое интервью автора с «человеком будущего» – тюленеподобным существом, которое питается пластиком и вместе со своими сородичами обитает на Земле, окончательно превращенной в огромную мусорную свалку...).

Или **«Планета по имени Океан»** – попытка взглянуть на Мировой океан как на другую планету...

Или **«Путешествие во Времени без ее Машины»**...

Как видите, меня всегда занимала тема окружающей среды, а также внутренний мир человека. И всегда хотелось взглянуть на это через призму фантастики и средствами кино, **«важнейшего из искусств»**...

Но, как говорится, не срослось.

А вот сегодня... Имей я сегодня возможность снять документалку – о чем бы она была?

В своем фильме я рассказал бы о трех разных людях.

Первый – африканец, егерь из кенийского заповедника, один из тех, кто с оружием охраняет исчезающие виды зверей – носорогов, например. И при этом часто

вступает в схватки с лютыми браконьерами, которые безжалостно валят этих громадных зверей для того лишь, чтобы отпилить у них рог. Мой герой непременно должен быть чернокожим, плоть от плоти Африки, видящий смысл своей жизни и работы в охране животных своего континента, которых по пальцам можно пересчитать, так мало их осталось...

(Вариант: чернокожий рейнджер из Судана, с оружием охраняющий слонов от беспощадного истребления браконьерами; его работа еще более опасна; если рога носорогов потом продают для изготовления целебных снадобий, то выручка от слоновьих бивней часто идет на финансирование военизированных групп боевиков и террористов; в Центральной Африке всегда кто-нибудь с кем-нибудь воюет...).

Второй персонаж – известный голландский художник, инженер и кинетический скульптор Тео Янсен. Вот уже много лет он создает из полихлорвиниловых трубок, пластиковых бутылок, полиэтилена, деревянных реек, скотча своих знаменитых «береговых животных». Это сложные конструкции, напоминающие выцветшие скелеты зверей или рыб, резво шагающие по пляжу под воздействием ветра и обладающие простейшими рефлексами. Янсен всерьез поговаривает о некоей «эволюции» своих кинетических скульптур...

И, наконец, Сара Сигер (Sara Seager), американка канадского происхождения, астрофизик, планетолог, биолог. Профессор Массачусетского технологического института, член Национальной академии наук США и Американского философского общества. Получив в 2013 году стипендию Мак-Артура (так называемый «грант для гениев»), Сара включилась в проект «**Кеплер**» и с помощью одноименного космического телескопа ищет за пределами Солнечной системы похожие на Землю планеты, вращающиеся вокруг звезд, похожих на Солнце... Позднее она продолжила поиски экзопланет уже с помощью космического телескопа **TESS**. А в планах у нее – **STARSHADE**, «звездный абажур», пара из космического телескопа **WFIRST** и световой заслонки в форме цветка подсолнуха диаметром в 30 метров. Смысл этого «союза» таков: «цветок» заслоняет свет звезды, что позволит телескопу лучше, качественнее разглядывать саму экзопланету...

Вот такая вот цепочка из трех звеньев: человек, охраняющий редких животных, почти полностью истребленных из-за алчности другими людьми; талантливый инженер, с упоением создающий квазживых существ; экзобиолог, терпеливо выискивающий признаки жизни в глубинах Вселенной...

С ними было бы любопытно поговорить; они могли бы многое рассказать, да и показать тоже. Три таких разных взгляда на жизнь!

Иногда я с юмором задаю себе вопрос: если подать заявку в родное Министерство кинематографии и попросить у них денег на осуществление проекта, на командировки в Штаты, Нидерланды и Кению, чтобы снять на пленку беседы с вышеназванными личностями – с какой космической скоростью и в какую звезду я буду послан?..

(Баку, июль 2024)

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

СЕВДА АГАЛАРОВА ХИТРЫЙ ПЛАН

Юмореска

Стоял жаркий июльский вечер.

В дачном доме Агабалы хоть и горел свет, но было так тихо, что, казалось, наступила глубокая ночь. Причиной всеобщей «немоты» было объявление младшим сыном о скорой женитьбе. Каждый из членов семьи пытался самостоятельно проанализировать новость.

Глава семьи еле сдерживался. Глаза были «залиты кровью», но мозг пытался решить проблему. Мать металась в поисках «виновных», но ограничивалась тяжелыми вздохами. Сестра, «слившись» с телефоном, делилась новостью с подружками и уже решала, что наденет на ближайшее мероприятие. Ведь у неё особый статус. Она – «балдыз».

Ну в общем, это все потом, а пока нужно было, как минимум, восстановить нормальную обстановку в доме.

Тишину нарушил сосед – Ага-Натиг. Стучал долго. А так как был по характеру человеком настойчивым, то не сдался и первый этап участка прошёл без разрешения, на свой страх и риск. Затем, увидев хозяина дома за окном, двинулся прямо к дверям. Двери отворил сын. Напряг в доме наступил бы любого, но только не Ага-Натига. Он поздоровался и двинулся дальше. Его не смутило удивление жены, и он не заметил безразличия в лице хозяина. Ага-Натиг поздоровался и сразу же перешёл к делу.

Первые 15 минут он говорил о соседе, который разбросал весь мусор перед его воротами. Далее тема резко перешла на положение дел в Африке. Этому было посвящено ещё минут 30. А потом перешёл к теме, которая является благодатной во все времена – «смена поколений» и самое главное – «молодые и их пороки». Агабала, уже начиная с причитаний о проблемах в Африке, был похож на «охотника за головами», а резкая смена на тему столь болезненную для него, просто вывела его из себя. Поддерживая Ага-Натига, он истошно кричал в «знак согласия».

И произошло «чудо». Ага-Натиг замолк. Затем последовало второе – Ага Натиг задумался. Оба эти «чуда» создали третье. Он спросил: «Что-то случилось?» Агабала не любил выносить мусор из избы, но тут «Остапа понесло...»

Жена поняла, что настал момент и можно подать чай. Так за столом двое абсолютно чужих друг другу человека решали проблему молодых влюблённых. Причём, если отец все время пытался объяснить, что его сын просто обыкновенный дурак, то Ага Натиг, воспользовавшись ситуацией, пытался внушить соседу мысль о своём умственном превосходстве. В какой-то момент Агабала подустал, и все это стало его раздражать. Но остановить соседа было невозможно. Это был его звездный час. Появилась возможность рассказать «о себе» все, что было годами накоплено.

Агабала почувствовал желание просто взять и прогнать его. Но воспитание удержало этот порыв. И тут вдруг, словно искра – возникла мысль: «А что если...?»

Преследуемый этой идеей, он вдруг стал улыбаться, а затем закатился таким смехом, что все члены семьи сбежали в комнату. Агабалу невозможно было остановить. Это была настоящая истерика.

Ага-Натиг виновато смотрел на членов семьи. Но он и сам не понимал, что произошло?

Агабала пришёл в себя и объявил четким голосом своё решение: «Сватовство будет в ближайшее воскресенье и Ага Натиг пойдёт с нами». Ибо он считает его самым достойным, образованным и умным из всех его знакомых аксакалов.

Если Ага-Натиг был несказанно горд, то всех остальных хватил удар от услышанного. но изменить что-то не был кто-либо в силах. На том и решили: в воскресенье - сватовство!

Ага Натиг ушел вдохновлённый и счастливый. И в этот же вечер начал готовиться к мероприятию. Открыв шкаф, он понял, что проблем с костюмом нет, ибо нет выбора. Он у него один и почти новый. Речь решил подготовить позже.

Благо время есть.

В доме Агабалы стояло гробовое молчание. Все боялись даже задать вопрос. Уже находясь в спальне, Агабала спросил жену: «Ты бы отдала дочь, если бы свататься пришёл Ага Натиг?»

Жена решила быстро заснуть, пока не пришло осознание происходящего.

В воскресный день, в хорошем настроении, с цветами, с тортом, с «хончой», все отправились в дом к невесте.

Ага Натиг был в ударе. Он начал с истории сватовства и его значения. Затем «несколько слов о себе» - эта часть оказалась самой длительной. Тут его перебил отец девушки, выразив свой восторг познаниями Ага-Натига, и продолжил беседу, дав «справку» о себе лично и о своих достижениях. Это был своего рода «Баттл», в добром смысле этого жанра. Где-то через 30 минут им стали намекать о цели встречи.

В общем отец девушки не просто заявил о подаче сладкого чая, а лично его подсластил всем гостям, чем очень удивил даже своих.

Вдруг Ага Натиг заметил слёзы на глазах у Агабалы. Он подошёл и, обняв его, сказал: «С этого дня мы с тобою братья. А братья могут и должны ходить друг к другу в любой день, в любой час. Я теперь и дня не смогу прожить, не поговорив с тобою. Я счастлив, что не подвёл тебя. Пусть в твоём доме всегда царит счастье!»

Агабала посмотрел и подумал: «Черт подери меня, и чего это я против судьбы попер?»